

**Власть истории –
История власти**

Том 9. Часть 6. (№48)

**The Power Of History
– The History Of Power**

Volume 9. Issue 6. (№48)

Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-61481

от 24 апреля 2015 г.

Эл № ФС77-61482

от 24 апреля 2015 г.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Власть истории – история власти» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Журнал входит в Перечень ВАК (№ 694)

Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад в поддержку проекта.

ISSN 2415-7015

8 номеров в год

Е-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://etnosocium.ru/vi>

Язык: русский, английский.

Зам. гл. ред. С.В. Рыбаков

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 15,75

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «Этносоциум»

Отпечатано в типографии Международного издательского центра «Этносоциум»,

105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Москва 2023

Certificate of registration of mass media

ПИ № ФС77-61481

Founded in April 24, 2015

ЭЛ № ФС77-61482

Founded in April 24, 2015

The journal is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“The Power Of History” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

The journal is included in the list of HAC (№ 694)

**We express our gratitude
of the outstanding scientists and public figures, who made
a financial contribution to the project.**

ISSN 2415-7015

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://etnosocium.ru/english/The-Power-Of-History-vi-iv>

Languages: Russian, English

Deputy Chief Editor: Rybakov S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

The original layout was prepared by the International Publishing Center «Ethnosocium»

Printed in the printing house of the International Publishing Center «Ethnosocium»

105066, Moscow, Spartakovskaya st., 19, building 3.

Moscow 2023

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Зам. Главного Редактора, руководитель проекта:

Рыбаков С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долженко А.Н., доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков. Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ненарокова М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник, отдел Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения. Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) РАН. Переводчик.

Нагорнова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Никашина Н.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Клименко Д.А., кандидат филологических наук, специалист по Италии.

Мурашко С.Ф., кандидат психологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Ивакин Г.А., доктор исторических наук, профессор, эксперт. Заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Наумова Г.Р., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ковалева Н.А., доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР).

Летуновский П.В., кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Варсонофьев В.В., кандидат политических наук, военный эксперт.

Чапкин С.В., почетный академик, президент «Академии экологии и права».

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Вражнова М.Н., доктор педагогических наук, профессор, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Курбонзода Хонали, доктор исторических наук, Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Платонова Н.М., доктор исторических наук. Доцент кафедры «Теория и история государства и права» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).

EDITORIAL BOARD

Deputy. Chief Editor and Project Manager:

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, professor of the history of Russian Ural Federal University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of National and Federal Relations of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of Russian and Foreign Languages at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Nenarokova M.R., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Leading Researcher, Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature. Institute of World Literature RAN. Interpreter/Translator.

Nagornova E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Nikashina N.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Klimenko D.A., Candidate of Philology, specialist in Italy.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Expert. Deputy Director of the Federal State Budgetary Scientific

Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”.

Naumova G.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kovaleva N.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Foreign Languages of Nanjing University (PRC).

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the A.M. Vassilevsky Soviet Union.

Varsonofiev V.V., Candidate of Political Science, Military expert.

Chapkin S.V., Honorary Academician, President of the “Academy of Ecology and Law”.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Vrajnova M.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road Construction University (MADI).

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences, Rector of the «National Institute of professional development and training of educators».

Platonova N.M., Doctor of Historical Sciences. Associate Professor of the Department “Theory and History of State and Law” of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Far Eastern State University of Communications” (Khabarovsk).

Содержание

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Меньшова А.В., Самокрутова Т.А., Панкова И.А., Гроховская Т.В.

К вопросу об арготической лексике современного французского языка со значением «одежда», «обувь».....12

Лю Син Отрицательный перенос родного языка в практике преподавания грамматики русского языка и меры по его преодолению.....20

Карпушкина И.Н. Репрезентация образа России в немецкоязычной медиасфере (2000-2010).....36

Гаранина А.А. Портретирование через дискурс СМИ.....48

Лешкова Я.Н. Новый подход к жестовым языкам в рамках евразийской парадигмы.....56

Исаев М.Г. Визуальная модальность в массовых коммуникациях.....76

Асланова К.М., Станчуляк Т.Г., Кожевникова Е.В.

Лингвостилистические средства выражения комического в английской детской литературе.....88

Ван Юйсюань Формирование лингвокультурной компетенции средствами русской фразеологии в процессе изучения русского языка как иностранного.....97

Мороз Ю.А., Гакало А.А., Шувалова А.А.

О (не)переводимости метафоры с точки зрения некоторых испанских, французских и каталонских выражений и фразеологизмов.....104

Орлова Т.А., Резепова Н.В. Лингвокультурологические особенности топонимов Великобритании.....114

Сон Ён Иль Семантически-синтаксическая специфика слова –что и его словосочетания.....122

Чжао Цзюнчэнь Новостная журналистика: специфика организации контента в эпоху «новых медиа».....136

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Иванова М.Е., Резепова Н.В. Патриотизм

и служение отечеству как национальная идея: общественно-исторический обзор.....143

Дьяков С.И., Горохов В.В., Ванягин В.Е.

Образовательный процесс (порядок набора, переподготовка, результаты боевых артиллерийских стрельб, тактические учения и совершенствование учебно-материальной базы) в Рязанском Артиллерийском Училище с 1946-1958 гг.....158

Никитина А.В. Феномен «наследств»

в русской политической мысли XIV–XVI вв.: краткий обзор зарубежной историографии.....172

ИСТОРИЯ ГЕОПОЛИТИКИ,

МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Ванграуа В. Ванесса Эстель

История отношений Буркина-Фасо и Ганы 1980-2022.....179

Чжао Хуэйцин, Дударенок С.М. Изучение истории

китайской диаспоры российского Дальнего Востока в России и КНР...191

Таршилова А.М. Международный контроль

за атомной энергией: к истории постановки вопроса.....200

Фомин А.А., Тимошенко В.Н., Иванов А.Ю.

Участие Республики Филиппины в Корейской войне 1950-1953 гг.....208

Богданов С.В., Залюбовская В.В.

Полевые и местные комендатуры германских оккупационных властей и их роль в утверждении немецкого «нового порядка».....213

Гусейнов Анвархан Асиф оглы Вклад ученых АЗССР

(на примере Юсифа Мамедалиева) в совершенствование добычи нефти и природного газа для укрепления боевой мощи Красной армии.....221

Аннотации.....232

Авторы.....247

Content

PHILOLOGY, LINGUISTICS

<i>Menshova A.V., Samokrutova T.A., Pankova I.A., Grokhovskaya T.V.</i> Revisiting the argotic vocabulary of the modern French language with the meaning «clothes», «shoes».....	12
<i>Liu Xing</i> Negative transfer of the native language in the practice of teaching grammar of the Russian language and measures to overcome it.....	20
<i>Karpushkina I.N.</i> Representation of Russia in German media sphere (2000-2010).....	36
<i>Garanina A.A.</i> Portrayal through Media Discourse.....	48
<i>Leshkova Ya.N.</i> A new approach to sign languages within the Eurasian paradigm.....	56
<i>Isaev M.G.</i> Visual modality as a part of mass communication.....	76
<i>Aslanova K.M., Stanchuliak T.G., Kozhevnikova E.V.</i> Linguistic and stylistic means of expressing the comic in English children's literature.....	88
<i>Wang Yuxuan</i> Formation of linguocultural competence by means of Russian phraseology in the process of learning Russian as a foreign language.....	97
<i>Moroz Yu.A., Gakalo A.A., Shuvalova A.A.</i> About the (un)translatability of metaphor in the perspective of some Spanish, French and Catalan locutions and Phraseological units...104	
<i>Orlova T.A., Rezepova N.V.</i> Linguoculturological features of godonyms of Great Britain.....	114
<i>Song Young Il</i> Semantic-syntactic specificity of the word - the same as its phrases.....	122
<i>Zhao JiongChen</i> News journalism: Specific features of content organization in the epoch of «new media».....	136

ACTUAL QUESTIONS OF HISTORICAL SCIENCES

<i>Ivanova M.E., Rezepova N.V.</i> Patriotism and service to the fatherland as a national idea: a socio-historical review.....	143
---	-----

<i>Dyakov S.I., Gorokhov V.V., Vanyagin V.E.</i> Educational process (recruitment procedure, retraining, results of combat artillery firing, tactical exercises and improvement of educational material base) in the Ryazan Artillery School since 1946-1958.....	158
<i>Nikitina A.V.</i> The phenomenon of «legacies» in the Russian political thought of the XIV–XVI centuries: a brief review of foreign historiography.....	172

HISTORY OF GEOPOLITICS, INTERNATIONAL RELATIONS AND WORLD HISTORY

Wangraoua W. Vanessa Estelle

The history of relations between Burkina Faso and Ghana 1980-2022.....	179
<i>Zhao Huiqing, Dudarenok S.M.</i> Studying the history of the Chinese diaspora of the Russian far east in Russia and PRC.....	191
<i>Tarshilova A.M.</i> International control of atomic energy: a history of the problem.....	200
<i>Fomin A.A., Timoshenko V.N., Ivanov A.Y.</i> Participation of the republic of the Philippines in the Korean war 1950-1953.....	208
<i>Bogdanov S.V., Zalyubovskaya V.V.</i> Field and local commandage offices of the German occupation authorities and their role in establishing the German «new order».....	213
<i>Huseynov Anvarkhan Asif ogly</i> The contribution of scientists of the AZSSR (by the example of Yusif Mamedaliev) to the improvement of oil and natural gas production to strengthen the Red Army’s battle power.....	221
<i>Abstracts</i>	240
<i>Authors</i>	250

Филология, лингвистика

Philology, linguistics

Меньшова А.В.

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Тамбовский Государственный Университет имени Г.Р. Державина».

Самокрутова Т.А.

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Тамбовский Государственный Университет имени Г.Р. Державина».

Панкова И.А.

Доцент, ФГБОУ ВО «Тамбовский Государственный Университет имени Г.Р. Державина».

Гроховская Т.В.

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Тамбовский Государственный Университет имени Г.Р. Державина».

**К вопросу об арготической лексике
современного французского языка
со значением «одежда», «обувь»***

Понятие «языковой картины мира» восходит, с одной стороны, к идеям В. Фон Гумбульда и неогумбольдтианцев (Л. Вайсгерберг и др.) о внутренней форме языка, а с другой стороны – к идеям американской этнолингвистики, в частности, так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа.

Современный французский язык не ограничивается правильной, литературной версией. Необходимо принимать во внимание и его обратную сторону – арготическую речь, столь распространённую в настоящее время.

Арготическая лексика представляет собой особый пласт лексики на

* © Меньшова А.В., Самокрутова Т.А., Панкова И.А., Гроховская Т.В., 2023.

современном этапе развития французского языка. Необходимо сказать, что образование и развитие данных лексических единиц является особенностью французского языка XX и XXI веков. И это ещё раз доказывает, что языковая картина мира очень изменчива и подвержена постоянному динамическому развитию.

Арготическая речь в большей или меньшей степени характерна для всех языков мира. Арго имеет огромное значение для французов, став почти в один ряд с литературным языком.

Основным пользователем арготической речи является молодёжь, что объясняется стремлением молодых людей отличаться, показаться оригинальным и т.п.

Термин «арго» употребляется сегодня в трёх различных значениях. Во-первых, арго – это язык деклассированных элементов общества (*argot du milieu*), желающих, чтобы их речь оставалась непонятной для непосвящённых. Это исконное значение термина «арго». Во-вторых, часть секретного арго проникла со временем в общий язык и также стала обозначаться термином арго. Наконец, этим термином обозначается профессиональное арго, т.е. устная терминология, используемая в различных профессиональных сферах [1, 2, 3].

В ходе данного исследования были выявлены синонимичные ряды арготической лексики со значением «одежда», «обувь». Необходимо отметить, что все нижеуказанные лексемы характерны для современной французской языковой картины мира. Почти все предметы одежды в той или иной степени являются универсальными, подходящими как для юношей, так и для девушек, что ещё раз свидетельствует о тенденции к унификации одежды, столь актуальной в настоящее время.

Одежда:

Harnais (m.pop.) – «одежда, одёжка». Это метафора. Слово появилось во французском языке в XII веке и обозначало «рыцарские доспехи». В настоящее время слово приобрело несколько иронический, насмешливый оттенок.

Sape (m) (sappes) (m.pl.) (arg.) – «одежда, одёжка, шмотки, тряпки». Происхождение данного слова неясно. Это слово является производным от французского глагола “*saper*” – «одеть, разодеть».

Головной убор:

Bada (m.arg.) – «шляпа». Способ образования данного слова – апокопа – выпадение одного или нескольких звуков на конце слова. Здесь апокопа от “*badaboum*”, что переводится как «тарарах». Вероятно, это метафора для обозначения «творческого беспорядка» на голове, который может скрыть этот вид головного убора.

Bâchis (m.arg.) – «кепка». О происхождении данной лексемы ничего не

известно. Этимологи предполагают, что это слово произошло от французского “*baschoe*” – один из видов корзин. Ссылаясь на данное предположение, можно сделать вывод, что значение современного слова основано на *метафорическом сходстве* форм этих предметов.

Bitard (bitau, bitau (se)) (m.arg.) – «шляпка». Происхождение данного слова неясно, но, как предполагают этимологи, эта лексема произошла от имени шляпника, т.е. здесь образование слова *от имени собственного*.

Bloum (m.arg.) – «шляпа». Происхождение данного слова также неясно, но, возможно, как считают авторы словаря арго, были так называемые Блюментальские торговцы, продававшие эти шляпы.

Doulos (se) (m.arg.) – «шляпа». Данное слово произошло от “*douil*” – «маленькая кадка для сбора винограда». Это *метафора*, основанная на сходстве этих предметов.

Grivelle (f.arg.). Данная лексема образована от *Grivel* – имя шляпника. Иначе говоря, данное слово произошло *от имени собственного*.

Верхняя одежда

Rase-pet (pop.) – «короткая куртка». Это пример *словосложения*; “*rase*” переводится как «доходящий до уровня чего-либо»; “*pet*” переводится как «кишечное расстройство», т.е. *rase-pet (m)* – это куртка «на уровне кишечника».

Trousse-pet (pop.) – «короткая куртка». Это также пример *словосложения*. Это вид куртки, доходящей до живота.

Costard (m.pop.) – «костюм». Данная лексема образована *суффиксальным способом*: в данном случае мы наблюдаем *суффиксацию* от нейтрального слова “*costume*”. Суффикс *-ite* заменяется на суффикс *-ard*, который ещё в XVI веке имел уничижительный характер.

Rider (reader, ride) (m.arg.) – «роскошный, модный костюм». Слово произошло от английского “*rider*” – «наездник». Всем известна страсть англичан к скачкам, это считается показателем высокого статуса в обществе, атрибутом «роскошной жизни». Можно провести параллель со значением данного предмета одежды.

Smok (m.arg.) – «смокинг». Это заимствование (от англ. “*smoking*”) с использованием *анокопы*.

Платье:

Serpillère (f.arg.) – «*грубый холст*»; «*платье*». Это *метонимическое использование слова*, имеющего значение «грубого полотна из льняного полотна».

Брюки:

Bénard (m.arg.) – «брюки». Данная лексема образована от имени собственного. *Auguste Bénard* (Огюст Бенар) выпустил в 1876 году очень необычные брюки: узкие в коленях, но широкие внизу.

Grimpant (m.pop.) – «брюки». Слово образовано *суффиксальным способом*.

бом. К основе 'grimpe' ("grimper" – «подниматься наверх, карабкаться») прибавляется суффикс *-ant*.

Fendant (*fendard, fendart, fendu*) (*m.pop.*) – «брюки», «штаны». Данная лексема образована от французского "fendre" – «расщеплять», «разрубать». Это *метафора*, которая заключается в налёте на форму брюк, которые кажутся несколько раздвоенными (такого эффекта достигают за счёт специального пошива данного вида одежды).

Froc (*m.pop.*) – «брюки», «штаны». Слово является примером заимствования (от нем. "frock" – «одежда», «юбка», «мундир»).

Patte (*f.pop.*) (*patte d'éléphant*) – брюки-клёш. Это *метафорическое использование слова*, что обозначает «ноги слона». Метафора основана на сравнении огромных массивных ног этого животного с широкими по всей длине брюками.

Носки, чулки:

Gants (*m.pl.*) – «носки». В нейтральной лексике слово обозначает «перчатки». Здесь же мы видим *метафорическое переосмысление нейтрального слова*. Слово, которое в норме обозначает «одежду» для рук, теперь употребляется в значении «одежды» для ног.

Lisses (*f.pl.*) (*lices*) (*pop.*) – «чулки». В данном случае перед нами *субстантивация*. Данное слово образовано от прилагательного "lisse" – «ровный», «гладкий». Здесь номинативное использование имени прилагательного, основанное на сходстве признака предмета с этим прилагательным (имеется в виду, что наощупь чулки гладкие).

Обувь:

Chaussettes (*f.pl.*) *à clous* (*pop.*) – «солдатские ботинки». В данном случае мы видим *метафорический эвфемизм*. Эвфемизм – не прямое, смягчённое выражение вместо резкого нарушающего нормы приличия. Дословный перевод данной лексемы – «носки на гвоздях».

Écrase-merde (*m/f, pop.*) – «туфли, ботинки на толстой подошве». Данная лексема образована путём сложения двух слов: "écraser" – «раздавить» и "merde" – «дерьмо».

Godasse (*f. pop.*) – «ботинок», «туфля». Слово образовано суффиксальным способом: прибавление уничижительного суффикса *-asse* к арготическому слову "godillot" – «баширек», «грубый ботинок».

Godillot (*m.fam.*) – «грубый ботинок, баширек, солдатский ботинок». Слово произошло от имени собственного – изобретателя военной обуви (*Godillot*).

Заимствования как способ образования лексем со значением «одежда», «обувь»

За последние десятилетия в повседневном обиходе французов произошёл ряд изменений. В экономику, рекламу, спорт, культуру, разговорный

язык проникло много англоамериканизмов, которые дублируют французские термины.

Учитывая специфику настоящего исследования, следует подробнее остановиться на проблеме заимствований в сфере моды (на примере лексических единиц со значением «одежда», «обувь»).

Безусловно, одежда и обувь имеют огромное значение для жизнедеятельности человека. Эта лексика довольно многочисленна. Изучая ее специфику, можно легко проследить динамику её изменения и обогащения.

Во французском языке распространённый глагол *“aller”*, имеющий огромное количество значений, употребляется также, когда мы говорим о внешнем виде человека:

Вместо привычного:

“Cela te va très bien!” («Тебе идёт!» – платье, брюки и т.д.)

сегодня часто можно услышать:

“Tu as un bon look!” («Ты отлично выглядишь!») *“a look”* (англ.) – одно из значений – «внешний вид».

Данное выражение является примером коннотативного заимствования. Во французском языке уже давно существовало подобное высказывание, но в последнее время к нему прибавился ещё и англоамериканский синоним, который по своему употреблению ничем не уступает французскому.

В настоящее время можно услышать английские синонимы следующих французских слов:

Clothes (англ.) – *vetements* (m.pl.) (фр.) – «одежда».

Shoes (англ.) – *chaussures* (f.pl.) (фр.) – «обувь».

A dress (англ.) – *robe* (f) (фр.) – «платье».

A sweater (англ.) – *shandail* (m) (фр.) – «свитер».

Jeans (англ.) – *denim* (m) (фр.) – «джинсы».

История столь популярных в наше время джинсов очень интересна. Она возвращает нас к средним векам, когда в Генуе производили плотную ткань для парусов, по-английски названную *jean*. Эта версия корректируется другой: саму ткань выработывали во Франции, в городе Ним (*de Nimes*), Генуя же поставляла краситель – индиго. Отсюда и другое название джинсов, отражающее вклад французов и которым пользуются англичане, – *деним* (*“denim”*).

Одновременное употребление в речи обоих вариантов стало уже обычным и привычным.

Можно также привести следующие примеры частого употребления англицизмов в современном французском языке:

“A tee-shirt” (*“T-chirt”*) – «майка (или футболка) с короткими рукавами, при развороте напоминающая букву «Т»;

“short” – «шорты» - “short” (англ.) – «прил. – «короткий»; что-то очень короткое»;

“A mini-kilt” – «мини-юбка»;

“trousers” – «брюки» [4, 5, 6, 7, 8].

Все эти англоамериканизмы проникли во французский язык в связи с влиянием американской культуры на культуру Франции и очень хорошо употребительны (особенно среди молодёжи). Необходимо отметить, что в разговорной речи старшего поколения не наблюдается такого количества англоамериканизмов.

В заключении следует отметить, что язык – постоянно меняющаяся система. Лексика французского языка является зеркалом общественной жизни человека, его материальных и духовных ценностей, и поэтому находится в состоянии динамичных модификаций.

Расширение и сужение значения отдельно взятых лексем со значением «одежда», «обувь» подтверждает изменчивость языковой картины мира.

Значительную роль в обогащении лексики играет словообразование. Одни затрагивают смысл слова (образование новых слов от имени собственного, субстантивация и т.д.), другие изменения затрагивают форму слова (префиксация, суффиксация и др.).

Также особое место в обогащении лексики отводится заимствованиям. В современном французском языке преобладают заимствования из английского языка.

Библиографический список:

- [1] Апресян Ю.Д. Избранные труды. – Т.П. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 348-385, 628-631, 460-481.
- [2] Вайсгербер Л. Язык и философия // ВЯ. 1993. № 2. С. 45-80.
- [3] Веденина Л.Г. Особенности французского языка. – М.: Просвещение, 1988.
- [4] Bauche H. Le langage populaire. – P., 1946.
- [5] Bally Ch. Linguistique générale et linguistiques française, Berne, 1944.
- [6] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, М.: Олма-пресс, 2005.
- [7] Bloch O.W. von Wartburg Dictionnaire étymologique de la langue française. Press Universitaire de France, 1975.
- [8] Dauzat A., Dubois J., Mitterand H. Nouveau dictionnaire étymologique et historique, Librairie Larousse, P.: 1971.

Reference

- [1] Apresyan Y.D. Selected works. - VOL. II. Integral description of language and system lexicography. - Moscow: School "Languages of Russian Culture", 1995. P. 348-385, 628-631, 460-481.
- [2] Weisgerber L. Language and Philosophy // VYA. 1993. № 2. P. 45-80.
- [3] Vedenina L.G. Features of the French language. - M.:Prosveshchenie, 1988.
- [4] Bauche H. Le langage populaire. - P., 1946.
- [5] Bally Ch. Linguistique générale et linguistiques française, Berne, 1944.
- [6] Dahl V.I. Tolkovoi Dictionary of the Living Great Russian Language, Moscow: Olma Press, 2005.
- [7] Bloch O.W. von Wartburg Dictionnaire étymologique de la langue française. Press Universitaire de France, 1975.
- [8] Dauzat A., Dubois J., Mitterand H. Nouveau dictionnaire étymologique et historique, Librairie Larousse, P.: 1971.

Меньшова А.В.

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО
«Тамбовский Государственный Университет имени Г.Р. Державина».

Самокрутова Т.А.

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО
«Тамбовский Государственный Университет имени Г.Р. Державина».

Панкова И.А.

Доцент, ФГБОУ ВО
«Тамбовский Государственный Университет имени Г.Р. Державина».

Гроховская Т.В.

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО
«Тамбовский Государственный Университет имени Г.Р. Державина».

**К вопросу об арготической лексике современного
французского языка со значением «одежда», «обувь»**

Аннотация. Статья рассматривает проблему языковой картины мира. Понимание языковой картины мира носителей иностранного языка имеет колоссальное значение из-за необходимости изучения межкультурной коммуникации в целях изучения культурных различий народов и специфики менталитета. Цель настоящей статьи заключается в изучении конкретного фрагмента языковой картины мира француза XXI века на примере арготических лексических единиц с общим значением «одежда», «обувь». Поставленная цель конкретизируется в следующих задачах: исследовать специфические особенности языковой картины мира во Франции XXI века; исследовать происхождение арготических лексем с общим значением «одежда», «обувь» современного француза.

Ключевые слова: языковая картина мира, словообразование, лексическая единица, арготическая лексема, арготическая лексика, лексическая система французского языка, этимология, этимон, суффиксация, префиксация, заимствования, метафора, апокопа, метонимия, субстантивация, эвфемизм.

Menshova A.V.

Senior Lector, Derzhavin Tambov State University.

Samokrutova T.A.

Senior Lector, Derzhavin Tambov State University.

Pankova I.A.

Assistant Professor, Derzhavin Tambov State University.

Grokhovskaya T.V.

Senior Lector, Derzhavin Tambov State University.

**Revisiting the argotic vocabulary of the modern French language
with the meaning «clothes», «shoes»**

Abstract. The article considers the problem of the linguistic picture of the world. Understanding the linguistic picture of the world of native speakers of a foreign language is of great importance because of the need to study intercultural communication in order to study the cultural differences of peoples and the specifics of mentality. The purpose of this article is to study a specific fragment of the linguistic picture of the world of the Frenchman of the XXI century on the example of argotic lexical units with a common meaning «clothes», «shoes». The goal is specified in the following tasks: to study the specific features of the linguistic picture of the world in France of the XXI century; to study the origin of argotic lexemes with the general meaning «clothes», «shoes» of the modern Frenchman.

Key words: linguistic picture of the world, word formation, lexical unit, argot, lexeme, argotic lexeme, argotic vocabulary, lexical system of the French language, etymology, etymon, suffixation, prefix, borrowings, metaphor, apocope, metonymy, substantiation, euphemism.

Лю Син

Доктор филологических наук, Хуайиньский Технологический Институт, Хуайань, Китай.

Отрицательный перенос родного языка в практике преподавания грамматики русского языка и меры по его преодолению*

Благодарности. Эта статья является частичным результатом исследовательского проекта «Сопоставительное исследование русской и китайской невербальной коммуникации с точки зрения гендерных стереотипов» (№ проекта: 2022HGS003), поддержанного Фондом Хуайиньского Технологического Института для молодых ученых 2021 г., а также частичным результатом проекта «Сопоставительное исследование русского и китайского соматического языка с точки зрения гендерных стереотипов» (№ проекта: 2022SJYB1942) при поддержке Фонда Департамента образования провинции Цзянсу в области философии и социальных наук.

Введение

Каждый язык в человечестве — это своеобразная система, построенная по определенным законам. При изучении иностранного языка человек всегда неизбежно опирается на родной язык. Его первичные лингвистические навыки, как правило, оказывают решающее влияние на усвоение вновь приобретенных. В психологии данное явление принято называть переносом, который в зависимости от функции делится на положительный и отрицательный. В связи с тем, что русский и китайский языки принадлежат к разным языковым семьям и группам, в процессе обучения русскому языку как иностранному китайские студенты часто смешивают правила отбора и употребления языковых единиц двух языков, и совершают разнообразные фонетические, лексические, грамматические и стилистические ошибки. Целью данной статьи является анализ типичных грамматических ошибок, вызванных главным образом отрицательным переносом со стороны родного китайского языка. И в качестве примеров выбираются ответы на экзаменационные билеты и домашние задания по русской грамматике, а также упражнения из учебника, сделанные во время урока студентами, обучающимися в Хуайиньском Технологическом Институте на первом и

* © Лю Син, 2023.

втором курсе. В конце статьи, основываясь на полученных результатах, выдвигаются соответствующие методы повышения эффективности преподавания русской грамматики, чтобы помочь студентам-русистам избежать негативного влияния китайского языка на русский, и по-настоящему овладеть русским языком.

1. Понятия «перенос» и «отрицательный перенос родного языка»

В исследованиях, касающихся обучения второму иностранному языку, в центре внимания оказывается проблема переноса. Еще в 1957 году американский лингвист Роберт Ладо (*Robert Lado*) в своей монографии отмечал, что изучающие иностранные языки склонны переносить форму и значение своего родного языка и культуры в иностранный язык и культуру. Знаменитый философ Витгенштейн (*Wittgenstein*) также упомянул о феномене переноса схем мышления: «Возьмем, к примеру, немцев, умеющих свободно говорить по-английски. Даже они не сначала придумывают немецкие выражения, а затем переводят их на английский, в их речи всегда присутствует какой-то немецкий привкус». [Хэ Чэнь: 163]

По сути, перенос в принятом выражении «языковой перенос» не является специфическим термином для определения овладения вторым языком, а скорее представляет собой заимствованное понятие из психологии. Согласно Х. Эллису (*H. Ellis*), перенос — это гипотеза о том, что изучение задачи А повлияет на изучение задачи Б. В своем высказывании Джеймс (*James*) предложил заменить «задача А и задача Б» на «первый язык (*L1*) и второй язык (*L2*)», вследствие чего формируется понятие «языковой перенос». Иными словами, языковой перенос — это психологическая теория обучения, предназначенная для объяснения природы овладения вторым языком. По мнению известного английского лингвиста С. Пита Кордера (*S. Pit Corder*, 1973), перенос означает процесс сознательного или бессознательного применения учащимся знаний, полученных им при выполнении определенной задачи, для решения другой аналогичной задачи [Хао Дунцин: 157]. Основываясь на результатах исследования феномена языкового переноса в области овладения вторым языком, Т. Одлин (*T. Odlin*) в своей книге «Языковой перенос: межъязыковое влияние при изучении языка» («*Language transfer: cross-linguistic influence*») интерпретирует перенос как влияние различий и общностей между изучаемым языком и другими усвоенными (или не полностью усвоенными) языками [Одлин: 27].

В Китае теория языкового переноса, связанная с усвоением и изучением иностранного языка, была выдвинута в 1950-х годах. Под ней тогда понималось явление, когда учащийся пытается выразить свои мысли с помощью фонологических, лексических, структурных правил своего родного языка или культурных привычек при общении на изучаемом языке. Нет сомнений, данное явление очень распространено, особенно на начальном

этапе обучения иностранному языку. Китайские психологи и лингвисты неоднократно обращались к проблеме языкового переноса и предложили различные толкования. Среди них надо особенно отметить мнение Чжоу Люси, указывающее на то, что существует широкое и узкое понимание переноса обучения. В широком смысле он обозначает влияние одного вида обучения на другой, т. е. влияние уже полученных знаний, навыков и даже методов и установок на приобретение новых. В узком смысле — это термин в прикладной лингвистике, используемый для обозначения процесса овладения иностранным языком, в котором обучающийся применяет знания своего первого (родного) языка для успешного усвоения нового языка. [Ван Цян: 78] В «Словаре языка и лингвистики», составленном немецким ученым Буссманн Хадумеде (*Bussmann Hadumod*), дается следующее определение: «Перенос — психологический термин, обозначающий воздействие или влияние усвоенного поведения на поведение, подлежащее усвоению. В лингвистике под настоящим термином подразумевается влияние особенностей родного языка на изучение иностранного языка, включая положительное и отрицательное» [Чэнь Хуэйин, Вэнь Жэньбай: 567].

Исходя из вышеуказанных определений можно сказать, что языковой перенос — это многоаспектное понятие, обозначающее не только лингвистическое явление, но и психологический процесс освоения нового языка на основе первоначально усвоенного родного языка. Сам процесс переноса может быть положительным и отрицательным. В русском языке для обозначения отрицательного переноса, проявляющегося в виде нарушений и ошибок в речи и письменности учащихся, иногда используется термин «интерференция», который, очевидно, заимствован из английского языка «*interference*». Для адекватного понимания в качестве примера можно привести известную фразу «好好学习，天天向上» (*hao hao xue xi, tian tian xiang shang*), высказанную первым председателем КНР Мао Цзэдун. Многие носители китайского языка, изучающие английский, буквально переведут ее на «*good good study, day day up*»¹. Очевидно, это имеет тесную связь с правилами построения предложений китайской языковой системы. Среди ученых по отношению к такого рода явлению даже сложилось особое название «китайский английский».

Как всем известно, русский и китайский — два разных языка, которые имеют свои уникальные особенности и сложности, что неизбежно создает трудности в процессе их освоения. Например, при переводе предложения «他拉着姑娘的手» (*ta la zhe gu niang de shou*) на русский язык довольно часто китайские студенты-русисты выбирают такой вариант: «Он взял руку

1 В данной статье знак «*» используется для отметки неправильного или неточного ответа.

девушки»*. На самом деле правильной формой должно быть выражение «Он взял девушку за руку». Под влиянием китайского языка учащиеся рассматривают слово «девушка» в данном предложении как определение (т. е. рука девушки), а не как объективное дополнение в русском языке. Существует также другая типичная ошибка, допускаемая носителями китайского языка при изучении русского, а именно прямой перевод «大家怕他» (*da jia pa ta*) на «Все боялись его»*. Но в этом случае при отсутствии особого акцента на субъекта действия русские склонны употреблять неопределенно-личные предложения, как «Его боялись». Итак, из-за специфических особенностей мышления двух народов возникает явление отрицательного переноса. [Ван Цюн: 4]

Бесспорно, в процессе преподавания русского языка как иностранного особое внимание должно быть уделено явлению отрицательного переноса родного языка, который проявляется на разных уровнях языка: фонетическом, грамматическом, лексическом и семантическом. Грамматика как один из основных элементов языка имеет огромное значение при обучении и формировании практических навыков иностранного языка. В связи с этим в настоящей статье основной акцент делается на раскрытии форм выражения отрицательного переноса родного языка при обучении китайских студентов русской грамматике и исследовании эффективных мер преодоления этого.

2. Формы выражения отрицательного переноса родного языка на грамматическом уровне

Русский язык как язык с очень богатыми морфологическими изменениями слов принадлежит к группе флективных языков, в которых преимущественно посредством изменения форм самих слов выражаются синтаксические отношения между ними. Возьмем, к примеру, выражение «Читать новую книгу брата». В нем существительное в винительном падеже «книгу» указывает на подчинение глаголу «читать» через окончание «-у»; «брата» — форма родительного падежа, обозначающая отношения принадлежности между лицом «брат» и предметом «книга». Слово «новую» — имя прилагательное, оно используется в качестве определения «книгу» и согласуется с ним по падежу. [Ван Цюн: 11] А в китайском языке, который является аналитическим, выражается по совсем иным правилам. Например, с целью обозначения принадлежности книги к брату принято употреблять служебное слово «的» (*de*), т. е. «哥哥的书» (*ge ge de shu*).

Безусловно, в русском языке имеются бесчисленные грамматические особенности. Для многих иностранцев, в том числе и китайских русистов, самым сложным элементом русского языка является именно грамматика. Ввиду того, что большинство китайских студентов изучают русскую грамматику в китаеговорящей аудитории, языковая среда и полученные ими

сведения о изучаемом языке, а также используемые языковые материалы в той или иной степени оказывают значительное влияние на результат усвоения. Множество исследований доказывает, что неспособность к полному овладению студентами грамматическими правилами русского языка и неумение осуществлять эффективное общение с русскими в первую очередь объясняются влиянием родного китайского языка. Ниже на основе практических материалов по русской грамматике мы будем проводить сравнительный анализ китайского и русского языков, а также выявлять наиболее характерное воздействие отрицательного переноса родного языка на усвоение морфологических и синтаксических норм русского.

2.1 На морфологическом уровне

2.1.1 Видовременная системы глагола

В русском языке глагол — это самостоятельная часть речи, обозначающая процесс, действие или состояние через категории вида, залога, наклонения, времени и лица. Разнообразие грамматических форм русских глаголов без исключения вызывает трудности у китайских студентов, начинающих изучать русский, поскольку в китайском языке глаголы не имеют такие богатые изменения, что легко приводит к возникновению отрицательного переноса. Например, когда студенты выполняют упражнения по переводу предложений с китайского на русский, связанных с условным наклонением глагола (т. е. сочетание глагола в форме прошедшего времени с частицей «бы»), как «我处在她的位置就不会这样做» (*wo chu zai ta de wei zhi jiu bu hui zhe yang zuo*) и «没有你们的帮助我们就不能完成这项工作» (*mei you ni men de bang zhu wo men jiu bu neng wan cheng zhe xiang gong zuo*), они часто забывают о существовании у русских глаголов категории наклонения, которая включает в себя изъявительное, условное и повелительное, а переводят прямо так: «На ее месте я так не поступил»*, «Без вашей помощи мы не могли выполнить эту работу»*.

Практика показывает, что среди вышеупомянутых многочисленных грамматических категорий русских глаголов вид, выражающий способ протекания действия, с наибольшей вероятностью может вызвать отрицательный перенос родного языка. Как отметил известный китайский ученый Чжан Цзяхуа, в русском языке категория вида отражает характеристики расширения или разделения человеческого поведения во времени с точки зрения ограниченности и целостности, а грамматическое значение выражается через совершенный и несовершенный виды глаголов. Совершенный и несовершенный виды русских глаголов в основном имеют комплексные формальные маркеры, а глаголы, лишённые форм видов, вообще отсутствуют. Следовательно, выбор вида глагола в речи является обязательным, что означает, что в контекстах без какой-то семантики категории вида также должен быть сделан подобный выбор. [Чжан Цзяхуа: 178]

Что касается китайского языка, то совсем другая ситуация. До сих пор проблема о наличии категории вида китайских глаголов еще остается спорной. Ныне широко признано, что в китайском языке существуют грамматические категории противоположных видов, которые делятся на длительный вид, обозначаемый глагольным суффиксом «着» (*zhe*); эмпирический вид, обозначаемый суффиксом «过» (*guo*); и совершенный вид, обозначаемый частицей «了» (*le*), и т. д. [Ван Цюн: 20] Ср. :

В китайском языке	В русском языке
我正读着这本书呢。 (<i>wo zheng du zhe zhe ben shu ne</i>)	я читаю эту книгу.
我读过这本书。 (<i>wo du guo zhe ben shu</i>)	Я читал эту книгу.
我读完这本书了。 (<i>wo du wan le zhe ben shu</i>)	Я прочитал эту книгу.

В русском языке глагол несовершенного вида в прошедшем времени обозначает постоянное, длительное действие, а глагол совершенного вида в прошедшем времени — одно конкретное действие, выполненное в определенный момент времени. Но такие различия отсутствуют в китайском языке. Итак, в следующих ситуациях китайским студентам трудно делать правильный выбор:

- (1) 夏天我通常早晨6点起床。(*xia tian wo tong chang liu dian qi chuang*)
Летом я всегда **вставал** в шесть часов.
- (2) 昨天我早晨7点起床的。(*zuo tian wo zao chen qi dian qi chuang de*)
Вчера я **встал** в семь утра.

Кроме этого, некоторые русские глаголы несовершенного вида в прошедшем времени иногда употребляются в значении аннулирования действия, т. е. результат действия в момент говорения уже исчез, а соответствующие глаголы совершенного вида указывают на то, что результат действия все еще поддерживает в момент разговора. Под влиянием привычного мышления китайские студенты часто ошибаются. К примеру, при переводе китайского предложения «昨天我父母到我这儿来了，他们要在我这儿住一个月» (*zuo tian wo fu mu dao wo zhe er lai le, ta men yao zai wo zhe er zhu yi ge yue*), они не имеют точного представления о том, какую видовую форму глагола, «приехать» или «приезжать», следует употреблять, что приводит к неправильному переводу «Вчера ко мне приезжали родители. Они будут жить у меня месяц»*. На занятиях по русской грамматике такого рода примеры встречаются очень часто. Например, подобное предложение «去年父母到我这儿来了，他们在我这儿住了一个月» (*qu nian fu mu dao wo zhe er lai le, ta men zai wo zhe er zhu le yi ge yue*) переводят на «В прошлом году ко

мне приехали родители. Они жили у меня месяц»*.

Опыт подсказывает, что китайские студенты-русисты также часто смешивают значения и употребления вида глагола будущего времени. Как перечислено в учебнике по русской грамматике, глагол несовершенного вида в будущем времени, состоящий из слова «быть» и инфинитива, имеет три характерных типа употреблений: 1) будет проходить, т. е. соберется; 2) будет продолжать; 3) будет постоянно и итеративно проходить. И соответственно, глагол совершенного вида будущего времени, обозначающий намерение совершить конкретное действие в будущем, особенно подчеркивает значение «уверенность» или «экспектация». В Китае многие студенты в начале обучения испытывают трудности в усвоении данного нового грамматического правила, отличающегося от уже привычных. Например, Т.В. Смулова в своей статье «Лексико-грамматические трудности и способы их преодоления при изучении русского языка китайскими студентами» отметила, что китайцы, изучающие русский язык, для обозначения однократного действия в будущем часто используют глагол несовершенного вида в форме будущего времени «Я буду покупать словарь» вместо «Я куплю словарь» [Смулова: 288]. К тому же, при образовании формы будущего времени двух видов глагола немало студентов даже делают одинаковую ошибку: вместо «Я куплю словарь», они говорят «Я буду купить словарь»*.

2.1.2 Падежно-родовая система имени существительного

Имя существительное — это часть речи, обозначающая название предметов в широком смысле слова, включая название вещей, лиц, веществ, живых веществ, фактов, событий, явлений и т. д. В отличие от китайского языка, все существительные в русском языке, имеющие форму единственного числа, обладают грамматической категорией рода, которая обычно делится на три вида: мужской, женский и средний. А в китайском языке значение пола различается исключительно лексическими средствами, как «男» (nan), «女» (nv), «公» (gong), «母» (mu), «雌» (ci), «雄» (xiong), «阴» (yin), «阳» (yang) и т. д. При изучении имени существительного китайские учащиеся очень легко понимают, что русские существительные как «отец», «папа», «дедушка», «дядя», «муж» и «Коля» относятся к мужскому роду, и «мать», «мама», «бабушка», «тетя», «жена», «Наталья», соответствующим образом, — к женскому роду. Дело в том, что в таких случаях род существительного определяется биологическим полом обозначаемого лица, что и соответствует китайскому мышлению. Но в процессе разделения рода существительного, не характеризующего человека, следует соблюдать другие правила. Например, «учебник» — мужской род, «книга» — женский род, «письмо» — средний род. В соответствии с традиционными представлениями китайцев все эти три

существительных обозначают предметы, не имеющие сознания и жизни, и их род, несомненно, должен быть одинаковым.

Между тем большую трудность для китайцев представляют и русские существительные общего рода, которые могут быть и женского, и мужского рода в зависимости от контекста. Ср.:

(3) Машенька, как же ты **умница!**

(4) Наш **умница** закончил четверть без троек.

Видно, что в первом предложении слово «умница» соотносится с обращением «Машенька», поэтому здесь оно принадлежит женскому роду; а во втором предложении помощью притяжательного местоимения «наш» и глагола в форме прошедшего времени «закончил» можно определить, что умница является существительным мужского рода.

Наряду с родом русское существительное обладает и относительно более сложной категорией падежа, которая выражается в противопоставлении 12 рядов форм. В китайском языке грамматическая категория падежа не выделяется, и средством выражения подобного значения являются предлог, союз, вспомогательный глагол и другие служебные слова. А в русском языке различают шесть падежей, и изменение падежам — это изменение окончаний слова. При выполнении самостоятельной работы немало студентов игнорируют упомянутые грамматические правила, и составляют такие предложения, отражающие специфику китайского языкового мышления, как «Музыка нравится и мать»*, «Друг мой отец журналист»*. Русский ученый Л.С. Корчик провел тщательный анализ типичных ошибок, допускаемых китайскими студентами при изучении грамматической темы «Имя существительное», и обнаружил, что «в речи китайцев часто встречаются ошибки при употреблении именительного и винительного падежей, например: *Виктор приехать Москва. Студент идти университет.* Китайские учащиеся часто забывают использовать предлог... В русском языке для выражения пространственных отношений используется конструкция «одуш. сущ. + глагол движения + дат. пад. сущ. с предлогом к»: *Я иду к врачу. Студент пошел к сестре.* Ошибкой в письменной работе китайского студента: *я идти врач. Студент идти сетсра.*» [Корчик: 120].

2.2 На синтаксическом уровне

2.2.1 Согласование сказуемого с подлежащим

Как в китайском, так и в русском языке, подлежащее и сказуемое — это грамматическая основа предложения. Признано, что подлежащее в китайском предложении не имеет своих особых морфологических признаков, и всегда предшествует сказуемому. И сказуемое имеет одну и ту же форму независимо от того, какое слово, выступающее в роли подлежащего, ставится впереди него. [Чжан Лиянь: 75] Но в соответствии с русской грамматикой место подлежащего и сказуемого в предложении не

зафиксировано, и между ними действует правило согласования. Например, часто употребляемое в русском языке глагольное сказуемое изменяется по лицам и числам, в результате чего образуется три формы лица в единственном и множественном числе. Для прошедшего времени такого рода сказуемого, наряду с числом, характерна и категория рода. Как правило, они имеют устойчивое окончание и должны всегда согласовываться с подлежащим в лице, роде и числе: «Вчера Антон **вернулся** в семь часов вечера», «Вчера Анна **вернулась** в семь часов вечера», «Вчера Антон и Анна **вернулись** в семь часов вечера».

Из-за влияния негативного влияния со стороны родного языка китайцы, изучающие русский язык, нередко испытывают на себе трудности при усвоении и употреблении правила согласования сказуемого с подлежащим в практической деятельности. Например, в ответах студентов к домашним заданиям и упражнениям часто встречаются такие неправильные выражения:

(5) С утра **пошла** дождь.*

(6) Студенты нашей группы **сдал** экзамены.*

(7) **Кончилась** занятия. Из аудитории **вышел** преподавательница.*

В дополнение к вышесказанному следует отметить, что наряду с изучением глагольного сказуемого, составное именное сказуемое, выраженное конструкцией «глагол-связка + именная часть», и вызывает большие трудности у китайских студентов. Среди типичных ошибок можно выделить такие: «Бабушка очень **добрый**»*, «Москва **является один** из красивейших городов»*, «В последнее время преподавательница **стал менее строгий**»*. Разумеется, причина одних и тех же ошибок заключается в нарушении связи между подлежащим и сказуемым, а именно правила согласования.

Еще в русском языке существует особый вид предложений, как безличное предложение. В предложениях такого рода нет и не может быть так называемого подлежащего, и субъект действия преимущественно выражается дательным падежом. Из-за недостаточного внимания к этому специфическому явлению русского языка среди китайских студентов нередки следующие типичные ошибки:

(8) **Я** грустно.*

(9) Каждый день **вы** надо вставать так рано?*

(10) **Мать** всю ночь не **спалась**.*

2.2.2 Порядок слов в предложении

Порядок слов является неотъемлемой чертой предложения-высказывания, без учета порядка слов невозможно построить нормальное предложение [Мао Юйпэн: 97]. В русском языке порядок слов в предложении выполняет важную коммуникативную функцию. Он может варьироваться в зависимости от коммуникативной задачи сообщения. Например, в повест-

вовательных предложениях подлежащее может как предшествовать сказуемому, так и следовать за ним: «В комнату вошел молодой человек», «Был холодный зимний день». Иногда дополнение, обозначающее в основном объект действия и соотносимое с понятием «宾語» (*bin yu*) в китайском языке, даже помещается в самом начале предложения. Ср.:

(11a) Отец купил компьютер.

(11б) Компьютер купил отец.

(11в) Компьютер отец купил.

Все перечисленные три варианта порядка слов являются для русского языка абсолютно нормальными. В предложении (11a) содержится ответ на вопрос «Что сделал отец?», в предложении (11б) — ответ на вопрос «Кто купил компьютер?», а предложение (11в) является ответом на вопрос «Каким образом отец приобрел компьютер?».

Как было отмечено выше, в китайском языке порядок слов, который является одним из основных синтаксических средств построения предложения, всегда зафиксирован. Общепринято считать, что для китайского языка основной типичной конструкцией предложения является «подлежащее + сказуемое + дополнение». Итак, не так трудно понять, почему в упражнениях по переводу предложений с русского языка на китайский очень часто встречаются такие ошибки, как с «Кого ждет Антон?» на «谁在等安东?»* (*shui zai deng an dong?*), с «Кому ты сделал этот подарок?» на «谁送给你的这个礼物?»* (*shui song gei ni de zhe ge li wu?*). Действительно, в отличие от китайского в русском языке порядок членов предложения более свободен. Это вовсе не значит, что слова в предложении могут стоять в любом порядке. Но в этом отношении китаеговорящие студенты на начальном этапе изучения русского языка часто имеют искаженные или, как говорят ученые, неточные представления, вследствие чего делают немало ошибок в заданиях. Например, при переводе предложений «春天来了» (*chun tian lai le*) и «会议结束了» (*hui yi jie shu le*) на русский язык, они единодушно думают, что по отношению к каждому предложению допустимы два варианта перевода: «Весна наступила»*, «Наступила весна»; «Собрание кончилось»*, «Кончилось собрание», и в то же время большинство из них склонны к выбору первого. Тем не менее, в соответствии с русской грамматикой в предложениях такого типа, сообщающих о событии (что происходит или что случилось) в целом, порядок слов является фиксированным, а точнее, — сказуемое должно быть размещено перед подлежащим.

Необходимо подчеркнуть, что ошибки в области порядка слов выявляются не только в повествовательных предложениях, но и в вопросительных, особенно в собственно-вопросительных. Например, выполняя упражнения по переводу предложений с китайского языка на русский, студенты всегда придерживаются такого мнения, что «这是谁的房间?» (*zhe*

shi shui de fang jian?) = «Это чья квартира?»*, «你们系有多少位老师?» (*ni men xi you duo shao wei lao shi?*) = «На вашем факультете сколько преподавателей?»*, «你们父母什么时候来北京?» (*ni men fu mu shen me shi hou lai bei jing?*) = «Ваши родители когда приедут в Пекин?»*. По мнению ученого Мао Юйпэн, «данную ошибку обуславливает принятый в китайском языке порядок слов, согласно которому на него не влияет тип предложения – повествовательный или вопросительный» [Мао Юйпэн: 100-101]. В русском языке, наоборот, вопросительное местоимение всегда без исключения ставится в начале предложения.

3. Методика преодоления отрицательного переноса родного языка при преподавании грамматики русского языка

Можно сказать, что грамматика — это главный элемент на пути овладения русским языком, который напрямую влияет на развитие языковой компетенции учащихся. Вместе с тем необходимо отметить, что изменение имен существительных по падежам и выбор видовой формы глагола могут быть более полно реализованы лишь в предложениях и текстах. Ввиду этого, в процессе обучения грамматике русского языка не следует объяснять абстрактные правила словоизменения изолировано от речевой практики. Чтобы преодолеть отрицательное влияние родного языка на изучаемый русский язык, повысить эффективность урока и помочь учащимся формировать грамматические навыки, в статье рекомендуется два методических подхода к преподаванию русской грамматики.

3.1 Сопоставительный метод обучения

Согласно «Словарю лингвистических терминов», составленному Т.В. Жеребило, «сопоставительный метод — это система приемов и методики анализа, используемая для выявления общего (всеобщего) и особенного в сравниваемых языках» [Жеребило: 351]. В процессе преподавания сопоставляться могут и родственные языки, и языки разноструктурные, принадлежащие к разным языковым семьям, как русский и китайский языки. Особенно при обучении русской грамматике, сильно отличающейся от китайской, сопоставительный метод следует широко применять на разных этапах урока. И для того, чтобы обеспечить продуктивность процесса овладения учащимися грамматическими правилами, необходимо использовать специально подобранный языковой материал в качестве предмета сопоставления, который соответствует реальному уровню владения студентами русским языком.

Например, когда студенты начинают изучать простые предложения в русском языке, они еще не имеют точного понятия о некоторых изменениях слов по падежам, числам и родам. Причина в том, что такие изменения противоречат нормам словоупотребления в их сознании, или из-за влияния родного языка они совсем не обращают внимания на подобные

изменения. В таком случае не стоит давать всю парадигму склонения имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений, а также спряжения глаголов. Преподаватель может привести несколько простых, но типичных примеров, чтобы помочь студентам лучше понять данный языковой феномен. Учитывая тот факт, что китайские слова не склоняются, можно выбрать простой английский глагол «be» в качестве примера. Ведь после многолетнего изучения данного первого иностранного языка они уже привыкли к изменениям этого слова при сочетании с разными личными местоимениями.

При этом языковой материал, назначенный для сопоставительного анализа, не допускается произвольно подавать в процессе обучения. В своей статье Т.В. Смурова особо подчеркивает, что «основной принцип подачи грамматического материала – принцип постепенности, или концентризма, т. е. постепенное усложнение изучаемого материала» [Смурова: 288]. Например, при преподавании значений и употреблений глаголов несовершенного вида можно начинать с объяснения обозначения действия, происходящего в момент разговора. В качестве примера анализа можно выбрать предложения «Я ем суп» и «Он слушает музыку» из первого тома учебника «Русский язык». Позже раскрывается значение регулярной повторяемости, а также значение постоянный признак предмета и способность человека. К слову, это и как раз соответствует последовательности столкновения студентов с этим грамматическим явлением.

3.2 Дедуктивный метод обучения

Дедуктивный метод обучения — это подход, основанный на передаче знаний и создании новых знаний на основе уже существующих. Это значит, что сначала преподаватель знакомит студентов с определенными грамматическими правилами, а затем приводит конкретные примеры применения их в речи и письменности, чтобы формировать у них осознанное понимание. Как утверждают многие педагоги-русисты, дедуктивный метод является одним из широко используемых способов объяснения сложных грамматических явлений и правил, практически отсутствующих в родном языке учащихся. Дело в том, что без предварительного раскрытия теоретических сущностей не только студенты испытывают затруднения в усвоении и применении, но и преподаватели с трудом организуют разные практические занятия. В связи с этим данный метод и называется путем от теории языка к речевой практике.

В отличие от сопоставительного метода обучения, реализация дедуктивного метода включает в себя несколько этапов, каждый из которых требует внимания. Возьмем, к примеру, преподавание грамматической темы «Вид глагола». Как отмечает китайский ученый Ван Цюн в своей диссертации, весь процесс можно разделить на пять основных этапов:

Первый этап — преподаватель объясняет грамматическое правило, и помогает студентам соблюдать и понимать это правило;

Второй этап — преподаватель указывает глаголы несовершенного или совершенного вида, и выделяет студента для образования глаголов другого соответствующего вида на основании выученного правила;

Третий этап — преподаватель дает подробное объяснение основных значений несовершенного и совершенного вида путем использования большого количества примеров;

Четвертый этап — преподаватель проводит разные упражнения применительно к употреблению видов глагола, включая выбор видов глагола для заполнения пробелов, переписывание предложений, перевод с китайского на русский, составление предложений и т. д.;

Пятый этап — преподаватель организует студентов для выполнения комплексных упражнений, чтобы проверить состояние владения значениями и употреблениями соответствующих видовых форм глагола [Ван Цюн: 33-34].

Выводы

Подводя итог, можно сказать, что трудно представить преподавание грамматики русского языка без учета лингвистического и социокультурного опыта китайских учащихся. Наряду с выявлением поверхностных различий между русским и китайским языками, следует и раскрыть более глубокие причины. И чтобы формировать и развить грамматическую культуру студентов, начинающих изучать русский язык совершенно с нуля, требуются огромные усилия преподавателя на всех этапах обучения русской грамматике. Между тем не только письменные упражнения, но и речевые являются очень важными условиями для проверки знаний грамматики студентов. Преподаватель русского языка должен с помощью практических занятий укрепить их грамматические навыки.

Библиографический список:

- [1] Буссманн Хадумедэ (составл.), Чэнь Хуэйин, Вэнь Жэньбай (перев.). Словарь языка и лингвистики. Пекин: Коммерческое издательство, 2003. 674 с.
- [2] Ван Цюн. Теория переноса родного языка в практику обучения русскому языку: дисс. ... магис. филол. наук. Чанчунь, 2006. 40 с.
- [3] Ван Цян. Теория и практика предметного обучения английскому языку. Аньхой: Издательство просвещения Аньхой, 2003. 312 с.
- [4] Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 5-е., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
- [5] Корчик Л.С. Работа над грамматической темой «Имя существительное» в китайской аудитории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2013. № 4. С. 117-124.
- [6] Мао Юйпэн. Характеристика ошибок в области порядка слов в письменной речи китайских учащихся // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 6. С. 97-102.
- [7] Одлин Т. Языковой перенос. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1989. 224 с.
- [8] Смурова Т.В. Лексико-грамматические трудности и способы их преодоления при изучении русского языка китайскими студентами // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 5. С. 287-290.

- [9] Хао Дунцин. Отрицательный перенос родного языка при овладении вторым языком // Журнал исследования языка и литературы. 2014. № 3. С. 157-158.
- [10] Хэ Чэнь. Конкретные проявления влияния отрицательного переноса родного языка на уровень перевода неанглоязычных студентов в университетах и стратегии улучшения преподавания // Университетское образование. 2022. № 8. С. 163-165.
- [11] Чжан Лиань. Исследование явлений отрицательного переноса языка в процессе обучения русскому языку // Вестник Университета финансов и экономики Внутренней Монголии. 2014. № 2. С. 71-76.
- [12] Чжан Цзяхуа. Сопоставительный анализ грамматического значения совершенного вида глаголов в русском и китайском языках // Сопоставительное исследование русского и китайского языков: т. 1; под ред. Чжан Хуэйсэнь. Шанхай: Шанхайская пресса по обучению иностранным языкам, 2004. С. 177-209.

Reference

- [1] Bussmann Hadumod (compiled), Chen Huiying, Wen Renbai (transl.). Dictionary of Language and Linguistics. Beijing, Commercial Publishing House, 2003. 674 p. (In Russian)
- [2] Wang Qiong. The theory of the transfer of the native language into the practice of teaching Russian: Master's thesis of Philological sciences. Changchun, 2006. 40 p. (In Chinese)
- [3] Wang Qiang. Theory and practice of subject-based English language teaching. Anhui, Anhui Education Press, 2003. 312 p. (In Chinese)
- [4] Zherebilo T. V. Dictionary of linguistic terms. Ed. 5th, ispr. and add. Nazran, Pilgrim, 2010. 486 p. (In Russian)
- [5] Korchik L.S. Work on the grammatical topic "Noun" in the Chinese audience. Journal of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Questions of education: languages and specialty, 2013. № 4. P. 117-124.
- [6] Mao Yupeng. Characteristics of errors in the field of word order in the written speech of Chinese students. Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 2020. № 6. P. 97-102. (In Russian)
- [7] Odlin T. Language transfer. Cambridge, Cambridge University Press, 1989, 224 p.
- [8] Smurova T.V. Lexical and grammatical difficulties and ways to overcome them when learning Russian by Chinese students. Actual problems of humanities and natural sciences, 2015. № 5. P. 287-290. (In Russian)
- [9] Hao Dongqing. Negative transfer of the native language when mastering a second language. Journal of Language and Literature Research, 2014. № 3. P. 157-158. (In Chinese)
- [10] He Chen. Specific manifestations of the impact of the negative transfer of the native language on the level of translation of non-English-speaking students at universities and strategies for improving teaching. University education, 2022. № 8. P. 163-165. (In Chinese)
- [11] Zhang Liyan. Research of the phenomena of negative language transfer in the process of teaching the Russian language. Journal of Inner Mongolia University of Finance and Economics, 2014. № 2. P. 71-76. (In Chinese)
- [12] Zhang Jiahua. Comparative analysis of the grammatical meaning of the verbal aspect in the Russian and Chinese languages. Comparative study of the Russian and Chinese languages: Vol. 1, ed. By Zhang Huisen. Shanghai, shanghai foreign language education press, 2004. P. 177-209. (In Chinese)

Лю Син

*Доктор филологических наук,
Хуайиньский Технологический Институт, Хуайань, Китай.*

**Отрицательный перенос родного языка
в практике преподавания грамматики русского языка
и меры по его преодолению**

Аннотация. Русский и китайский языки, различающиеся по происхождению, имеют принадлежность к разным языковым семьям. Русский язык принято относить к индоевропейской семье, а китайский язык, в свою очередь, признается как представитель сино-тибетской языковой семьи. Между двумя языковыми системами существуют различия почти на всех уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом, стилистическом и т. д. Это неизбежно оказывает большое влияние на обучение китайских студентов русскому языку как иностранному. По этой причине немало ученых уделит и уделяют внимание исследованию роли родного китайского или русского языка в процессе овладения вторым новым языком. В настоящей статье с точки зрения теории отрицательного переноса родного языка анализируются и обобщаются распространенные грамматические ошибки у китайских студентов-русистов, связанные с их этноязыковым сознанием и недостаточным усвоением грамматических норм современного русского языка. Выдвигаются методы и стратегии обучения, способствующие преодолению отмеченных отрицательных переносов. Автором отмечается, что отрицательный перенос представляет собой объективно существующее явление, имеющее свои закономерности. При подготовке к занятиям по русской грамматике преподаватели должны обратить особое внимание на формирование у обучающихся навыков самостоятельного анализа, сопоставления и обобщения, а также развитие их способности мыслить на русском языке.

Ключевые слова: отрицательный перенос родного языка, преподавание грамматики русского языка, формы выражения, методика преодоления.

Liu Xing

Doctor of Philology,

Huayin Institute of Technology, Huai'an, China.

**Negative transfer of the native language
in the practice of teaching grammar
of the Russian language and measures to overcome it**

Abstract. Russian and Chinese, which differ in origin, belong to different language families. The Russian language is usually attributed to the Indo-European family, and the Chinese language, in turn, is recognized as a representative of the Sino-Tibetan language family. There are differences between the two language systems at almost all levels: phonetic, lexical, grammatical, stylistic, etc. This inevitably has a great impact on teaching Chinese students Russian as a foreign language. For this reason, many scientists have paid and are paying attention to the study of the role of the native Chinese or Russian language in the process of mastering a second new language. In this article, from the point of view of the theory of negative transfer of the native language, the common grammatical errors among Chinese Russian students associated with their ethno-linguistic consciousness and insufficient assimilation of grammatical norms of the modern Russian language are analyzed and generalized. Methods and learning strategies are put forward to help overcome the noted negative shifts. The author notes that negative transference is an objectively existing phenomenon that has its own patterns. When preparing for classes in Russian grammar, Russian grammar teachers should pay special attention to the formation of students' skills of independent analysis, comparison and generalization, as well as the development of their ability to think in Russian.

Key words: negative transfer of the native language, teaching grammar of the Russian language, forms of expression, methods of overcoming.

Карпушкина И.Н.

Баклавр, Московский Государственный Институт Международных Отношений, стажёр Департамента информации и печати МИД РФ, «Российской газеты» и немецкой редакции телеканала «Russia Today».

**Репрезентация образа России
в немецкоязычной медиасфере (2000-2010)***

Введение. Термин «информационная война» стал использоваться в российском медиапространстве далеко не сразу. Некоторые политологи утверждают, что активная антироссийская кампания в западных СМИ имеет место с 2014 года [1]. Другие эксперты заявляют, что началась она несколько раньше, но именно в связи с украинским Майданом российское общество осознало её в полной мере [2]. Таким образом, не существует единого мнения о том, имела ли она место в 2000-е годы. Поэтому в данной статье нам представляется важным выяснить, насколько жёсткой была антироссийская риторика в немецких СМИ с 2000 по 2010 год и можно ли считать ФРГ участником информационной войны в этот период.

Страной, пресса которой подлежит исследованию, мы неслучайно выбрали Германию. Россию с ней многое связывало на протяжении столетий, что способствовало, по выражению политолога-германиста Сергея Сумленного, установлению особых «эмоциональных отношений» [3] между странами. С геополитической точки зрения, Германия – единственная страна в Европе, которая в союзе с Россией могла бы положить конец глобальному доминированию США на европейском континенте, а значит, и в мире. «Союз России и Германии — это классика геополитики» [4], – говорил российский политический философ Александр Дугин ещё в 2015 году. Об этом не единожды заявляли и американские эксперты, опасаясь реализации такого партнёрства. В связи с этим представляется ценным исследование эволюции отношения к России в медиапространстве важнейшего из наших возможных стратегических союзников в Европе. Научная значимость и практическая ценность данной статьи заключаются в возможности применения сделанных выводов для дальнейших исследований феномена антироссийской информационной войны. В глобальной перспективе это поможет выстроить грамотную стратегию информационной обороны России.

* © Карпушкина И.Н., 2023.

Научный метод, используемый в работе, – анализ и синтез актуальной информации. Мы опираемся на материалы немецкоязычной прессы, актуальную информацию из сферы международных отношений и геополитические концепции, помогающие при анализе современной политической ситуации.

Анализ современных публикаций. На данный момент существуют исследования, содержащие анализ представлений о России, господствующих в Германии. К таким работам относятся книги С. Сумленного «Немецкая система. Как устроена Германия» и «Немецкий формат. Как журналисты создали ФРГ», однако в них не представлена проблема репрезентации образа России в контексте информационной войны. Видению образа России в Германии посвящена книга А. Здравомыслова «Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России — ее настоящем, прошлом и будущем — контент-анализ и комментарии», однако она не содержит анализа немецкоязычной прессы, а состоит из интервью с различными экспертами. Больше всего с тематикой нашего исследования соотносятся такие работы, как «Россия и Запад в новом тысячелетии: между глобализацией и внутренней политикой» под редакцией С. Медведева, А. Коновалова и С. Ознобищева, а также «Россия и Запад. Русская цивилизация в условиях глобальной войны» авторства С. Иванникова. Однако авторы обеих книг сосредоточены на анализе отношений России с Западом в целом, а не конкретно с Германией. Таким образом, делая вывод о степени научной разработанности темы нашей статьи, можно утверждать, что она ещё не раскрыта в полной мере. Работ, которые включали бы в себя все аспекты нашего исследования, обнаружено не было, что говорит о его научной новизне.

Репрезентация внутренней политики России в немецких СМИ.

В данной статье мы рассмотрим, как немецкие медиа презентуют нашу страну в различных аспектах, а именно, в политическом и экономическом. Учитывая реалии современных международных отношений, эти сферы представляются нам определяющими при формировании образа России. В 2000-е годы внутренняя политика РФ особенно критикуется Западом, учитывая начавшийся процесс централизации государства и экономический подъём России. Немецкоязычные СМИ педалируют темы так называемых нарушений прав человека и отсутствия свободы слова в РФ. Прозападная часть российской оппозиции, напротив, предстаёт в положительном свете. Можно сопоставить это с событиями 2020 года, когда именно Германия стала страной, взявшей на себя задачу по «спасению» российского оппозиционера Алексея Навального.

Проблема большой разницы в доходах между российскими олигархами

и основной массой населения освещается негативно в немецких СМИ, и олигархическая прослойка [5], в целом, имеет отрицательный образ. Однако исключением становятся демократически настроенные олигархи, составляющие оппозицию правительству. Получается чёткая закономерность: пророссийские олигархи ассоциируются с коррупцией, а прозападные – с благотворительностью. Это логично, ведь, если рассуждать с точки зрения мир-системной теории Иммануила Валлерстайна, именно эти люди представляют собой посредников между центром мирового хозяйства в лице Запада и полупериферией в лице России – то есть так называемых коллаборационистов. Они служат интересам Запада, ведь заинтересованы в том, чтобы периферийные и полупериферийные регионы сохраняли своё положение, не становясь экономическим центром. Поэтому западные СМИ всячески поддерживают этих людей, изображая их «хорошими» русскими. Данный термин приобрёл популярность только в 2022 году, однако сам феномен, как мы выяснили, существовал ещё в начале 2000-х.

Начало конфликта между властью и олигархами было положено Борисом Березовским [6, 7], затем особой темой в немецких СМИ становится арест Михаила Ходорковского [5, 8]. Это событие осуждает, в том числе, лично канцлер Германии Ангела Меркель (такого рода осуждения она продолжит до 2021 года, и последней «жертвой» российского правительства в её устах станет уже упомянутый Навальный).

Помимо оппозиционных олигархов, настоящими героями на страницах немецких СМИ становятся якобы «правдивые» оппозиционные журналисты, а Россия представляется как третья в мире страна по степени опасности для журналистов. Особенно часто упоминается гибель Анны Политковской [9], в чём обвиняется российское правительство якобы из-за характера освещения журналисткой конфликта в Чечне.

Что касается Чеченской войны, данная тема становится одной из ведущих в немецких СМИ. Все боевые действия описываются с точки зрения «войны Чечни за независимость» против «ига» России. К примеру, один из известнейших немецких журналистов Михаэль Туман называет введение войск в Чечню величайшей ошибкой Ельцина [10]. Стоит, однако, упомянуть, что этот же публицист критикует первого президента РФ как за негодный Западу самостоятельный шаг, так и за либеральную политику, которая привела страну к политическому и экономическому кризису. При этом если Ельцин чаще критикуется в немецких СМИ за свою политическую слабость [11, 12], то негативной чертой Путина, напротив, становится его сила, которую журналисты превращают в жестокость и авторитарность. Более того, 2000 году, ещё до вступления Путина в должность президента, в немецкоязычной медиасфере имеет место его демонизация, в частности, из-за службы в КГБ [13, 14, 15, 16, 17], а также «варварского

ведения войны в Чечне» [18], благодаря которому он стал «героем почти для всех россиян» [18]. Таким образом, немецкие СМИ рисуют негативный портрет российского президента независимо от его личности и политики на посту главы государства, преследуя цель дискредитировать страну через её лидера. Единственное различие – те черты российских президентов, которые журналисты выбирают для дискредитации.

Антироссийская информационная кампания западных журналистов в отношении Чечни положила начало набравшей к 2023 году особую популярность теме «деколонизации» России. Появилась эта тема в дискурсе СМИ потому, что самым эффективным способом сдерживания развития РФ стало бы лишение её статуса мировой державы путём разделения страны на множество незначительных территорий, которые по отдельности легко попадут под западное влияние. Эта задача идеально соответствует главной западной цели, состоящей в получении контроля над Евразией (эту цель описывают многие геополитические теории, например, концепция «Хартленд – Римленд» Хэлфорда Маккиндера).

И ещё один весьма примечательный факт: в 2003 году политика Путина была названа «демократурой» [19] с намёком на иллюзорность демократии в стране. Схожий термин, однако, уже использовался в 1999 году философом Александром Зиновьевым в интервью, которое было взято у него журналистом Виктором Лупаном в Берлине и опубликовано французской газетой *Le Figaro*. Звучал этот термин как «демократический тоталитаризм» или «тоталитарная демократия» [20], правда, относился он к политике Запада, означая стремление навязывать силой так называемую «свободу». С нашей точки зрения, к данной ситуации такое определение подходит гораздо больше, чем к описанию политики Путина.

Репрезентация внешней политики России в немецких СМИ. Что касается внешней политики России, то она, с точки зрения немецких СМИ, в 2000-е годы становится всё более агрессивной. Упоминается, что Россия создаёт угрозу для соседних государств, например, для стран Прибалтики, где наша страна ассоциируется с «насилъником». Так называемая «оккупация» Советским Союзом стран Балтии в результате Второй мировой войны приравнивается к действиям немецких нацистов. Декларируется, что при возникновении конфликтов с Россией странам Прибалтики будут в состоянии помочь только США [21]. В качестве агрессора Россия выступает и в газовом конфликте с Украиной.

Отдельной темой выступают отношения России и Японии, осложнённые спором из-за Курильских островов и отсутствием мирного договора по итогам Второй мировой войны [22]. В немецких СМИ, конечно же, декларируется, что острова принадлежат Японии и были украдены Россией. Связано это с тем, что, во-первых, даже будучи восточной страной, Япония

политически принадлежит к западной антироссийской коалиции. Во-вторых, Западу, в целом, было бы выгодно ослабление позиций РФ через её лишение Курильских островов, ведь тогда бы мы потеряли единственный свободный выход в Тихий океан.

Осуждение немецких СМИ Россия вызывает и тем, что якобы оказывает давление на постсоветское пространство, а также поддерживает неудобные Западу правительства Белоруссии и Узбекистана. При этом несмотря на всё нарастающее в этот период пренебрежение Западом по отношению к России, Збигнев Бжезинский в интервью *Der Spiegel* заявляет, что «Россия сможет стать успешным современным государством только при сближении с Европой» [5], а теоретический союз с Индией и Китаем он называет «абсурдом» [5]. Тем не менее, как можно увидеть в 2023 году, «абсурд» воплотился в жизнь.

Важнейшей темой внешней политики России в немецкоязычных медиа стал конфликт в Грузии, который освещался немецкими журналистами практически только с грузинской точки зрения [23, 24, 25]. Корреспонденты ФРГ предпочитали не упоминать, что военные действия были начаты Грузией, а не Россией, переворачивая в своих репортажах ситуацию с ног на голову; по традиции, выставляя Россию агрессором и называя её действия «актом имперского произвола по отношению к Грузии». Такая позиция стала прообразом освещения немецкими СМИ конфликта на Донбассе и присоединения Крыма к России в 2014 году. Кроме того, российско-грузинский конфликт преподносился как конфликт между Россией и Западом, что, кстати, соответствовало действительности и может быть сопоставлено с нынешней ситуацией на Украине. При этом со временем, когда победа России в грузинском конфликте станет очевидной, немецкие СМИ вместе со всей Европой начнут обвинять тогдашнего президента Грузии Михаила Саакашвили в военных преступлениях и обмане Западом, а также упомянут, что Грузия стала зачинщиком конфликта [26, 27], но моральную правоту нашей страны они всё равно не признают. Декларируется, что Россия воспользовалась ситуацией в собственных целях и сделала Грузию средством своего «имперского» возрождения.

Стоит упомянуть, что агрессором Россию в этот период впервые пытаются выставлять даже в описаниях событий Второй мировой войны. В 2000-е годы как раз начинается западная фальсификация истории с целью дискредитации победы Советского Союза над немецким нацизмом. Эта тема, как и многие другие, достигнет своего апогея в 2010-е годы, а пока что, в 2005, в немецких СМИ публикуются одни из первых материалов, которые представляют немцев не как зачинщиков войны, а как жертв русских солдат [28, 29, 30]. Примечательно, что, несмотря на знаменитый немецкий «комплекс вины», немцы, как правило, публично сожалеют только о совер-

шении геноцида евреев во время Второй мировой войны, но не о вторжении в Советский Союз.

Репрезентация российско-германского энергетического сотрудничества в немецких СМИ. Особенный интерес в этом исследовании для нас представляет репрезентация российско-германского энергетического сотрудничества. В 2000-е годы оно было связано со строительством газопровода «Северный поток», что, без сомнения, стало выгодным для ФРГ проектом. Тем не менее, это совершенно не означает, что данная тема освещалась в немецких СМИ положительно.

В 2000-е годы Россию зачастую называют в немецких медиа «энергетической империей Путина»; упоминаются «государство Газпром» и «энергетическая дубинка», благодаря которой страна намерена обрести глобальное доминирование; газ преподносится как оружие Москвы [26, 31, 32].

Вина за газовый конфликт России с Украиной возлагается на оба государства, однако РФ обвиняется в большей степени, ведь этот конфликт с посредником при поставках газа якобы выгоден ей для реализации проекта прямого газопровода между Россией и Германией (хотя ФРГ такое сотрудничество выгодно не меньше). В глазах немецких журналистов Москва, опять же, использует Киев в своих целях.

Вместе с тем изображаются ещё и страдания Европы, которая на недолгое время была лишена газового снабжения из-за прений Москвы и Киева. В этом, по мнению немецких медиа, виновата конкретно Россия, решившая прекратить поставки из-за невыплаченных долгов Украины. В дискурсе немецких СМИ присутствует идея, что газовый конфликт является на самом деле способом России помешать украинской евроинтеграции.

«Северный поток-1», несмотря на всю его выгоду для Германии, в немецкоязычных медиа часто называется опасным инструментом политического давления и шантажа со стороны РФ. Одновременно с новостным освещением этапов строительства газопровода в контексте этой темы постоянно совершаются информационные нападки на Россию, например, из-за пресловутого состояния прав человека в РФ, и т.д. С логической точки зрения это никак не связано с энергетическим сотрудничеством. Тем не менее, немецкие СМИ озвучивают тезисы такого рода: с помощью «Северного потока» ФРГ покупает безопасность поставок российского газа, однако в цену за это якобы входит терпимость в отношении «авторитарного» режима и нарушений прав человека. Тем самым журналистами применяется весьма прозрачная манипуляция.

Выглядит нелогичным тот факт, что ФРГ готова похоронить собственную экономическую выгоду ради неких иллюзорных демократических ценностей, которые обязывают вмешиваться во внутреннюю политику других государств. Здесь в наибольшей степени обнажается влияние Америки,

намеренно загоняющей Германию в экономические рамки при помощи политики Федеральной резервной системы США, от которой зависима немецкая политическая и экономическая элита [33]. И на сегодняшний день можно наглядно видеть, к чему эта зависимость привела.

В 2023 году после диверсии на «Северных потоках» становится очевидным то, что германское правительство и русофобская пресса ФРГ навредили интересам собственной страны. Они без возражений подстроились под американскую версию событий, игнорируя тот факт, что взрыв газопроводов имел не только антироссийскую, но и прямую антигерманскую направленность [33]. Ликвидировав возможность российско-германского энергетического сотрудничества, США тем самым уничтожили для себя угрозу возникновения на европейском континенте союза двух сильных континентальных держав, который мог бы положить конец глобальному доминированию Америки. Геополитический союз России и Германии был для США «кошмаром всего последнего столетия и ближайших десятилетий» [33], по словам Джорджа Фридмана, основателя организации «Stratfor», которую ещё называют «теневым ЦРУ». О возможном формировании блока теллурократических держав в лице России и Германии и его опасности для талассократических говорил ещё в 1904 году Хэлфорд Маккиндер в докладе «Географическая ось истории».

Информационная кампания по дискредитации проекта «Северный поток» и всего российско-германского энергетического сотрудничества, начатая в немецкоязычной медиасфере ещё в 2000-е годы, не могла не повлиять на современное состояние газовой энергетики в Германии. Если бы немецкие медиа не ставили целью настроить население против любого партнёрства с Россией, проамериканскому правительству, так легко сдающему суверенитет собственного государства, было бы гораздо труднее прийти к власти.

А такое правительство явно не было единственно возможным. Например, у Герхарда Шрёдера, бывшего канцлера ФРГ, сложились хорошие отношения с Путиным. После прекращения своих полномочий экс-канцлер начал работать в сфере российско-германского энергетического сотрудничества и внёс большой вклад в работу над «Северным потоком». Однако в 2000-2010-е годы немецкие СМИ развернули настоящую травлю Шрёдера за связи с Россией.

Заключение. По результатам анализа немецкой прессы мы выяснили, что в 2000-е годы многие ведущие СМИ ФРГ уже участвовали в информационной войне против России и намеренно создавали ей негативный образ. Более того, такая политика СМИ наблюдается ещё до 2000-х годов и до избрания Путина президентом.

Мы проанализировали основные тезисы, используемые немецкими

СМИ против России в 2000-х годах, и выявили, что данные положения на сегодняшний день не поменяли своей сути, поэтому мы можем отследить результаты их влияния на общество. Зародились в начале века и до сих пор продолжают существовать в медиасфере такие клише, как «плохие» и «хорошие» русские; отсутствие свободы слова в России; преследование оппозиционеров; российская «имперская» политика; «авторитарное» государственное устройство России; «угроза» России соседним государствам; давление на постсоветское пространство и т.д. Некоторые тезисы получили существенное развитие: например, попытка сепаратизма субъекта РФ (Чечни) переросла в современные западные доводы о необходимости «деколонизации» России. Однако все перечисленные пункты хоть ранее и были влиятельными, на данный момент не играют значительной роли в российском обществе и не достигли цели по расшатыванию государственного строя РФ. Единственное, что действительно привело к трагическим последствиям – растиражированная в 2000-х годах тема «европеизации» Украины. Однако в 2022-2023 годах это во многом способствовало освобождению российского общества от западного влияния и осознанию гражданами РФ истинных намерений Европы и США.

Все вышеперечисленные тезисы не являются продуктами именно немецкоязычной прессы: они типичны для всего западного медиапространства и лишь распространяются СМИ ФРГ, по мнению самих немецких экспертов, с подачи США. Однако существует один аспект, актуальный конкретно для российско-германских отношений, – это тема энергетического сотрудничества. Неслучайно мы рассмотрели её в отдельном параграфе и чётко увидели, насколько пагубное влияние оказала в итоге на экономику ФРГ негативная репрезентация данного аспекта.

В 2022 году Германия лишилась поставок дешёвого российского газа и была вынуждена перейти на дорогой сжиженный газ из США, а более того, надолго упустила возможность использовать партнёрство с Россией для выхода из-под американского влияния и становления державой мирового уровня с независимой политикой. Вместо этого Германия на текущем этапе истории смирилась с ролью сателлита США и согласилась представлять одно из рядовых государств Восточной Европы, формирующих антироссийский санитарный кордон. Тем временем при изначальном распространении в СМИ ФРГ исключительно позитивного отношения к российско-германскому энергетическому сотрудничеству, наша совместная работа могла бы, по крайней мере, остаться на уровне лучших времён дружбы Путина и Шрёдера и положительно отразиться на экономике Германии.

Таким образом, тиражируемая в немецкоязычном медиапространстве русофобия вредит многим политическим и экономическим интересам

Германии. Буквально один собственноручно созданный немцами антироссийский тезис информационной войны в итоге сыграл не против России, а против самой Германии, закрыв ей путь к экономическому процветанию и освобождению от американской зависимости.

Библиографический список / Reference

- [1] Политолог заявил о начале информационной войны против России в 2014 году // Известия. – 2022. 8 апр. // URL: <https://iz.ru/1317817/2022-04-08/politolog-zaiavil-o-nachale-informacionnoi-voiny-protiv-rossii-v-2014-godu?ysclid=lixw8cxec6216676200> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [2] Ильина В. Эксперты обсудили информационную войну против России // Российская газета. 2022. 10 апр. // URL: <https://rg.ru/2022/04/10/eksperty-obsudili-informacionnuu-voynu-protiv-rossii.html?ysclid=lixw6bk3ba217653243> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [3] «С такой любовью Россию могут снимать только немцы» // Афиша Daily. – 2014. 9 июн. // URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/s-takoy-lyubovyu-rossiyu-mogut-snimat-tolko-nemcy/> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [4] Дугин: союз России и Германии — это классика геополитики // Свободная Пресса. – 2015. 20 мар. // URL: <https://svpressa.ru/politic/news/116246/?ysclid=liyib7sosa478834032> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [5] Simons S. »Zwangsherrschaft der Oligarchen« // Der Spiegel. – 2000. 9 янв. // URL: <https://www.spiegel.de/politik/zwangsherrschaft-der-oligarchen-a-9a364700-0002-0001-0000-000015376089?context=issue> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [6] Kreml-Kampf / Текст : электронный // Die Zeit. – 2000. 20 июл. // URL: <https://www.zeit.de/2000/30/Kreml-Kampf> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [7] Worte der Woche / Текст : электронный // Die Zeit. – 2000. 20 июл. // URL: https://www.zeit.de/2000/30/200030.wowos_zsr.xml (Дата доступа: 18.06.2023).
- [8] Voswinkel J. Milliardär im Knast / Johannes Voswinkel. – Текст : электронный // Die Zeit. – 2003. 30 окт. // URL: <https://www.zeit.de/2003/45/Yukos> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [9] Klufsmann U. Gas, Dostojewski und ein Mord // Der Spiegel. – 2000. 12 окт. // URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/russische-medien-zur-putin-reise-gas-dostojewski-und-ein-mord-a-442086.html> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [10] Thumann M. Ein Mann wie eine Flamme // Die Zeit. – 2000. 5 янв. // URL: <https://www.zeit.de/online/2007/17/jelzin-nachruf/komplettansicht> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [11] Hartmann J. Schattenmann im Rampenlicht: Premier Wladimir Putin // Die Welt. – 1999. 10 авр. // URL: <https://www.welt.de/print-welt/article579982/Schattenmann-im-Rampenlicht-Premier-Wladimir-Putin.html> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [12] Bovin A. Ein Mann für alle // Die Welt. – 2000. 31 мар. // URL: <https://www.welt.de/print-welt/article509673/Ein-Mann-fuer-alle.html> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [13] Schmidt-Häuer Ch. Putin, der Deutsche / Christian Schmidt-Häuer. // Die Zeit. – 2000. 08 июн. // URL: https://www.zeit.de/2000/24/200024.putin_xml (Дата доступа: 18.06.2023).
- [14] Thumann M. Der Moralagent // Die Zeit. – 2000. 23 мар. // URL: https://www.zeit.de/2000/13/200013.putin_xml (Дата доступа: 18.06.2023).
- [15] Thumann M. Das will Putin // Die Zeit. – 2000. 5 янв. // URL: https://www.zeit.de/2000/02/200002.russland_xml (Дата доступа: 18.06.2023).
- [16] Wer ist Putin? Russlands neues Bündnis aus KGB und Kapital // Der Spiegel. – 2000. Nr. 2 // URL: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/index-2000-2.html> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [17] Koh E. Ein Geheimagent im Geiste // Die Welt. – 2000. 25 мар. // URL: <https://www.welt.de/print-welt/article508755/Ein-Geheimagent-im-Geiste.html> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [18] Schmid Th. Russlands junger Held / Thomas Schmid. – Текст : электронный // Die Welt. – 2000. 28 мар. // URL: <https://www.welt.de/print-welt/article509130/Russlands-junger-Held.html> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [19] Voswinkel J. Demokratie, putinesisch / Johannes Voswinkel. – Текст : электронный // Die Zeit. – 2003. 25 сен. // URL: <https://www.zeit.de/2003/40/Russland> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [20] Лупан В. Запад против России. Взгляд философа // Независимая газета. – 2014. 14 авр. // URL: https://www.ng.ru/ideas/2014-08-14/4_zinoviev.html (Дата доступа: 18.06.2023).
- [21] Voswinkel J. Wo Russen Täter waren // Die Zeit. 2005. 4 мая. // URL: <https://www.zeit.de/2005/19/Geschichtsbild> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [22] Neidhart C. Ferne Nachbarn im Nebel // Die Zeit. – 2005. 4 мая. // URL: <https://www.zeit.de/2005/42/Kurilen> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [23] Beste R. Wandel durch Bestürzung / Ralf Beste, Susanne Koelbl, Dirk Kurbjuweit. // Der Spiegel. – 2008. 24 авр. // URL: <https://www.spiegel.de/politik/wandel-durch-bestuerung-a-1941a88d-0002-0001-0000-000059403006>

(Дата доступа: 18.06.2023).

- [24] Darnstädt T. Putins Kalter Krieg / Thomas Darnstädt, Uwe Klufmann, Christian Neef, Matthias Schopp, Gabor Steingart. // Der Spiegel. – 2008. – 17 авр. // URL: <https://www.spiegel.de/politik/putins-kalter-krieg-a-2d6820eb-0002-0001-0000-000059099366?context=issue> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [25] Klufmann U. »Wir kapitulieren nie« // Der Spiegel. – 2000. – 9 янв. // URL: <https://www.spiegel.de/politik/wir-kapitulieren-nie-a-b4617151-0002-0001-0000-000059099366?context=issue> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [26] Beste R. Kalter Frieden / Ralf Beste, Gabor Steingart. // Der Spiegel. – 2008. – 31 авр. // URL: <https://www.spiegel.de/politik/kalter-frieden-a-b47e0ea2-0002-0001-0000-000059673666> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [27] Beste R. Wettlauf zum Tunnel / Ralf Beste, Uwe Klufmann, Cordula Meyer, Christian Neef, Matthias Schopp, Hans-Jürgen Schlamp und Holger Stark. // Der Spiegel. – 2008. – 14 сен. // URL: <https://www.spiegel.de/politik/wettlauf-zum-tunnel-a-e73d4b65-0002-0001-0000-000060135192> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [28] “Die Russen kommen!” // Stern. – 2005. 15 фев. // URL: <https://www.stern.de/politik/geschichte/breslau--die-russen-kommen---3546416.html> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [29] Sontheimer M. Späte Bemühungen / Michael Sontheimer. // Der Spiegel. – 2008. 28 дек. // URL: <https://www.spiegel.de/politik/spaete-bemuehungen-a-08c7d7eb-0002-0001-0000-000063216651> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [30] Globus: Gefängnis für Kritik an Kriegsverbrechen der Roten Armee? // Focus. – Nr. 22 (2009). // URL: https://www.focus.de/politik/ausland/gebraengnis-fuer-kritik-an-kriegsverbrechen-der-roten-armee-globus_id_1732020.html (Дата доступа: 18.06.2023).
- [31] Beste R. Die Waffe Gas / Ralf Beste, Frank Dohmen, Christian Neef, Michael Sauga, Matthias Schopp, Hans-Jürgen Schlamp. // Der Spiegel. – 2009. 11 янв. // URL: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/die-waffe-gas-a-2ad9d197-0002-0001-0000-000063546812> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [32] Moisi M. Putin und die Energie: Zähmung eines Widerspenstigen // Die Welt. 2006. 4 апр. // URL: <https://www.welt.de/print-welt/article208517/Putin-und-die-Energie-Zaehmung-eines-Widerspenstigen.html> (Дата доступа: 18.06.2023).
- [33] Карпушкина И. Кто стал главной жертвой диверсии на «Северных потоках» // Российская газета. – 2023. 28 мар. // URL: <https://rg.ru/2023/03/28/kto-stal-glavnoj-zhertvoj-diversii-na-severnyh-potokah.html> (Дата доступа: 18.06.2023).

Карпушкина И.Н.

*Бакалавр факультета международной журналистики МГИМО
(Московский Государственный Институт Международных Отношений)
МИД России, стажёр Департамента информации
и печати МИД РФ, «Российской газеты»
и немецкой редакции телеканала «Russia Today».*

**Репрезентация образа
России в немецкоязычной медиасфере (2000-2010)**

Аннотация. Для приобретения чёткого представления о характере информационно-геополитических действий оппонентов России сейчас как никогда актуален анализ материалов 2000-х годов в европейских медиа. В указанный период информационные манипуляции западных СМИ были более скрытыми, а русофобская политика изданий – менее очевидной, однако именно в это десятилетие закладывался фундамент антироссийской информационной кампании и зарождались тезисы, господствующие в медиaprостранстве сейчас, в 2020-х годах. Объектом данного исследования мы выбрали образ России в немецкоязычной медиасфере в период с 2000 по 2010 год, а предметом являются материалы немецкоязычных СМИ, опубликованные в это десятилетие. Цель исследования – выявить, участвовала ли Германия в информационной войне Запада против России в конкретный период, а при положительном результате сделать вывод о том, каким образом это повлияло на современное состояние российско-германских отношений. В ходе исследования мы выяснили, что, несмотря на продуктивное энергетическое сотрудничество с Россией, Германия включилась в антироссийскую информационную кампанию и тем самым навредила собственным интересам. В частности, результатом этого стала в 2022-2023 годах невыгодная проамериканская позиция ФРГ по поводу диверсии на «Северных потоках».

Ключевые слова: Россия, Германия, Запад, геополитика, СМИ, информационная война, манипулирование информацией, русофобия, энергетическое сотрудничество, газ, Северный поток-1.

Karpushkina I.N.

*Bachelor of the Faculty of International Journalism
of the Moscow State Institute of International Relations,
intern at the Department of Information
and Press of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Rossiyskaya Gazeta and the German editorial office
of the Russia Today TV channel.*

Representation of Kussia in German media sphere (2000-2010)

Abstract. To gain a clear understanding of actions in the media sphere of Russia's geopolitical opponents, the analysis of materials from the 2000s in the European media is now more relevant than ever. During this period, the information manipulations of the Western media were more hidden, and the Russophobic policy of publications was less obvious, but it was in this decade that the foundation of the anti-Russian information campaign was laid and the theses that dominate the media space now, in the 2020s, were born. The object of this study is the image of Russia in the German-language media sphere in the period from 2000 to 2010, and the subject is the materials of the German-language media published in this decade. The purpose of the study is to identify whether Germany participated in the information war of the West against Russia in the mentioned period, and in case of a positive result, to conclude how this affected the current state of Russian-German relations. In the course of the study, we found out that, despite the productive energy cooperation with Russia, Germany joined the anti-Russian information campaign and thereby harmed its own interests. In particular, the result of this was in 2022-2023 the disadvantageous pro-American position of Germany regarding the Nord Stream pipeline sabotage.

Key words: Russia, Germany, West, geopolitics, media, information war, information manipulation, Russophobia, energy cooperation, gas, Nord Stream-1.

Гаранина А.А.

Преподаватель кафедры языкознания и иностранных языков РГУП (Российский государственный университет правосудия) РФ (Ростовский филиал).

Портретирование через дискурс СМИ*

В современной лингвистике исследованию дискурса посвящено множество работ, авторы предлагают разнообразные интерпретации данного феномена.

С точки зрения лингвистического подхода, большой текст, который формирует внешние текстовые вторжения в культуру, рассматривается как дискурс [1].

Невозможно привести одно единственное определение «дискурса», которое бы учитывало все случаи его применения. Совершенно очевидно, что мы можем выделить три основных случая использования термина «дискурс», которые отражают уже существующие, аксиоматичные интерпретационные традиции и новые предложения исследователей.

Первый подход – прямое лингвистическое использование данного термина. Лингвистические применения понятия «дискурс» очень разнообразны, но в целом они направлены на разъяснение и развитие традиционных понятий речи, текста и диалога. Этот класс чаще всего изучают западные лингвисты, филологи и исследователи. Второй подход к пониманию термина «дискурс» в последние годы вышел за рамки науки и стал широко распространён. В этом смысле дискурс есть не что иное, как стилистическая специфика и идеология, стоящая за ней. Третий случай использования термина «дискурс» — это отдельный совершенный тип общения, воплощённый в максимально возможном отрыве от социальной реальности, коммуникативной рутины власти, традиций и направленный на критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников общения [3].

А.А. Ворожитова предлагает следующее определение термина: «дискурс – это поток вербального поведения (словесный, акустический, жестово-мимический, пространственный)» [5]. Более того, она придерживается мнения, что термином «дискурс» лучше всего оперировать при анализе монолога и диалога, в целом живой речи, произносимой в разговорной форме, а также при изучении текста в психолингвистическом и социаль-

* © Гаранина А.А., 2023.

но-культурном контексте как продукта речевой деятельности.

Русский лингвист А. Кибрик считает, что теория дискурса основывается на теории номинации людей и объектов, то есть их обозначении. Для более четкого понимания структуры дискурса необходимо научиться предсказать, как и где индивид использует цельное выражение -существительное, а также когда будут применены местоимения [8].

Голландский исследователь дискурса Т. ван Дейк определяет дискурс как коммуникативное действие, которое может быть разнообразных форм (письменных, устных), более того, иметь вербальные и невербальные элементы [6].

Заслуживает внимания и узкий подход к описанию дискурса, при котором последний отождествляется с текстом или разговором благодаря выделению лишь словесного элемента коммуникативного действия. В данном смысле термин «дискурс» значит завершённый либо продолжающийся «продукт» коммуникативного действия, его словесный либо письменный итог, который трактуется получателями сообщения (слушателями). Это означает, что дискурс в его самой общей форме – устный или письменный словесный продукт коммуникативных действий [6].

В.Н. Ярцева в «Большом энциклопедическом словаре. Языкознание» определяет дискурс как «согласованный текст в сочетании с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, принятый в аспекте события, речь, рассматриваемая во взаимодействии людей и механизмов их сознания (когнитивных процессов). По её мнению, дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». В отличие от понятия «текст», термин «дискурс» не относится к античным, древним и другим текстам, связи которых с настоящей жизнью не восстанавливается» [14].

В.И. Карасик считает, что понятие «дискурс» существенно обширнее, чем понятие «язык», при этом исследователь приводит разные способы для наилучшего осознания этого явления, которые приводят к различным трактовкам этого термина [7].

В рамках коммуникативного подхода дискурс определяется как:

- 1) вербальное сообщение, речь; диалог, беседа;
- 2) единство регулярных, коллективных и индивидуальных творческих начал речи;
- 3) речь с позиции докладчика.

В структурно синтаксическом понимании дискурс определяется как:

- 1) текст;
- 2) углублённое значение текста, воспринимаемое реципиентом информации.

мации.

В структурно-стилистическом понимании дискурс представляется

как: нетекстовое формирование разговорной речи, которая имеет такую характерную черту, как неопределённое деление на части, ассоциативность, спонтанность и контекстуальность [7].

В.Г. Борботко придерживается мнения, что дискурс – текст, состоящий из коммуникативных единиц языка – сложных предложений и их ассоциаций в более существенные единства, которые находятся в непрерывной семантической связи, что делает его возможным считать его как неделимую сущность [3].

Обращаясь к истории изучения дискурса, мы установили, что с начала 60-х годов прошлого века в трактовке «дискурса» постепенно стала приобретать доминирование философская составляющая, что со временем привело к трансформациям в его семантике. Но набор основных ценностей остаётся без каких-либо значительных изменений, что, в свою очередь, оказывало максимальное влияние на появление других значений и постепенно приводило к увеличению объёма понятия этого слова [11].

Принципиально важно чётко понимать специфику функционирования (использования) понятия дискурса в любых областях и сферах гуманитарного знания, только таким образом мы можем правильно видеть масштабы значимости этого явления, изначально ссылаясь на данные словарей, в которых можно найти интегральную структуру значений этого понятия.

Прежде всего следует акцентировать внимание на то, что словарные дефиниции дают только его главные значения, исключая второстепенные [11].

Исследователь А.В. Полонский считает, что дискурс – есть типологически дробимая совокупность основных коммуникативно-речевых практик, объективирующих совокупность общественно-культурных и психологических характеристик взаимодействия в информационно-смысловом обмене субъектов [10].

Весьма разумно предположить, что наше современное общество, полностью охваченное информационным пространством, так называемым ключевым дискурсом, реализует побуждение социальной мысли и формирует, вероятно, правильную концепцию мира человека, а затем становится дискурсом «массмедиа» [10].

В последние годы интерпретация концепции дискурса в целом была существенно изменена. В 1960-х и 1970-х годах дискурс понимался как «связанная и сбалансированная последовательность предложений или речевых актов коммуникации». С точки зрения современных исследований и подходов, дискурс считается сложным коммуникативным феноменом, которое включает в себя дополнение к тексту, экстралингвистические

факторы (знание мира, мнения, отношения, цели адресата), необходимые для его понимания [11].

В последние годы понятие «interdiscourse» изучалось наряду с общепринятой концепцией дискурса гораздо чаще в лингвистической научной литературе. Важно отметить, что концепция, предложенная В.Е. Чернявской, во многом совпадает с точкой зрения М. Пешё. Оба исследователя считают, что понятие неограниченного интертекста, содержащего различные текстовые системы и культурные коды, должно быть конкретизировано как концепция интердискурса, объединяющего в специальную систему человеческое знание, разделённое во многих специальных дискурсах [12].

Далее, обратимся к одному из самых распространённых типов дискурса - медийному.

Медийный дискурс (дискурс СМИ) является наиболее «глобализированным» и значимым в современном мире. Он описывает релевантные аспекты жизни, последние тенденции и явления социальной действительности.

Современные СМИ преобладают на всех уровнях структуры социума, основывая, таким образом медиадискурс. В нём изображена целостная или частичная картина мира — своеобразный способ восприятия, интерпретации событий и явлений; фундамент, опираясь на который, человек действует в мире [4].

На сегодняшний день медийный дискурс изучается многими смежными с лингвистикой наук, что в значительной степени объясняется самой природой массовой коммуникации. Изучением дискурса занимаются также и политологи, психологи, социологи и специалисты в теории коммуникации. Основными сферами исследования в психологии зачастую становятся вопросы, направленные на изучение восприятия информации и механизмов, с помощью которых манипуляция аудиторией становится проще. Социология затрагивает вопросы социальной функции массовой коммуникации, и её роль в обществе. Политический аспект изучения СМИ связан с изучением массового общественного сознания, направленного на определённые группы населения.

Рассматривая понятие медийного дискурса, мы снова обратимся к профессору А.В. Полонскому. В своём исследовании он развивает идею о том, что каждый дискурс образует свою специфическую картину мира, создаёт собственный “ментальный мир”. Этот мир является динамичным и упорядоченным набором компетенций об охваченной дискурсивной мыслью действительности, его собственном алгоритме для формулирования значений и способов их объективации, собственной совокупности дискурсивных формул - слов, речи, клише и т. д. [10].

По мнению А.Л. Факторович, дискурс обладает конфликтогенностью. Этот факт объясняется тем, что через медиадискурс и через конфликтный дискурс с неминуемостью проявляются сущностные признаки дискурса в принципе. Он полагает, что появление интереса к тому или иному вопросу со стороны средств массовой информации прямо пропорционально показателю негативной конфликтогенности источника. Из этого можно сделать следующий вывод, что конфликтогенность медиадискурса зачастую обусловлена сущностным критическим характером медиаинформации [13].

В современных СМИ воздействующая функция языка модифицируется в новую функцию, развитие которой связывают непосредственно со средствами массовой информации. При помощи информирования осуществляется руководство коллективным адресатом. То есть происходит координация сознания огромного количества людей и управление их поведением. Таким образом, СМИ обладает способностью создания у массового адресата должную картину мира, то есть манипулирует публикой.

Обращаясь к термину «портретирование» в медийном дискурсе, мы подразумеваем в первую очередь речевой портрет политика в современном дискурсе СМИ. Для описания индивидуального аспекта речи говорящего могут быть использованы специфические механизмы, а также обороты и фразы, соответствующие повестке дня, ситуации и отношения к говорящему.

Большой вклад в развитии теории речевого портретирования внес М.В. Панов представивший процесс создания фонетического портрета в 1960-х годах. В дальнейшем данная теория получила продолжение в двух видах характеристики речевого портрета - индивидуальном (личностном) и коллективном (групповом) [9].

Индивидуальный речевой портрет включает в себя рассмотрение вербальных и невербальных форм общения, в том числе языковые особенности характеризующие индивидуальный стиль коммуникации, в особенности выбор лексики, использование различных речевых оборотов, особенности грамматики и т.д. Коллективный речевой портрет обладает характеристиками присущими определенной группе людей, связанных друг с другом в соответствии со следующими категориями: возраст, работа, национальность и социальная группа.

М.В. Панов также рассматривает влияние индивидуального речевого портрета на общение в группе. В частности, исследуется проблема влияния на взаимодействие индивидуальных языковых особенностей на понимание в рамках ситуаций общения в группе [9].

Речевые образы политических деятелей формируются посредством дискурса СМИ. Данный процесс подразумевает создание образа или

представления о человеке, коллективе, явлении и событии при помощи различных лингвистических аспектов в медийном дискурсе. В зависимости от дискурса могут отличаться и языковые средства, риторические приемы, манипулятивных техники и стилистика для создания определенного образа.

Ранее мы упоминали о воздействующей функции дискурса СМИ, она может реализовываться не только посредством языковых средств, но и такими манипулятивными техниками как искажение фактов или использование ложной, или выборочной информации. Целью таких методов является манипулирование общественным мнением, а также созданием необходимых представлений.

Применение языковых средств является едва ли не обязательным условием для формирования речевого портрета человека. Для этих целей в медийном дискурсе применяются два типа механизмов детализации - семантическая и структурная. Важно отметить, что они не могут использоваться обособленно, а во взаимодействии и пересечении. Семантическая детализация способствует помогает конкретизировать значение слов и выражений, употреблять синонимы и антонимы, а также указывать на гиперонимы и гипонимы. Структурная детализация использует перечисления, детальные описания и примеры для более подробного объяснения информации. Оба этих механизма работают вместе, чтобы создать точное и детальное описание объектов, явлений или идей в медийном дискурсе [2].

Важно отметить, что портретирование через дискурс СМИ может быть субъективным и зависит от мнения и намерений тех, кто создает или редактирует информацию. Более широкий доступ к различным источникам информации и критическое мышление могут помочь читателям или зрителям получить более объективное представление о том, какие личности или группы действительно являются ключевыми участниками событий.

Библиографический список:

- [1] Азначеева Е.Н. Дискурс: функционально-прагматический и когнитивный аспекты. Челябинск, 2008. С. 17.
- [2] Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. — СПб.: 1999. С. 80-85.
- [3] Борботко В.Г. Общая теория дискурса: Принципы формирования и смыслопорождения. Краснодар: 1989. С. 87.
- [4] Бусыгина М.В., Желтухина М.Р. Корреляция понятий «пресс-релиз», «новости», «реклама» в современном медиадискурсе // когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 645-650.
- [5] Ворожбитова А.А. Трехотомия «Текст-Дискурс-Произведение» в лингвориторической парадигме. Язык. Текст. Дискурс: Межвузовский сборник науч. статей. Вып.1. Ставрополь: 2003. С. 120.
- [6] Дейк ван Т.К. Определение дискурса. М., Высшая школа - 1999. // URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (Дата обращения: 17.08.2023)
- [7] Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 477.
- [8] Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. М.: – 2003. С. 90.

- [9] Панов М.В. Об усовершенствовании русской орфографии // Вопросы языкознания. 1963. № 2. С. 81-92.
- [10] Полонский А.В. Медиа – Дискурс – Концепт: Опыт проблемного осмысления, 2014. // URL: <http://discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml> (Дата обращения: 09.08.2023)
- [11] Романов А.А. К соотношению понятий дискурс vs текст в гуманитарной парадигме: обзор, оценка и размышления // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. 2005. Т. 1. № 1. С. 119-128.
- [12] Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований. – СПб.: 2001. С. 11-22.
- [13] Факторович А.Л. Массовая информация и социум // Журналистика в 2007 году: СМИ в условиях глобальной трансформации социальной среды. М.: МГУ, 2008. С. 88-89.
- [14] Ярцева В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 685.

Reference

- [1] Aznacheeva E.N. Discourse: functional-pragmatic and cognitive aspects. Chelyabinsk, 2008. P. 17.
- [2] Arnold I.V. Implication as a method of constructing a text and a subject of philological study // Semantics. Stylistics. Intertextuality. - St. Petersburg: 1999. P. 80-85.
- [3] Borbotko V.G. General theory of discourse: Principles of formation and meaning generation. Krasnodar: 1989. P. 87.
- [4] Busygina M.V., Zheltukhina M.R. Correlation of the concepts “press release”, “news”, “advertising” in modern media discourse // cognitive studies of language. 2015. № 20. P. 645-650.
- [5] Vorozhbitova A.A. The trichotomy “Text-Discourse-Work” in the linguistic-rhetorical paradigm. Language. Text. Discourse: Interuniversity collection of scientific papers. articles. Issue 1. Stavropol: 2003. P. 120.
- [6] Dijk van T. To the definition of discourse. M., Higher School - 1999. // URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (08.17.2023)
- [7] Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 2002. P. 477.
- [8] Kibrik A.A. Discourse analysis from a cognitive perspective. M.: – 2003. P. 90.
- [9] Panov M.V. On the improvement of Russian spelling // Questions of linguistics. 1963. № 2. P. 81-92.
- [10] Polonsky A.V. Media – Discourse – Concept: Experience of problematic comprehension, 2014. // URL: <http://discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml> (08.09.2023)
- [11] Romanov A.A. On the relationship between the concepts of discourse vs text in the humanitarian paradigm: review, assessment and reflections // World of Linguistics and Communication: Electronic. scientific magazine 2005. Vol. 1. № 1. P. 119-128.
- [12] Chernyavskaya V.E. Discourse as an object of linguistic research. – St. Petersburg: 2001. P. 11-22.
- [13] Faktorovich A.L. Mass information and society // Journalism in 2007: media in the context of global transformation of the social environment. M.: MSU, 2008. P. 88-89.
- [14] Yartseva V.N. Linguistics. Large encyclopedic dictionary. 2nd ed. M.: Great Russian Encyclopedia, 1998. P. 685.

Гаранина А.А.

*Преподаватель кафедры языкознания и иностранных языков
РГУП (Российский государственный университет правосудия)
РФ (Ростовский филиал).*

Портретирование через дискурс СМИ

Аннотация. В статье рассматривается теоретическая сторона дискурса в целом и подходы его описания. За основу исследования берется медиа дискурс так как он описывает релевантные аспекты жизни, последние тенденции и явления социальной действительности. Рассматривается специфика дискурса СМИ и интердискурса, их связь с многими смежными с лингвистикой наук. Исследуется термин «портретирование» и его место в медийном дискурсе.

Ключевые слова: дискурс, медийный дискурс, интердискурс, портретирование, речевой портрет.

Garanina A.A.

*Lecturer at the Department of Linguistics and Foreign Languages,
Russian State University of Justice (Rostov Branch).*

Portrayal through Media Discourse

Abstract. The article deals with the theoretical side of the discourse as a whole and approaches to its description. The study is based on media discourse as it describes the relevant aspects of life, the latest trends and phenomena of social reality. The specifics of media discourse and interdiscourse, their connection with many sciences related to linguistics are considered. The term «portrayal» and its place in the media discourse are investigated.

Key words: discourse, media discourse, interdiscourse, portrayal, speech portrait.

Лешкова Я.Н.

Аспирант по научной специальности 5.12.3 Междисциплинарные исследования языка в ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», Директор АНО «ИПГИС «НА ЖЕСТАХ».

Новый подход к жестовым языкам в рамках евразийской парадигмы*

Введение

В отличие от языков звучащих, жестовые языки стали предметом изучения лингвистов относительно недавно: лишь со второй половины XX века их начали рассматривать как полноценные многоуровневые системы коммуникаций [Школа лингвистики]. Исследователи выбрали способ изучения жестовых языков как отдельных независимых от звучащих языков лингвистических систем. Правильно ли это? Или все-таки будет правильным изучать жестовые языки, как часть государственных языков? Что такое жестовый язык? Мы знаем, что жестовый язык — доступный язык для коммуникации неслышащих, но все же это отдельная независимая лингвистическая система или визуальная часть государственного языка, основанная на понятиях, традициях и культуре государствообразующего народа? Что такое культура глухих? Отдельная культура меньшинства или культура поведения неслышащих в соответствующей модальности, в которой определены нюансы и правила восприятия информации зрительно?

Небольшое отступление. В настоящее время существует мнение, что «**нация**» — это искусственно созданное понятие. До введения этого понятия в разных странах мира были этносы со своей культурной идентичностью, входящие в состав одного народа – государствообразующего этноса, на основе которого создается и расширяется государство. «Нации» с искусственно размеченными территориальными границами, в которых проживают различные этносы — это источник потенциальных конфликтов. После революции руководство Советского Союза законодательно закрепило понятие «нация» и создал национальные языки. Это решение привело к тому, что на границах России возникли государства с националистическим уклоном.

Не углубляясь в политическую идеологию, есть понимание того, что нам надо вернуться к истокам, к понятию «**этническая и культурная идентичность**», вместо разрушительного понятия «нация». Глухие — не отдель-

* © Лешкова Я.Н., 2023.

ное национальное меньшинство, живущее в России. Глухие — те же самые русские, которые общаются на одном русском языке, только в отличной от аудиальной модальности большинства — в визуальной. Культура глухих органично вписывается в традиционную систему ценностей, в единение различных культурных кодов русского народа.

Визуальный модус – бич или помощник?

Визуальный модус зародился задолго до появления жестовых языков (ЖЯ), он первым зародился у первобытных, применялся до нашей эры у слышащих, активно использовался в немом кино. Слышащие используют визуальный модус постольку, насколько он им необходим в конкретный момент времени. Когда надобность в визуальном модусе отпадает, он отодвигается на задний план и ограничивается уровнем бессознательного языка тела. Но для неслышащих визуальный модус – основное средство коммуникации. Именно благодаря ему зарождаются и развиваются жестовые языки у разных народов мира среди неслышащих и к ним причастных.

Отношение к ЖЯ в разный момент времени было разным. В 18 веке жестовые языки стали стремительно развиваться, но в 1880 году на Миланском конгрессе Всемирной федерации глухих (ВФГ) приняли резолюцию, в которой прописали запрет на использование жестового языка в образовании глухих детей. Лишь в 2010 году на очередном конгрессе руководство ВФГ официально извинилось за решения, принятые 130 лет назад, и отменило все резолюции 1880 года. В ВФГ признали, что эти решения имели пагубные последствия [М.Г.Исаев, 2021].

Вопросы исследования жестовых языков вновь поднимаются учеными-лингвистами. В настоящее время жестовые языки изучаются и преподаются в университетах всего мира. В России одним из крупнейших исследователей была Г.Л. Зайцева. Она сумела донести, что жестовый язык является полноценной лингвистической системой со своими правилами и особенностями [Г.Л. Зайцева, 2008]. Этот момент можно считать началом лингвистических исследований русского жестового языка, которые продолжают по сей день.

Существуют различные виды жестовой коммуникации между глухими и слышащими. Весьма условно национальный жестовый язык и КЖР (визуальная форма национального словесного языка) можно назвать двумя полюсами, между которыми существуют разнообразные формы жестового общения, варианты пиджин- (упрощенных) или смешанных языков [В.Колесников, А. Комарова].

В данный момент превалирует **американская парадигма исследователя Уильяма Стоуки**, которая стала основой для изучения и развития жестовых языков. В этой парадигме жестовые языки не зависят от звучащих

языков, развиваются по своим правилам и грамматике, опираясь на культуру глухих. По сути, данная парадигма создает в стране отдельную нацию глухих со своей культурой и особым языком.

Российское общество официально признает равноправие малых и больших языков. В Конституции указывается, что даже языки, на которых говорит несколько тысяч или сотен людей имеют право на существование и должны обеспечиваться поддержкой общества. Хотя это происходит с большими перебоями, но все же малые языки такую поддержку в какой-то степени получают. А РЖЯ, которым пользуются сотни тысяч людей, официально не признается [А.А. Кибрик, 2012].

Перебои возможны от того, что жестовые языки пытаются выделить, как отдельные национальные языки. Глухие – граждане своей страны с тем же самым гражданством, что и слышащие члены общества. Неправильно выделять глухих в отдельную национальную единицу, выделять жестовый язык отдельно от государственного языка. Ведь любой жестовый язык создается на лексической базе государственного языка, а правила и грамматика жестового языка отличается от звучащего из-за особенностей визуального модуса, основанного на других физических принципах: невозможно долго смотреть на одно место, одного собеседника, человеку надо видеть динамику – и, если на жестовом языке воспроизводить информацию так же линейно, как ложатся слова в звучащем языке, собеседник быстро утомится и информация не будет запоминаться. Именно поэтому в жестовом языке слова могут ложиться друг на друга зачастую образуя новый жест, несущий уникальное понятие. Он по природе своей должен быть быстрым, ясным и лаконичным, чтобы в как можно меньшее количество движений включить как можно больше информации. Поэтому убираются ненужные в жестовом языке предлоги, союзы, создаются новые образы кратких смыслов. *Элементы жеста выполняются и воспринимаются одновременно, в то время как звуки слова последовательно достигают нашего уха. Поэтому в жесте одновременно можно кодировать больше информации по сравнению со словом устной речи [Crasbom et. al. 2000].*

Возвращаясь к тому, что глухие – граждане своей страны и их нельзя выделять в отдельную национальную единицу, необходимо признать существование визуального модуса у государственных языков – эту гипотезу можно назвать **евразийской парадигмой** для изучения жестовых языков. Развитие в соответствии с американской парадигмой приводит к тому, что слышащий мир не воспринимает жестовые языки, считая их какими-то сложными отдельными языками, которые им не по силам освоить. По евразийской парадигме слышащему миру будет проще и понятней изучать жестовые языки, считая их средствами визуального модуса, т.к. они основаны на исторической ретроспективной базе их собственного языка. ЖЯ

зарождается не сам по себе, а на основе языка государствообразующего народа. Поначалу он создается искусственно, как аналог звучащей речи, затем вливается в мир глухих и начинает развиваться естественным путем. Жестовый язык является потомком звучащего праязыка.

Для начала необходимо определить категории неслышащих, которые активно используют в общении визуальную модальность. По нашим наблюдениям, визуальный модус в совокупности с другими модусами создает различные **виды коммуникаций по категориям** в структуре сообщества неслышащих:

1. **Слабослышащие с мышлением глухих** – в коммуникации чаще всего пользуются визуальным модусом. Они, как правило, слышат хорошо, но не развивают устный модус, т.к. им на нем не комфортно. Но могут при необходимости подключать его к общению.

2. **Слабослышащие с мышлением слышащих** – в коммуникации пользуются как правило аудиальным модусом, применяя визуальный модус, как вспомогательное средство общения. Эта категория неслышащих, как правило, живет со слышащими, чувствуя себя с ними свободно или почти свободно. Среди них много приверженцев подкатегории оралистов, описанной ниже.

3. **Глухие с мышлением глухих** – в коммуникации пользуются в основном визуальным модусом, применяя аудиальный модус, как вспомогательное средство общения. Данная категория как правило рождается у глухих родителей, они с детства впитывают культуру и красоту ЖЯ, создают естественные неологизмы. Многие из них плохо ориентируются в текстовом модусе.

4. **Глухие с мышлением слышащих** – в коммуникации считают правильным пользоваться аудиальным модусом, а визуальный модус используют для вспомогательного общения. Такие люди очень плохо слышат, поэтому не могут комфортно общаться в компании слышащих, и при этом они не признают ЖЯ, считают его маханием руками, поэтому не могут находиться в компаниях глухих. Замкнутым в своих принципах сложно измениться. Им на помощь приходят простые визуальные вспомогательные средства. Многие из них, как и слабослышащие с мышлением слышащих, придерживаются идеологии оралистов.

5. **Глухие и слабослышащие с открытым мышлением** – в коммуникации пользуются одновременно и аудиальным, и визуальным, и иными модусами по назначению, считают каждый модус востребованным.

6. **Тугоухие (по старости)** – бывшие слышащие, не знающие ЖЯ. Им нужны слуховые аппараты и четкое произношение, но иногда они пользуются простыми средствами общения визуального модуса.

7. **Позднооглохшие, которые не смогли принять и освоить визуальную модальность языка, чтобы влиться в мир глухих** и остались сами по себе – см. п.4. На них тоже сильно влияют оралисты.

8. **Позднооглохшие, которые сумели принять и освоить визуальную**

модальность языка, чтобы влиться в мир глухих и успешно использующие ЖЯ – см. п.5.

9. **Плоховидящие глухие** – категория неслышащих, использующая те элементы визуального модуса, которые можно масштабировать, укрупнять, будь это текст, дактиль или общение на ЖЯ.

10. **Слепоглухие** – основной модус в коммуникации кинестетический. Они не видят и не слышат, поэтому передать/получить информацию могут только на ощупь.

Особое примечание: существуют подкатегории, которые могут влиять на выбор используемого модуса в категориях неслышащих:

1. **Читающие по губам** – ими может быть любая вышеперечисленная категория, глухих или слабослышащих, читающих с губ. Чтение с губ – один из типов передачи/получения информации в визуальном модусе. Убеждение, что все неслышащие могут читать с губ – необоснованное. Тема требует отдельных исследований в дискурсе визуальной модальности языка в целом, а не только с точки зрения ЖЯ.

2. **Оралисты** – *Неутомимыми запевалами отрицания полноценности жестовой речи были все «оралисты» (С.Гейнике, И.Фаттер, Ф.Вернер; в нашей стране А.Ф.Остроградский), которые считали, что язык жестов препятствует усвоению законов словесного языка, создает ложные aberrации в языковом сознании глухого ребенка, так как не является языком в подлинном смысле этого слова: он не имеет грамматики, обладает крайне ограниченной лексикой, крайне необычным порядком построения высказываний* [Г.А. Карпова, 2008]. Оралисты имеют сильное влияние на развитие глухих, так как слышащему человеку понятны звуки и зачастую сложно представить, как многим глухим в развитии помогают именно беззвучные языки. Мир в большинстве своем состоит из слышащих людей, которые в силу своего восприятия и твердых убеждений решают, как лучше жить остальным категориям с ограниченными физическими возможностями. Но неслышащие постепенно доносят свою точку зрения.

Из списка категорий неслышащих становится видно, что подход к восприятию информации ими должен быть разный – не только ЖЯ, но и калькирующая жестовая речь, дактиль, элементарные жесты, понятные всем, артикуляция и спокойная четкая устная речь, дейксысы и др. Именно поэтому надо использовать все каналы передачи информации, задействовать в социуме все модусы без исключения.

Как пример, есть система ухо-горло-нос в человеческом организме, которая обследуется одним врачом – оториноларингологом, – а не разбивается на несколько частей по отдельности для выявления болезни в какой-либо части этой системы. Так же надо относиться к жестовым языкам – как к части единой системы, а не отделять одну часть и пытаться ее исследовать и

строить независимо от других. Если мы примем то, что глухие – часть одной системы, а не особые меньшинства, то мы, как общество будем развиваться гораздо быстрее, интереснее и насыщенней. Как писал И.С. Тургенев: «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» – значит, глухим надо стремиться не отторгать себя от этого великого языка, а стать его неотъемлемой частью. В американской парадигме глухие «выселяют» сами себя из большой родной дружной семьи русского языка, а в евразийской парадигме они развиваются внутри этой семьи. Мы – русские. Глухие русские.

Суть жестовых языков – новые понятия

Термин «научная парадигма» возведен Томасом Куном из узкого понятия, применяемого в некоторых областях лингвистики и риторики, в его текущее более широкое значение, применимое ко всем научным дисциплинам. Он, изучив физику Аристотеля, сначала пришел к тому, что Аристотель ничего не смыслил в физике, все сочинения Аристотеля казались Куну лишенными логики и наблюдательности, но затем он понял, что в эпоху Аристотеля тот был прав. Это было его время развития науки в той интеллектуальной среде, в которой Аристотель находился. Томас Кун в своей работе «Структура научных революций» показал, чтобы понять научное развитие, нужно понимать интеллектуальные рамки, в которых работают ученые [В. Вербовская, 2021].

Кун выдвинул гипотезу, что развитие науки носит не накопительный, а взрывной характер, когда старая научная парадигма претерпевает кардинальные изменения. И он же предложил термин «смена парадигмы» [Т.Кун, 1962].

Отсюда следует, любое изучение языка проходит в соответствии с определенной парадигмой.

Парадигма — важнейшая категория в научном познании, его мощнейший инструмент, без чего не может быть полноценного научного исследования. Парадигма (от греческого — пример, образец) — теория, принятая в качестве образца решения исследуемых задач [Философский энциклопедический словарь, 1983].

Выходит, что **парадигмы** — области со своими правилами и функциями, на которые не действуют правила и функции другой парадигмы, поэтому всегда надо обосновывать суть вещей в определенной парадигме, а не пытаться перенести условия одной парадигмы в другую.

Возьмем к примеру экономику. В ней есть две основные теории – марксистская и либерально-экономическая (свободный рынок). В марксистской парадигме главным условием ее развития является производство и плановая экономика. В либерально-экономической парадигме главным условием является создание и удовлетворение спроса. Нельзя методы из марксистской парадигмы переносить в либерально-экономическую и наоборот.

То же самое относится и к лингвистике. В ней по отношению к ЖЯ есть две теории – действующая (американская) и предлагаемая (евразийская). В американской парадигме ЖЯ – национальная система, которая позиционирует себя, как самостоятельная и независимая единица, и заставляет изучать ЖЯ, как иностранный язык. В евразийской парадигме ЖЯ – одна из форм государственного языка, которая позиционирует себя как визуальная часть этого языка (как и письмо) и исследуется методами 3D-фиксации.

Дело в том, что лингвистическое изучение жестовых языков оказалось делом куда более трудным. Современная лингвистика жестового языка начала свою работу в период, когда было фактически общепринято, что жестовый язык примитивная система общения, его лексический строй и грамматика недостаточно развиты и т.п. **Многочисленные исследования лингвистики в области жестового языка развернувшиеся в 60-е годы привели к формированию новой научной парадигмы.** Современная наука располагает сегодня вполне корректными методами, позволяющими анализировать структуру **национальных жестовых языков** на всех уровнях: фонологическом, лексическом, грамматическом [Л.С. Димскис, 2016].

Под «жестовыми языками» в современном научном дискурсе следует понимать полноценные языковые системы, используемые глухими для общения: «коммуникативные системы, план выражения которых строится не на акустической, как в звуковых языках, а на кинетической (жестико-мимической) основе» [Беликов, 1990, с. 153]. Помимо жестико-мимического компонента, жестовые языки включают немануальный компонент — использование взгляда, выражения лица, движений головы и тела. Жестовые языки служат основным и нередко единственным средством общения глухих и являются структурно независимыми от соответствующих национальных звуковых языков, т.е. представляют собой самодостаточные коммуникативные системы. В большинстве стран мира **жестовые языки признаны языками меньшинств соответствующих стран**, а во многих случаях жестовые языки имеют официальный статус [М.Б. Раренко, 2021].

Благодаря тому, что общество в свое время приняло новую на тот момент парадигму развития жестовых языков, как отдельных полноценных лингвистических систем, жестовые языки получили признание на государственном уровне и начали активно исследоваться в разных странах, в том числе и в России. Однако, в настоящее время напрашивается вопрос: подходит ли данная общепринятая парадигма под современные реалии, когда идет эра массовых коммуникаций? Нам только РЖЯ надо развивать, про КЖР забыть? Надо ли выводить дактиль в отдельную от РЖЯ и КЖР категорию, ведь дактилирование применяют все? Как в словарях фиксируются маркеры, которые свойственны не только жестовым языкам, но и калькирующей жестовой речи? Маркеры могут выражаться мимикой лица,

движениями тела, указаниями на объект, время, действия, качество и др. Именно маркеры составляют одну из особенностей визуальной модальности языка, их нельзя отнести ни к РЖЯ, ни к КЖР, ни к дактилю, их надо фиксировать и исследовать отдельно.

Поэтому нами будут проводиться исследования жестовых языков в соответствии с предлагаемой парадигмой — евразийской. В соответствии с новой парадигмой мы попробуем структурировать понятия, присущие жестовым языкам с точки зрения визуальной модальности языков в целом.

Многие исследователи ЖЯ задаются вопросом, что из себя представляют ЖЯ, как их изучать и описывать, если о них известно очень мало. *Следует признать, что существует два типа языков, различающихся по информационному каналу: звучащие языки и жестовые, или визуальные, языки. (Также требует изучения феномен тактильной коммуникации, используемой людьми, для которых недоступен ни звуковой, ни визуальный канал, т.е. слепоглухими.)* [А.А. Кибрик, 2012]. ЖЯ в настоящее время исследуют, как отдельные независимые системы, подобные звучащим языкам, но натываются на множество противоречий и несостыковок. Рождается понимание, что жестовые языки и звучащие языки имеют много общего, например, лексику или калькирующую жестовую речь, которую категорически нельзя списывать со счетов или отделять ее от жестового языка. Поэтому в отличие от американской парадигмы евразийская парадигма учитывает все нюансы **одной системы**. Для этого необходимо разобрать **два подхода к работе с информацией**.

Первый подход. Модальности восприятия информации:

*Известны пять основных способов, с помощью которых люди воспринимают мир. Мы можем видеть, слышать, чувствовать, нюхать и пробовать на вкус. В нашем сознании сенсорная (полученная органами чувств) информация трансформируется в некоторое представление или модель. Эти индивидуальные модели называются **модальностями** подачи/восприятия информации.*

Различают три основные модальности:

1. Аудиальная – используется слух.
2. Визуальная – используется зрение.
3. Кинестетическая – используется осязание, обоняние, вкус, восприятие движений собственного тела с подключением эмоций [НИЦКБ, 2014].

Эти три модальности восприятия информации необходимо учитывать при разборе.

Второй подход. Фактуры речи в передаче информации:

Опираясь на основные положения, разработанные Ю.В. Рождественским, можно выявить, что *мысль, воплощенная в слове, может закрепляться в различном материале. Этими **материалами речи** могут быть колебания воздуха, возникающие при устной коммуникации, бумага, пергамент,*

папирус, электромагнитные колебания и так далее. Обработанный определенными **орудиями речи** (органами артикуляции, письменными принадлежностями, печатным оборудованием и т.д.) материал речи называется **фактурой речи**. Существует четыре фактуры речи: устная, письменная, печатная, фактура массовой коммуникации. Соответственно, различают четыре словесности: устная словесность, письменная словесность, печатная словесность, массовая коммуникация [Н.Н. Германова, 2008].

Из высказывания, которое упомянуто выше и описано Н.Н. Германовой, выделим устную фактуру речи. Устной фактурой принято считать речь привязанную к аудиальной модальности. Это в принципе верно, т.к. слово «устная» происходит от понятия «уста». Но звучащая речь не ограничивается аудиальной модальностью, она вмещает в себя и визуальную, и кинестетическую модальность, просто визуальной и кинестетической модальностям языков уделяется очень мало внимания, обычно их упоминают, как дополнения к аудиальной модальности.

Восприятие устной речи при непосредственном общении происходит одновременно и по слуховому, и по зрительному каналам. Поэтому устную речь сопровождают, усиливая ее выразительность, такие дополнительные средства, как характер взгляда (настороженный или открытый и т.п.), пространственное расположение говорящего и слушающего, мимика и жесты. Так, жест может быть уподоблен указательному слову (указание на какой-то предмет), может выражать эмоциональное состояние, согласие или несогласие, удивление и т.д., служить контактоустанавливающим средством, например поднятая рука в знак приветствия (при этом жесты имеют национально-культурную специфику, поэтому использовать их, особенно в устной деловой и научной речи, нужно осторожно). Все эти лингвистические и экстралингвистические средства способствуют повышению смысловой значимости и эмоциональной насыщенности устной речи [vuzlit.com].

Устная речь – форма речевой деятельности, которая включает в себя говорение (передачу информации) и слушание (прием информации). Устная речь отличается от всех остальных наличием контакта между говорящим и адресатом во времени и пространстве. Получается, устная речь безусловно **использует три модуса: аудиальный, визуальный, кинестетический**. И в то же время понятием «устная» нельзя обозначить фактуру, вмещающую в себя все каналы передачи информации, так как задействованы все органы чувств, а не только уста. При этом нельзя выделять каждый орган чувств в отдельную фактуру, тк они образуют логос – единый процесс мышления – в тесной связи друг с другом, а не каждый сам по себе. Возникающие при таком подходе вопросы требуют для ответа дополнительных исследований. В частности, имеет ли смысл вводить **сенсорную фактуру** вместо устной фактуры – не будет ли смещения понятий? Или оставить устную фактуру

как обозначение говорения и слушания в любой форме?

Не стоит обеднять визуальную и кинестетическую модальности языков перед аудиальной модальностью - каждая из них вносит свой вклад в развитие человечества. Слышащие люди при разговоре используют и визуальный, и кинестетический модусы, только полноценным каналом передачи информации у них считается аудиальный, а визуальный и кинестетический - дополнительными.

При этом надо учитывать такие категории населения, которые в силу своих физических особенностей просто не в состоянии использовать аудиальный модус, поэтому визуальный модус у них выходит на первый план. Но, так как нельзя отделять жестовые языки от визуального модуса, в итоге получается, что жестовые языки могут являться формой устной (сенсорной) речи с использованием визуального модуса, звучащие языки – формой устной (сенсорной) речи с использованием аудиального модуса, причем оба языка сопровождаются элементами других модусов: в жестовом - аудиального и кинестетического, в звучащем – визуального и кинестетического. Кинестетический модус активно используется слепыми.

Отсюда предлагается дополнить **фактуры речи** всеми каналами восприятия информации, всеми существующими модальностями:

1. Устная (сенсорная):

- **Аудиальная.**

Высшая форма: устное народное творчество с красивой и четкой речью (в древности - былины, сказания, басни, сказки; в современности - стендап, сторителлинг, и им подобные).

- **Визуальная.**

Высшая форма: ЖЯ, Спектакль на ЖЯ, VV, Сигнота – любое законченное повествование с использованием всех элементов визуального модуса.

- **Кинестетическая.**

Высшая форма: Спектакли постановки без слов, литература на шрифте Брайля, сопровождение с тифлосурдопереводом.

2. Письменная.

- **Текстовая.**

Высшая форма: мировые и национальные литературные произведения.

- **Образная (эстетическая).**

Высшая форма: картины, скульптуры и другие рукотворные произведения искусства великих художников, знаки и образы древних народов.

3. Печатная.

- **Текстовая.**

Высшая форма: государственные языки.

- **Образная (эстетическая).**

Высшая форма: символика, семантические знаковые системы для жиз-

недеятельности народов.

4. Массовые коммуникации.

- **Аудиальная.**

Высшая форма: увлекательные, полезные радиoprogramмы, аудиокниги.

- **Визуальная.**

Высшая форма: ЖЯ; Международные жесты, которые могут перерасти в полноценный международный жестовый язык; Краткий емкий лаконичный и ясный образ, который поможет быстро усваивать и легко использовать информацию, – создается благодаря базам знаний, издревле и по настоящее время закладываемых человечеством с помощью языков: цифры, буквы, слова, жесты, смыслы.

- **Кинестетическая.**

Высшая форма: тактильно-эмоциональные наслаждения тела (отсюда рождаются 3D- 5D- 7D- и прочие дарящие ощущения аппараты, чайные церемонии, массажные салоны, фитнес-клубы, дискотеки и им подобные заведения).

Мы определились с тем, что есть два подхода к работе с информацией: **модальности восприятия и фактуры речи**. Эти оба подхода должны работать **без отрыва друг от друга** – тогда любые категории населения могут развиваться без отставания от основной массы людей.

Далее назрела необходимость в категоризации именно визуальной модальности языка, в которую входят и ЖЯ. Так как ЖЯ относятся к устной фактуре речи, можем ссылаться на существующие категории аудиальной модальности устной фактуры речи: хоть модальности языка разные, способ коммуникации один – говорение и слушание.

Самое крупное противопоставление между типами дискурса – это противопоставление по модусу, или каналу передачи информации. Исходным, базовым модусом является устный, основанный на звуковом взаимодействии между говорящим и адресатом. Говорящий порождает звуковой сигнал при помощи своего артикуляторного аппарата, а адресат его воспринимает как акустический при помощи слуха. Возможно, имеет смысл выделять жестовый модус, основанный на визуальном взаимодействии между говорящим и адресатом. Жесты, сопровождающие обычную устную речь, настолько тесно интегрированы со звуковой речью, что отделить их в особый модус вряд ли возможно. Однако существует совершенно иной тип использования жестов – жестовые языки глухих. В них визуальный канал очевидно является единственным, поэтому при таком способе взаимодействия говорить об устном модусе было бы довольно странно, учитывая этимологию слова «устный» [А.А. Кибрик, 2009].

Как видно из размышлений А.А. Кибрика, возможно рождение еще одного модуса – жестового, но, на наш взгляд, не стоит отделять жестовый модус от визуальной модальности языка, тк жестовые языки, как и кинестетические жесты, являются частью языка.

сика, как и язык тела, как и дейксис, как и артикуляция воспринимаются визуально. Отсюда следует, что нам необходимо определить формы визуальной модальности языка, одной из которых являются жестовые языки. В качестве гипотезы предлагается следующая категоризация форм визуальной модальности языка.

Формы визуальной модальности:

1. Жестовый язык
2. Калькирующая жестовая речь
3. Дактиль: ручная азбука
4. Кинесика: язык тела и мимика лица
5. Артикуляция: понимание артикуляции позволяет глухим считывать с губ говорящего собеседника.
6. Дейксис: невольные или целенаправленные указания, которые сопровождают речь, на объект, отдаленность и на временную и пространственную локализацию.
7. Мимика лица: без мимики неслышащие не могут понять эмоции собеседника, поэтому мимика лица является неотъемлемым атрибутом устной(сенсорной) речи неслышащих.

Отдельного обсуждения требует вопрос внесения в классификацию термина «**маусинг**». *Маусинг (mouthing или spoken components) представляет собой беззвучную артикуляцию соответствующего слова (или его части) звукового языка* [С.И. Буркова, В.И. Киммельман, 2019]. Но есть сомнения, стоит ли любое беззвучное шевеление губ называть маусингом. Беззвучно произнесенное слово “мама” может являться маусингом? Или это и есть артикуляция, а маусинг это только те жесты губ, придуманные глухими, например: пу, иса, фэ-фэ? Поэтому выносим на обсуждение вопрос: что именно может являться маусингом: жесты губ, используемые глухими носителями жестового языка или вообще любые беззвучные жесты губ?

В случае, если маусинг – это только те жесты губ, придуманные глухими – предлагаются на обсуждение два варианта:

1. Маусинг выделить в отдельную самостоятельную категорию форм визуальной модальности.
2. Маусинг признать как подкатегорию немануальных компонентов, в которую входит и кинесика.

Мы пытаемся совместными усилиями разрешить этот спорный вопрос.

Также мы определили предварительный перечень форм визуальной модальности языка (рис. 1)

В продолжение выдвигаемой гипотезы существования визуальной модальности языка предлагаем следующее правило: по аналогии с **литературным русским языком**, как **высшей формы языка в устной(сенсорной) фактуре аудиальной модальности государственного языка, русский жестовый**

язык является высшей формой устной(сенсорной) фактуры визуальной модальности государственного языка.

Для того, чтобы завершить картину наших исследований, обратимся к следующим двум понятиям в языкознании. Эти два понятия некоторые исследователи отождествляют между собой, другие – различают:

1. Языковая картина мира (ЯКМ) – совокупность сведений о мире, активизируемых с помощью различных механизмов вербализации, а также хранимых и передаваемых от поколения к поколению с помощью вербального кода; часть картины мира вообще, которая опосредована языковыми знаками или даже шире – знанием языка, его единиц и правил и, главное, содержанием его форм [Е.С. Кубрякова, 1988].

2. Концептуальная картина мира (ККМ) – это глобальный образ мира, существующий в сознании какого-либо социума в определенный период его истории и лежащий в основе мировидения человека [М.А. Садыкова, 2008]. ККМ отражает логический аспект изучения картины мира. У каждого индивидуума свои каналы восприятия картины мира. ККМ учитывает все возможные способы передачи информации. **ККМ шире и богаче ЯКМ**, поскольку **сведения о мире кодируются** не только вербально, но и **невербально** (визуальным, акустическим, кинестетическим и другими кодами).

Из описаний понятий картин мира становится очевидно, что в соответствии с **американской парадигмой** жестовые языки исследуются по **принципам ЯКМ**. Обладая хорошими знаниями ЖЯ, исследователи данной парадигмы, выделяют исследование ЖЯ в отдельное от звучащего языка направление, независимый язык со своими правилами и культурой. Но, как в данном докладе было обосновано выше, язык не может иметь одну модальность, он развивается, используя все модальности. Обе картины мира взаимосвязаны, нелогично отделять одну от другой. Поэтому **евразийская парадигма**, используя все

Схема форм визуальной модальности языка

Рисунок 1.

элементы языка, а также исследуя различные способы восприятия информации индивидами, **развивает языки по принципу ЯКМ + ККМ.**

Поэтому нами на изучение и обсуждение предлагается структура из всех фактур речи, дополненных всеми модальностями. Структура, объединенная двумя вышеописанными подходами (модальности восприятия информации и фактуры речи), вырисовывает картину передачи и обработки информации в философии и лингвистике понятием «**логос**» – это единение слова и мысли. Логос, как видно из статьи Василия Шмелева, – понятие, зависящее от дискурса в ретроспективе, дискурса определенного отрезка времени.

На данный момент используется для изучения ЖЯ: Плоский треугольник логоса – ЯКМ: Устная (по факту аудиальная) – Письменная – Мыслительная. В определенный длительный период времени общество не считало визуальный и кинестетические модусы достойным внимания и определило тех, кто общается без устного модуса, неспособными мыслить. Американская парадигма развития жестовых языков предлагает вместо устной (аудиальной) фактуры речи использовать жестовую фактуру речи, которая сама по себе не существует.

В рис. 2 предлагается **объемный четырехугольник логоса – ЯКМ+ККМ:** Устная (сенсорная) – Письменная – Печатная – Массовые коммуникации. Каждая фактура имеет свои модальности восприятия информации. Ито-

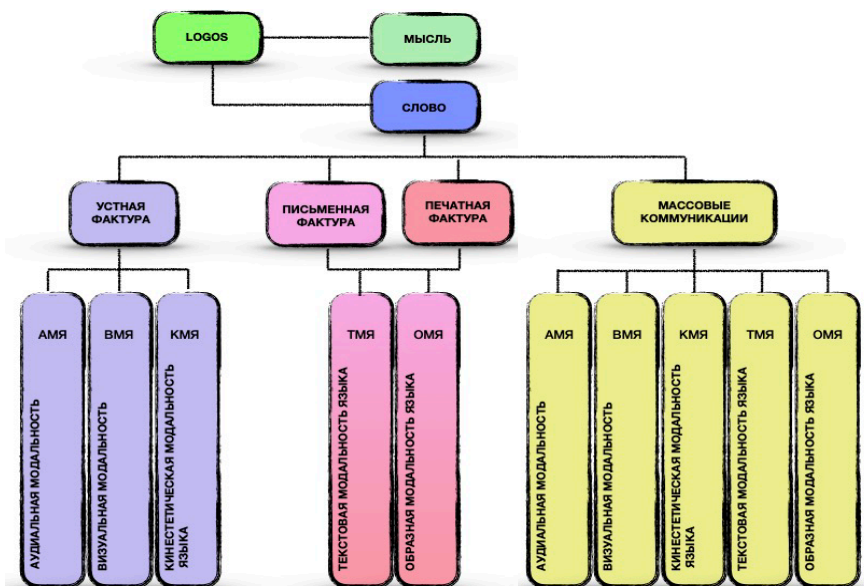

Схема объемного четырехугольника логоса

Рисунок 2.

гом четырехугольника является мыслительно-речевое собирательное понятие – **логос**.

Логос (от др.-греч. λόγος «мысль», «голос», «слово», «смысл», «понятие», «причина», «число») — понятие древнегреческой философии, означающее одновременно «слово» (высказывание, речь) и «понятие» (суждение, смысл). Гераклит, впервые использовавший его в философском смысле и, по существу, отождествлявший его с огнём как основой всего (согласно Гераклиту, огонь является первоосновой мира (архэ) и его основным элементом или стойхейоном), называл «логосом» вечную и всеобщую необходимость. Хотя в последующем значение этого понятия неоднократно изменялось, тем не менее, под логосом понимают наиболее глубинную, устойчивую и существенную структуру бытия, наиболее существенные закономерности мира.

Благодаря всем деталям, собранным в единое целое, мир может полноценно развиваться без ограничений по какой-либо модальности восприятия.

Исследование РЖЯ позволяет констатировать принципиально новый тип референции. Интересно, что обнаружение этого явления имеет последствия и для понимания звучащих языков: выясняется, что при жестикюляции конструируемое пространство в звучащих языках тоже используется, хотя и не играет такой роли, как в языках жестовых. Этот пример наглядно показывает пользу от изучения РЖЯ для лингвистики в целом [А.А. Кибрик, 2012].

Углубленное изучение визуальной модальности языка позволит исследователям не только развивать жестовые языки, но и даст возможность человечеству расширить горизонты восприятия мира.

Также необходимо определить каждому понятию визуальной модальности языка свое место. Например, сообщества по развитию ЖЯ пытаются применить понятие «**фонема**» к жестовому языку, выписав понятие «**хирема**», придуманное У. Стоуки [William C., 1960]. А почему так? В аудиальной модальности фигурирует понятие «**просодии**» – это раздел фонетики, в котором рассматриваются такие особенности произношения, как высота, сила, интенсивность, длительность, придыхание и другие признаки, являющиеся дополнительными к основной артикуляции звука. В визуальной модальности той же «просодией» является «**визуализация**».

Визуализация – представление физического процесса или явления в форме, удобной для зрительного восприятия [Большой Энциклопедический Словарь].

В диалогах неслышащих на жестовом языке и прочих формах визуальной модальности языка также применяются свои элементы, влияющие на передачу информации: конфигурация (форма жеста), направление, интенсивность и скорость движения, мимика лица, артикуляция и проч.). Поэтому

фонему нужно оставить звучащему языку, а в жестовом ввести свои понятия.

Язык, который является предметом исследования, легче может стать предметом преподавания, изучения, как любой из языков РФ или любой иностранный язык. Признание РЖЯ в научном контексте может повлечь его признание и в других контекстах [А.А. Кибрик, 2012].

Нам необходимо не отделяя жестовые языки от звучащих, выстроить для них понятную и четкую структуру понятий. А некоторые **жестовые языки** по своей сути являются и **метаязыками**, о чем подробно написано в докладе Максима Исаева. Русский жестовый язык является метаязыком для многих людей бывшего Советского Союза. Он объединяет глухих разных национальностей: малые народы РФ, все страны бывшего СССР, а также русскоязычные общины по всему миру. Если слышащие всех стран, вышедших из СССР, общаются на искусственно созданных звучащих национальных языках (украинский, белорусский, казахстанский и др. – когда-то они были диалектами), то глухие этих стран общаются на одном языке – русском жестовом.

Заключение

В заключение несколько общих замечаний. Я думаю, что взаимодействие сообщества глухих с лингвистами – это позитивный процесс, в котором не может быть проигравших. Необходимо организовывать и строить более тесное сотрудничество между заинтересованными лингвистами, сурдопедагогами и носителями. Молодым лингвистам, которые начинают заниматься этой областью, не имея исходной базы, приходится достаточно непросто. Понятно, что контакты с носителями РЖЯ не всегда завязываются легко. Хочется верить, что это взаимодействие будет развиваться и лингвистам будет оказана поддержка со стороны сурдопедагогов. В будущем, надеюсь, увеличится количество профессиональных лингвистов – носителей жестового языка. Это еще одно важное направление для размышлений [Кибрик А.А., 2012].

Хорошо, что исследователи начали изучать жестовые языки в соответствии с американской парадигмой — именно это помогло неслышащему миру заявить о себе, показать, что жестовые языки не махание руками, а полноценные языки для тех, кто не слышит. Но такой подход натывается на множество противоречий, поэтому предлагается применить новый подход в изучении жестовых языков — в соответствии с евразийской парадигмой.

Между языком и обществом складываются сложные двусторонние отношения. Это значит, что язык зависит от общества, а жизнь общества зависит от языка. С одной стороны, язык складывается и функционирует только в обществе, отражает духовную жизнь людей и окружающий их материальный мир, а с другой стороны – сам играет важную роль в формировании общества [Н.Н. Германова, 2008].

Чтобы общество полноценно развивалось, необходимо изучать все модальности языка, и – не в последнюю очередь – визуальную. Освоение и развитие визуальной модальности поможет миру обрабатывать информацию быстрее в разы, а неслышащим стать полноценными членами общества.

Современные научные знания о структуре языка могут быть использованы для составления современных словарей и грамматик. Хотя словарь и грамматика РЖЯ частично описаны, ясно, что в этом деле еще многое предстоит сделать, и будет гораздо лучше, если в этой работе будут помогать подготовленные, квалифицированные лингвисты. Это поможет избежать многих трудностей и ошибок, которые нередки в словарях и грамматиках жестовых языков [А.А. Кибрик, 2012].

Библиографический список:

- [1] Школа лингвистики. // URL: https://ling.hse.ru/Projects_SignLang
- [2] Исаев М.Г. Сборник научных статей Второй международной научно-практической конференции. Отв. редактор К.В. Голубина. 2022 // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49056168&pf=1>
- [3] Зайцева, Г. Л. Жест и слово : научные и метод. статьи / – Москва, 2006. // URL: <https://surdocentr.ru/publikatsii/11-o-zhestovoy-rechi-i-russkom-yazykakh/73-kalkiruyushchaya-zhestovaya-rech-v-kommunikativnoj-deyatelnosti-glukhikh>
- [4] Колесников В., Комарова А. Развитие калькирующей жестовой речи и русского жестового языка. GARAGE, // URL: <https://garagemca.org/programs/inclusive-programs/diversity-and-inclusion/razvitiie-kalkiruyushchey-zhestovoy-rechi-i-russkogo-zhestovogo-yazyka>
- [5] Кибрик А.А. О важности лингвистического изучения русского жестового языка: Первая лингвистическая конференция. Сборник статей / Под ред. О.В. Фёдоровой. – М.: 2012. // URL: https://iling-ran.ru/kibrik/RSL_Importance@RSL2012.pdf
- [6] Crasborn et al. 2000 – O. Crasborn, H. Van der Hulst. E. Van der Kooij. Phonetic and phonological distinctions in sign languages. A paper presented at Intersign: Workshop 2. Leiden. December 1998. // URL: www.sign-lang.uni-hamburg.de/intersign/Workshop2/CrasbornHulstKooij/crasbor_hulst_kooij.html
- [7] Карпова Г.А. Основы сурдопедагогтики: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. – Екатеринбург, Издатель Калинин Г.П., 2008.
- [8] Вербовская В. Парадигмы и научные революции Куна. Онлайн-платформа по обучению soft skills, 2021. // URL: <https://4brain.ru/blog/paradigmy-i-nauchnye-revoljucii-kuna/?ysclid=ljbrw0r0g0236810920>
- [9] Кун Т. Структура научных революций, 1962. // URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3811>
- [10] Философский энциклопедический словарь. Советская энциклопедия, 1983. // URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/index.htm>
- [11] Димскис Л.С. Основы сурдоперевода: Учебно-методический комплекс для специальности 1-86 01 01 Социальная работа (по направлениям), Минск, 2016. // URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/172784/1/УМК%20Основы%20сурдоперевода.pdf>
- [12] Беликов В.И. Жестовые языки // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 153.
- [13] Раренко М.Б. Жестовые языки как полноценное средство коммуникации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: Реферативный журнал. 2021. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhestovye-yazyki-kak-polnotsennoe-sredstvo-kommunikatsii>
- [14] НИЦКБ. Модальность восприятия информации, 2014. // URL: <https://anna-kulik.ru/modalnost-vosprijatija-informacii/>
- [15] Германова Н.Н. Введение в языкознание. Язык в социокультурном контексте: Учебное пособие. – М.: Рема, 2008.
- [16] Vizlit.com. Устная и письменная формы литературного языка. // URL: https://vzlit.com/928124/ustnaya_pismennaya_formy_literaturnogo_yazyka
- [17] Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов: Институт языкознания РАН, 2009 // URL: https://iling-ran.ru/kibrik/Discourse_classification@VJa_2009.pdf
- [18] Буркова С.И., Киммельман В.И. Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык.: Учебник – Новосибирск, Изд-во НГТУ, 2019.
- [19] Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческо-

го фактора в языке. Язык и картина мира. - М.: 1988. С. 141-172.

- [20] Садыкова М.А. Сопоставление понятий «Картина мира» и «Модель мира»: архетип миф религия наука // Аналитика культурологии. 2008. № 11. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavlenie-ponyatiy-kartina-mira-i-model-mira-arhetip-mif-religiya-nauka?ysclid=1794eck1e1813790850>
- [21] Stokoe, William C. 1960. Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf.
- [22] Академик. Визуализация: Большой Энциклопедический словарь // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/87934>

Reference

- [1] School of Linguistics. // URL: https://ling.hse.ru/Projects_SignLang
- [2] Isaev M.G. Collection of scientific articles of the Second International Scientific and Practical Conference. Rep. editor K.V. Pigeon. 2022 // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49056168&ppf=1>
- [3] Zaitseva, G. L. Gesture and word: scientific and method. articles / - Moscow, 2006. // URL: <https://surdocentr.ru/publikatsii/11-o-zhestovom-i-russkom-yazykakh/73-kalkiruyushchaya-zhestovaya-rech-v-kommunikativnoj-deyatelnosti-glukhikh>
- [4] Kolesnikov V., Komarova A. Development of tracing sign speech and Russian sign language. GARAGE, // URL: <https://garagemca.org/programs/inclusive-programs/diversity-and-inclusion/razvitie-kalkiruyushey-zhestovoy-rechi-i-russkom-zhestovogo-yazyka>
- [5] Kibrik A.A. On the importance of linguistic study of Russian sign language: First linguistic conference. Collection of articles / Ed. O.V. Fedorova. – М.: 2012. // URL: https://iling-ran.ru/kibrik/RSL_Importance@RSL2012.pdf
- [6] Crasborn et al. 2000 – O. Crasborn, H. Van der Hulst, E. Van der Kooij. Phonetic and phonological distinctions in sign languages. A paper presented at Intersign: Workshop 2. Leiden, December 1998. // URL: www.sign-lang.uni-hamburg.de/mtersign/Workshop2/CrashbornHulstKooij/crasbor_hulst_Kooij.html
- [7] Karpova G.A. Fundamentals of deaf pedagogy: A textbook for students of higher pedagogical educational institutions. – Ekaterinburg, Publisher Kalinina G.P., 2008.
- [8] Verbovskaya V. Paradigms and scientific revolutions of Kuhn. Online platform for soft skills training, 2021. // URL: <https://4brain.ru/blog/paradigmy-i-nauchnye-revoljucii-kuna/?ysclid=1jbrw0r0g0236810920>
- [9] Kuhn T. Structure of scientific revolutions, 1962. // URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3811>
- [10] Philosophical Encyclopedic Dictionary. Soviet Encyclopedia, 1983. // URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/index.htm>
- [11] Dimskis L.S. Fundamentals of sign language interpretation: Educational and methodological complex for specialty 1-86 01 01 Social work (in areas), Minsk, 2016. // URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/172784/1/UMK%20Basics%20sign%20language%20translation.pdf>
- [12] Belikov V.I. Sign languages // Linguistic encyclopedic dictionary. - М.: Soviet Encyclopedia, 1990. P. 153.
- [13] Rarenko M.B. Sign languages as a full-fledged means of communication // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 6, Linguistics: Abstract Journal. 2021. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhestovye-yazyki-kak-polnotsennoe-sredstvo-kommunikatsii>.
- [14] NITSKB. Modality of information perception, 2014. // URL: <https://anna-kulik.ru/modalnost-vosprijatija-informacii/>
- [15] Germanova N.N. Introduction to linguistics. Language in sociocultural context: Textbook. – М.: Rema, 2008.
- [16] Vizlit.com. Oral and written forms of literary language. // URL: https://vuzlit.com/928124/ustnaya_pismennaya_formy_literaturnogo_yazyka
- [17] Kibrik A.A. Mode, genre and other parameters of discourse classification: Institute of Linguistics RAS, 2009 // URL: https://iling-ran.ru/kibrik/Discourse_classification@Vja_2009.pdf
- [18] Burkova S.I., Kimmelman V.I. Introduction to the linguistics of sign languages. Russian sign language: Textbook - Novosibirsk, NSTU Publishing House, 2019.
- [19] Kubryakova E.S. The role of word formation in the formation of the linguistic picture of the world // The role of the human factor in language. Language and picture of the world. - М.: 1988. С. 141-172.
- [20] Sadykova M.A. Comparison of the concepts "Picture of the World" and "Model of the World": archetype myth religion science // Analytics of cultural studies. 2008. № 11. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavlenie-ponyatiy-kartina-mira-i-model-mira-arhetip-mif-religiya-nauka?ysclid=1794eck1e1813790850>
- [21] Stokoe, William C. 1960. Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf.
- [22] Academician. Visualization: Big Encyclopedic Dictionary // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/87934>

Лешкова Я.Н.

*Аспирант по научной специальности 5.12.3
Междисциплинарные исследования языка в ФГБОУ ВО
«Московский государственный лингвистический университет»,
Директор АНО «ИПГИС «НА ЖЕСТАХ».*

Новый подход к жестовым языкам в рамках евразийской парадигмы

Аннотация. Что есть русский жестовый язык? Отдельный национальный язык или часть государственного языка? В статье проведен подробный аналитический разбор о том, что жестовые языки так или иначе являются частью государственных языков, только находятся в другой модальности языка — визуальной. Жестовые языки используют одни и те же термины и понятия, присущие государственным языкам, только имеют свои правила и грамматику в силу того, что жестовые языки основываются на другой модальности. Предложенная гипотеза обосновывается тем, что у глухих жителей определенной страны тот же самый менталитет, что и у большинства обычных жителей данного государства, у них одна и та же картина мира, которая отличается только модальностью восприятия: у глухих она визуальная, у слышащих — аудиальная, при этом письменность и средства массовой коммуникации у обеих категорий одни и те же. В свете проведенного анализа появилось понимание, что жестовые языки не могут быть отдельными национальными языками, как языки этнических меньшинств. Поэтому при изучении жестовых языков предлагается сменить научную парадигму, в которой жестовый язык изучается, как отдельный иностранный язык, не зависящий от звучащего, на новую научную парадигму, в которой жестовый язык изучается, как визуальная часть государственного языка. В статье дан полный разбор всех категорий неслышащих и предложен перечень форм визуальной модальности русского языка: русский жестовый язык, калькирующая жестовая речь, дактиль, мимика, артикуляция, кинесика, среди которых особо выделен маусинг на рассмотрение необходимости применения данного термина в свете того, что уже существует термин «артикуляция», и предложена подробная структура восприятия информации человеком в целом, каждый элемент которой создает мыслительно-речевое собирательное понятие – логос. Автор этим самым хотела показать, что нельзя приносить значение какой-либо одной модальности восприятия, что каждая модальность восприятия вносит большой вклад в развитие человечества.

Ключевые слова: русский жестовый язык, калькирующая жестовая речь, дактиль, мимика лица, артикуляция, кинесика, дейксис, маусинг, визуальная модальность языка, аудиальная модальность языка, кинестетическая модальность языка, фактуры речи, концептуальная и языковая картины мира, логос.

Leshkova Ya.N.

Graduate student in the scientific specialty 5.12.3

Interdisciplinary Language Studies at the Federal State Educational Institution of Higher Education "Moscow State Linguistic University",

Director of the Autonomous Non-Profit Organization "IPGIS "WITH SIGNS".

A new approach to sign languages within the Eurasian paradigm

Abstract. What is the nature of Russian sign language? Is it considered a distinct national language or a part of the official language? This article presents a comprehensive analysis which argues that sign languages are indeed part of official languages. However, sign languages operate within a different modality - the visual realm. While sign languages share the same terms and concepts as spoken languages, they possess unique rules and grammar due to their reliance on visual communication. The hypothesis presented can be supported by the observation that deaf individuals in a specific country share similar attitudes and perspectives as the general population. Their understanding of the world is essentially the same, with the only difference being the method of perception. However, their modes of written communication and mass communication are identical. Based on this analysis, it is evident that sign languages should not be considered as distinct national languages, like those of ethnic minorities. Instead, the suggested approach is to view sign language as a visual component of the country's language, rather than as a separate foreign language without sound. The article provides a thorough examination of various groups within the deaf community and presents a list of visual means used in the Russian language, such as Russian sign language, sign-supported speech (calquing sign speech), fingerspelling, facial expressions, articulation, and kinesics. The article specifically focuses on the use of mouthing. It questions the necessity of the term "mouthing" alongside the term «articulation». The article also proposes a detailed structure for the perception of information. According to this structure each element creates a cognitive concept. The author aims to demonstrate that it is crucial to acknowledge the significance of each modality of perception, as they all contribute to human progress and development.

Key words: Russian sign language, sign-supported speech (calquing sign speech), fingerspelling, mimics, articulation, kinesics, deixis, mouthing, visual modality, audial modality, kinesthetic modality, linguistic worldview (linguistic world-image), conceptual worldview, logos.

Исаев М.Г.

Аспирант по научной специальности 5.12.3 Междисциплинарные исследования языка в ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», Генеральный директор ООО «МАЯС».

Визуальная модальность в массовых коммуникациях*

Язык и коммуникация

Язык — это не только средство для передачи и хранения информации, он является важнейшим средством коммуникации и выражения мыслей. Язык — это инструмент, с помощью которого человек познает мир, с его помощью формируются новые понятия и определяются способы мышления, что прямо влияет на процессы восприятия и воспроизведения действительности.

Когда говорят, что без языка нет общества, а без общества нет языка, прежде всего, имеют в виду язык как форму существования индивидуального и общественного сознания. Идею связи сознания с языком в свое время предложил Л.С. Выготский: *понимание сознания как со-знания, т.е. совокупного социального и культурно-исторического опыта определенного исторически сложившегося сообщества людей* [Выготский Л.С., 1934].

Иными словами, в человеческом сознании с помощью языка происходит процесс построения особой концептуально-информационной модели действительности. То есть в обществе именно язык способствует созданию картины мира, которая представляет собой целостную, содержательную интерпретацию окружающей действительности. И важнейшую роль при этом играет человеческое общение, языковая коммуникация. Коммуникация в данном контексте определяется, прежде всего, как акт общения, т.е. связь между двумя или более индивидами, основанная на взаимопонимании, а также как передача информации одним лицом другому или ряду лиц [Володина М.Н., 2003].

Процессы социального взаимодействия неотделимы от процесса коммуникации — это центральный механизм социального поведения человека в обществе. А всякое взаимодействие — это обмен информацией. С осознанием и принятием единой структуры модальностей, фактур и форм языка, подробно описанных в статье Ярославы Лешковой, расширяется и диапазон человеческого сознания, что позволяет обмениваться большим объемом информации в неизменный промежуток времени.

* © Исаев М.Г., 2023.

Язык и массовая коммуникация

С помощью языка можно выразить любое содержание: от информации об окружающем мире до информации о внутреннем мире человека — переживаниях и чувствах. С развитием культуры количество знаков языка растет. А за счет комбинирования старых языковых единиц и создания новых язык может описать явления, которые ранее не были известны человечеству. При этом действует один общий закон: сложившаяся в обществе знаковая система может видоизменяться, но не может исчезнуть [Н.Н. Германова, 2008].

Реалии жизни общества таковы, что без владения языком нельзя стать его полноправным членом. При этом в обществе могут существовать и другие знаковые системы, которые известны сравнительно небольшим группам людей. Например, правила сигнализации флажками на флоте известны морякам, знаки азбуки Морзе — телефонистам, научная символика — учёным, жестовый язык — незлышащим и т.д. Все эти знаковые системы существуют благодаря языку. Дело в том, что язык обладает уникальным свойством, которого нет ни у одной другой семиотической системы. Это свойство заключается в способности языка описывать самого себя, иными словами — это **метасемиотическая функция** языка. С помощью языка мы можем говорить о языке, формулировать правила и обсуждать его функционирование.

Слово из языка может быть выражено различными **материалами речи** [Н.Н. Германова, 2008]. Если происходит устная коммуникация, то материалом речи являются колебания воздуха. При письменной коммуникации — это бумага, при общении по электронной почте или в мессенджерах — электромагнитные волны и т.д. **Орудия речи** [Н.Н. Германова, 2008] обрабатывают слово. Например, при устной коммуникации орудием речи является артикуляция, при письменной — ручка, при общении на жестовом языке — руки и т.д. Обработанное орудием речи материал речи называется **фактурой речи** [Н.Н. Германова, 2008], в которую входят такие фактуры, как устная, письменная, печатная и фактура массовой коммуникации [Н.Н. Германова, 2008].

Устная фактура [Н.Н. Германова, 2008] речи включает в себя практический диалог, фольклор, молву и ораторское искусство. Далее в процессе развития человечества появляется **письменная фактура** [Н.Н. Германова, 2008], которая отличается от устной тем, что стало возможным хранить и перемещать тексты в пространстве. Для поддержания письменной традиции общество создает институты письменной речи: школу, канцелярию, почту, библиотеку, архив, музей. С появлением **печатной фактуры** [Н.Н. Германова, 2008] речи происходит информационный бум: человеку больше не нужно хранить в памяти культурную традицию прошлого, а объемы информации, которой оперирует общество, резко увеличиваются. А в новейшее время получила развитие **фактура массовой коммуникации** [Н.Н. Германова, 2008], которая использует современные

технические средства для работы с многомиллионной аудиторией.

Массовая коммуникация [Н.Н. Германова, 2008] — это процесс производства и воспроизводства сообщений, рассчитанных на массовое сознание средствами массовой коммуникации и их передачу техническими средствами — периодической печатью, радио, телевидением и другими средствами электронной коммуникации. Средства массовой коммуникации представляют собой орудия производства, хранения и распространения всевозможной информации, рассчитанной на массовое восприятие.

Массовая коммуникация является неотъемлемой частью современного общества с его экономикой, политикой и культурой. Революционизирующее значение для массовой коммуникации имеет появление Интернета с его возможностями обратной связи и его возрастающее воздействие на производственную, социально-политическую, культурно-идеологическую области жизни человечества. Массовая коммуникация не только имеет непосредственное отношение ко всем этим процессам, но и сама предстает в связи с этим как одна из важнейших глобальных проблем, от решения которой зависит развитие всей человеческой цивилизации.

В России понятие массовая коммуникация и, соответственно, **«средства массовой коммуникации»** — **СМК** были введены советскими исследователями в 1960-х годах. Но в то время распространение получило другое понятие — **«средства массовой информации»**, что является калькой французского термина «moyens d'information de masse». Позднее во Франции перешли на термин «média de masse», то есть на перевод английского «mass media», то есть «средства массовой коммуникации», отказавшись от «средств массовой информации» как понятия слишком ограниченного, поскольку воздействие массовой коммуникации представлено в нем как преимущественно односторонний процесс — от коммуникаторов к массовой аудитории, что принижает значение обратной связи.

Структурно СМК распределяются по трем основным группам:

1. Печатная пресса (газеты, журналы);
2. Аудиовизуальные СМК (радио, телевидение);
3. Информационные службы (информационные агентства, пресс-службы).

Выделяется также вопрос о роли и статусе Интернета. Существуют различные мнения на этот счёт: иногда журналистика в киберпространстве характеризуется как соответствующая признакам СМК, иногда — как несоответствующая. Исследователи обращают внимание на ряд факторов, в том числе на отсутствие законодательного отнесения Интернета к «средствам массовой информации», а также консервативность сетевых версий СМК: характер взаимодействия читателя со средством массовой коммуникации как таковой не меняется — просто совершенствуется способ доступа к нему. В результате Интернет обычно рассматривается в российских

исследованиях, ориентированных на сохранение в РФ сложившейся системы массового духовного воздействия, не как особое СМК со своей уникальной природой, а как разновидность уже сформированной информационной среды, которую в плане её воспроизводства должен использовать каждый, в том числе редакции средств массовой коммуникации [Корконосенко С.Г., 2001].

Стоит отметить, что с распространением Интернета он стал сам по себе во многом использоваться как средство массовой коммуникации, и в его рамках стали действовать традиционные средства массовой коммуникации, которые быстро завоевали популярность. Почти все СМК имеют сайты в Интернете, на многих из них публикуются регулярно обновляемая информация. Также быстро развивается интернет-радио и интернет-телевидение. Благодаря развитию интернет-СМК, количество людей, предпочитающих бумажную прессу, с каждым годом сокращается.

В любом случае наша действительность теперь неразрывно связана с Интернетом. Именно интернет сделал коммуникаторами каждого его пользователя. *Язык интернет-СМК становится всё более персонифицированным. Следует отметить, что именно в СМК наиболее отчетливо проявляется воздействующая функция языка. Сложно переоценить роль СМК в создании стереотипов, формирующих общественное сознание* [Куюёв Ф.А., Хабекирова З. С., 2016].

Важно отметить, что лингвистика начинает поворачиваться лицом к общекультурным процессам, не ограничиваясь чисто социальными и внутрилитературными факторами, ощущает необходимость анализа языковых изменений в более широком культурном контексте, а для самих лингвистов важным стало понимание вопроса воздействия языка на человека как непосредственного участника массовой коммуникации.

Визуальная модальность в массовых коммуникациях

Массовые коммуникации начались с ораторов в античные времена, в средневековье эту функцию выполняли глашатаи, затем появились издательства и периодические издания, а современное время мы уже не представляем без телевидения и Интернета. В данной статье будет рассматриваться именно Интернет, как самая прогрессивная и перспективная площадка, в которой идет активный процесс накопления знаний человечества.

Развитие технологий и Интернета с последующей глобализацией привели к тому, что физические границы теперь не ограничивают общение людей. Глухие получили возможность делиться видеоконтентом, который стал наилучшим способом передачи информации на жестовом языке. Люди рассказывают о своей жизни и смотрят, как живут другие глухие. Появилась возможность не только передавать и обрабатывать, но и сохранять информацию на жестовом языке. Именно этот фактор определил невероятные темпы развития жестового языка как лингвистической систем. [Исаев М.Г., 2021].

Для лингвистов, работающих над системным описанием языка, Интернет выступает не имеющим аналога — с точки зрения объема хранимых данных и удобства доступа к ним — источником первичного языкового материала. Существенной особенностью является то, что вербальные тексты представлены вместе с изобразительными и другими произведениями, сопровождающими их в момент коммуникации и составляющими контекст речевого действия. Естественным образом такие платформы представляют собой сложный гетерогенный архив, в котором фиксируются не только вербальные и невербальные составляющие коммуникации, но также метаинформация, такая, например, как история просмотров, отношение других пользователей к просмотренному («лайки»), сведения о месте и времени создания текста. Поэтому есть все основания рассматривать сегодня Интернет как новую среду, в которой впервые массовое информирование переросло в массовую коммуникацию, построенную на превращении индивидуального сообщения в достояние целого сообщества, формируемого по сетевому принципу [В.А. Пищальникова, А.Г. Сонин].

Таким образом у нас появляется возможность исследовать языковые явления и единицы любого языкового уровня и их функционирования в тексте, выявлять закономерности и контекстного употребления, сопоставлять результаты с данными, полученными при исследовании традиционных форм коммуникации.

За более чем 10 лет работы с неслышащими получены следующие статистические данные, которые можно сегментировать по группам:

- 5% — глухие люди с тяжелой потерей слуха, используют нативный **русский жестовый язык (РЖЯ)**;
- 20% — слабослышащие со средней потерей слуха, используют **калькирующую жестовую речь (КЖР)** или его смесь с РЖЯ;
- 75% — люди с легкой потерей слуха, не знают и не используют ни РЖЯ, ни КЖР, при необходимости обходясь в своей жизнедеятельности слуховыми аппаратами.

Сложность сбора подобных данных связана с тем, что в обществе до сих пор существует неоднозначное отношение к жестовому языку. Некоторые специалисты считают, что жестовый язык мешает развитию устной речи. В этом вопросе консенсуса нет до сих пор. Это одна из причин маргинализации носителей жестового языка. Многие слабослышащие стесняются того, что они плохо слышат и никак себя не проявляют, а по внешним признакам определить недостаток слуха невозможно.

Учитывая имеющиеся статистические показатели с точки зрения лингвиста, наблюдающего действительность такой, какая она есть, было бы неправомерно называть русский жестовый язык единственно правильно языковой системой людей с недостатком слуха. В дискуссиях с коллегами

родилась идея визуальной модальности русского языка, в которой присутствует и русский жестовый язык, и калькирующая жестовая речь, и другие формы визуальной модальности. С описанием всех форм визуальной модальности языка можно ознакомиться в статье Ярославы Лешковой.

Нашим базовым языком является русский язык. Как ранее было сказано, без владения языком нельзя стать полноправным членом общества, так и без должного знания государственного языка сложно достичь каких-либо жизненных успехов. В предлагаемой евразийской парадигме, описанной в статье Ярославы Лешковой, РЖЯ является не отдельным и независимым языком, а визуальной модальностью государственного языка. Разница в грамматике этих языков обусловлена использованием различных модусов. РЖЯ очень компактен и ёмок в сравнении со звучащим русским, но эта компактность имеет свои недостатки — в языке не развита терминосистема, из-за чего использование РЖЯ имеет свои ограничения. Например, на лекциях в университете или в профессиональной деятельности предпочтительно использовать КЖР, так как в этом случае слова русского языка перекладываются на знаки жестового языка и перевод осуществляется дословно. При этом надо признать, что изучение жестового языка находится в самом начале своего пути. Потенциал языка, использующего трехмерное пространство содержит в себе огромные возможности и развивается вместе с новыми видами массовых коммуникаций. Жестовый язык эволюционирует, становясь полноценным литературным форматом.

Что есть жестовый язык в современных условиях? По сути это высшая форма визуальной модальности языка. Визуальный модус апеллирует к визуальному опыту, где само «чтение» знаков жестового языка может иметь куда более широкий смысл, чем обычно подразумевает это понятие. Том Вольф в статье Harvard Educational Review резюмирует это следующим образом: *«Последнее столетие чтение отождествляли непосредственно с грамотностью; <...> научиться читать значило научиться читать слова. <...> Но <...> постепенно чтение расширило свой смысл. Последние исследования показывают, что чтение слов — лишь часть общего процесса активности, включающего расшифровку символов, интеграцию и систематизацию информации <...> И действительно, чтение, в широком смысле, представляется как вид визуальной деятельности. Чтение слов — лишь одно из проявлений, в то время как есть и множество других: чтение изображений, карт, схем, музыкальных нот и так далее [Том Вольф, 1977 г.].* **Процессом чтения также можно назвать и процесс «считывания» знаков жестового языка.**

Формат визуального модуса требует способностей к визуальной интерпретации. В качестве примера, можно попросить любого человека попросить ручку у другого человека с условием не раскрывать рта. В этом эксперименте так или иначе невольно будут использованы элементы жестового

языка со значениями «дай» и «писать». Подобный прием доступен лишь визуальным форматам и жестовый язык в таком случае как упорядоченная система знаков также становится частью литературного языка.

Знаки жестового языка оперируют двумя основными инструментами коммуникации: знаки дактиля и жесты. Хотя в современной практике общения дактиль и жесты обособляются, все же необходимо заметить, что такое разделение несколько спорно. Обе системы имеют общее происхождение, и умелое сочетание дактиля и жестов лежит в основе выразительного потенциала жестового языка.

Совмещение разных форм не ново. С этим экспериментировали с самых ранних времен. А на протяжении XX века проводились попытки разработать международный жестовый язык, который стал бы инструментом выражения комплекса мыслей, действий и идей в движениях рук и пальцев. Он мог бы раздвинуть границы реальности, что дало толчок развитию современной формы нарратива, которое мы называем повествованием на жестовом языке. Это явление предлагается назвать сигнотой.

Фундаментальная идея **сигноты** — выражать идеи или рассказывать истории посредством знаков жестового языка. Это должно быть логически законченное повествование. Сигноты являются скорее частью творческого процесса, нежели технической единицей измерения.

В лингвистике повсеместно используется понятие текста. В визуальной модальности текст выражается сигнотами. Это не просто видеоролики, это в целом законченное повествование с использованием визуальной модальности языка.

Сигноты могут быть представлены в массовых коммуникациях в различных формах и их комбинациях, используя средства РЖЯ, КЖР, дактиля и других форм визуального модуля русского языка.

Коммуникационное взаимодействие возникает, поскольку коммуникатор оперирует образами, существующими в сознании аудитории. Успех или провал данного способа коммуникации зависит от легкости, с которой аудитория распознает смысл и эмоциональный импульс знаков жестового языка. Стиль и техника коммуникатора становятся частью высказывания, частью языка. В РЖЯ стиль определяется красотой исполнения. Аналогично, балерина исполняет хореографический номер в той же постановке, что и ее предшественницы, но в манере, привносящей в него индивидуальность и особенную экспрессию. В жестовом языке привнесение своего стиля, индивидуальная манера использования знаков может подчеркнуть красоту и смысл высказывания.

Для устной речи характерно смешение, взаимопроникновение различных функциональных стилей. Основу публичной речи составляет литературно-книжная лексика, многие виды выступлений (политическая речь, лекция, доклад) тяготеют к научному и официально-деловому стилям. Но

в любом жанре красноречия хорошей можно считать лишь такую речь, которая активно использует элементы публицистического, художественного и даже разговорного стилей. Без этого оратору не достичь эмоциональности и убедительности речи. Эту особенность ораторского искусства отмечал академик В. Виноградов: «такие композиционные формы современной устной речи, как, например, выступление в дискуссии, лекция, консультация, пресс-конференция, доклад, беседа...обычно строятся на многообразном чередовании или смешении, взаимопроникновении элементов разговорного и книжного языка. Такое стилевое разнообразие дает оратору широчайшие возможности для выражения своих мыслей. Но оно же обязывает руководствоваться чувством меры, ясно видеть границу, отделяющую разговорную речь от малограмотной и вульгарной [Лекции.ком, 2014].»

Помимо непосредственно знаков жестового языка, немануальный компонент, безусловно, самый частый объект коммуникации на жестовом языке. Так же и тело человека, его эмоциональный код, выраженный движениями и позами, — все это накапливается и систематизируется памятью, образуя наравне с вербальным и невербальный лексикон. Все это вкуче и есть информация, и есть сообщение, и есть коммуникация.

Большинство людей владеют жестовым языком даже в большей степени, чем могут предположить. Он тесно связан с инстинктом выживания и развивается в человеке с самого детства. Одним лишь движением мы можем предупредить об опасности или признаться в любви. Например, лицо согласно чьему-то образному выражению, является «зеркалом души». Коммуникативная роль лица заключается в отражении чувств. Это одновременно и часть языка, и его целое. Это визуальная модальность языка.

Владение жестовым языком требует специфических навыков: из-за уникальности языка его требования не всегда совпадают с требованиями других литературных форм. В этом смысле носитель языка выступает как создатель образов. В классической литературной форме, состоящей лишь из текста, автор направляет воображение читателя. А сигноты заменяют воображение. Образ, будучи однажды показанным, становится четким заявлением, почти или вовсе не оставляющим места для иной интерпретации. Визуальный модус несет не столько описательную функцию для образов, сколько функцию передачи звуков, диалогов и связующих элементов, но средствами форм визуального модуса.

Неслышащие — такие же люди, как и остальные. Им так же интересно принимать участие в творческих выступлениях, спектаклях, концертах и прочих видах художественной самодеятельности. Средства языкового выражения у них такие же, как и у слышащих, только используется не аудиальная модальность и звучащий язык, а визуальная модальность и жестовый язык.

Следовательно, существующие стили устной фактуры речи визуальной

модальности языка точно такие же, как и стили устной фактуры речи аудиальной модальности языка: художественный, публицистический, разговорно-бытовой, официально-деловой и научный. А значит, средства языкового выражения в визуальной модальности могут перекликаться со средствами языкового выражения в аудиальной модальности, только в разных формах. В визуальной модальности так же рождается театральное, концертное и ораторское мастерство, которые вбирают в себя разные стили языка. Так же существует повседневное общение между неслышащими в разговорно-бытовом стиле. Так же проходят круглые столы, зачитываются доклады, ведутся рабочие и деловые отношения, проводятся лекции и семинары в официально-деловом и научном стилях. А в последнее время среди глухих стал активно использоваться визуальный язык **Visual Vernacular (VV)** — форма театрального искусства, сочетающая в себе мимику, язык тела, дейкисы и интуитивно понятные жесты. С помощью VV глухие могут очень точно передавать сцены из фильмов практически без слов жестового языка.

Подытоживая вышесказанное, можно обобщить, что сигнота — это текст визуальной модальности и в общих чертах функции сигнот можно разделить на два обширных направления:

- развлечения (новости, рассказы, анекдоты, сценки);
- инструкции (курсы, разъяснения, гайды).

В большинстве своем рассказы и новости ориентированы на развлечение, а курсы и гайды имеют прикладное значение. Тем не менее в сигнотах граница между ними остается размыта, поскольку сам формат жестового языка стремится быть информативным. Например, повествования на жестовом языке имеющие исключительно развлекательный характер, зачастую используют инструментарий инструкций, чтобы ввести слушателей в курс дела или добавить занимательности.

Выводы

Непрестанное развитие и, как следствие, признание жестовых языков можно связать с тем, что носители языка стали чаще обращаться к широким и глобальным темам. Немалую роль сыграли и исследования языков. С распространением цифровых и электронных технологий развитие жестовых языков получило новый импульс. Информацию стало можно сохранять и передавать в исходном виде.

Благодаря международной популярности Интернета и распространению цифровых носителей, сигноты быстрее становятся доступны потребителю, минуя многомесячный период допечатной подготовки и печати в книжной индустрии. Общение между автором и потребителем становится более личным: блоги и интернет-форумы обеспечивают уникальную возможность обратной связи как для авторов, так и для массовой аудитории.

Будущее визуального модуса находится в руках тех, кто верит, что инструментарий системы знаков рождает новый коммуникационный уровень, вносящий огромный вклад в языковую систему в целом. Стиль, особенности подачи информации и технические аспекты повествований на жестовом языке могут быть скомбинированы с другими модальностями языка, что дает неограниченные возможности предоставления информации, используя все возможности языка.

Интернет придал мощнейший импульс развитию лингвистики, позволив работать с объемами данных, на порядки превосходящими прежние. Помимо письменных текстов, играющих сегодня центральную роль в интернет-коммуникации, формируются архивы видеоматериалов. По мере увеличения объема хранимых в Сети архивов создаются и совершенствуются программы, предназначенные для обработки содержащейся в них информации: поиска по разным параметрам, сортировки, количественной оценки, сбора статистики и прочее. Этим надо пользоваться.

Что нас ждет дальше? Какая фактура будет следующей после массовых коммуникаций? *Возможно, языки есть «заикающиеся расширения наших пяти чувств, которые имеют разные пропорции и волновые длины», а, следовательно, являются препятствием для расширения коллективного сознания* [Маклюэн М., 2007]. По мнению Маклюэна лишь создание электрической симуляции будет способствовать расширению процесса сознания. И как в этих условиях будет использоваться визуальная модальность, нам еще только предстоит узнать.

Библиографический список:

- [1] Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Л., 1934.
- [2] Володина М.Н. Язык СМИ — основное средство воздействия на массовое сознание, 2003.
- [3] Володина М.Н. О специфике языка массовой коммуникации: материалы конф. отделения МАИ. 1999. С. 86.
- [4] Германова Н.Н. Язык в социокультурном контексте, 2008.
- [5] Корконосенко С.Г. Основы журналистики, 2001.
- [6] Куёк Ф.А., Хабекирова З.С., Характерные особенности языка массовой коммуникации, Вестник АГУ, 2016.
- [7] Исаев М.Г. Международный жестовый язык — иллюзия или реальность, МГЛУ, 2021.
- [8] Пищальникова В.А., Сонин А.Г., Общее языкознание. Часть 3.
- [9] Парадигмы современной науки о языке. // URL: <https://lektisia.com/6x7f3.html>
- [10] Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.: Гипербория; Кучково поле, 2007.

Reference

- [1] Vygotsky L.S. Thinking and speech. M.: L., 1934.
- [2] Volodina M.N. The language of the media is the main means of influencing mass consciousness, 2003.
- [3] Volodina M.N. On the specifics of the language of mass communication: materials of the conference. MAI departments. 1999. P. 86.
- [4] Germanova N.N. Language in sociocultural context, 2008.
- [5] Korkonosenko S.G. Fundamentals of Journalism, 2001.
- [6] Kuyok F.A., Khabekirova Z.S., Characteristic features of the language of mass communication, Bulletin of ASU, 2016.
- [7] Isaev M.G. International sign language - illusion or reality, Moscow State Linguistic University, 2021.
- [8] Pishchalnikova V.A., Sonin A.G., General linguistics. Part 3.
- [9] Paradigms of modern science of language. // URL: <https://lektisia.com/6x7f3.html>
- [10] McLuhan M. Understanding Media: External Extensions of Man. M.: Hyperborea; Kuchkovo field, 2007.

Исаев М.Г.

Магистр,

Аспирант по научной специальности 5.12.3

Междисциплинарные исследования языка в ФГБОУ ВО

«Московский государственный лингвистический университет»,

Генеральный директор ООО «МАЯС».

Визуальная модальность в массовых коммуникациях

Аннотация. В настоящей научной статье поднимаются вопросы коммуникации в социальном взаимодействии. Массовая коммуникация является неотъемлемой частью современного общества с его экономикой, политикой и культурой. Реалии жизни общества таковы, что без владения языком нельзя стать его полноправным членом, при этом в обществе могут существовать знаковые системы, которые известны сравнительно небольшим группам людей. Например, правила сигнализации флажками на флоте известны морякам, знаки азбуки Морзе — телефонистам, научная символика — учёным, жестовый язык — неслышащим.

Изучение жестового языка находится в самом начале своего пути, при этом потенциал языка, использующего визуальную модальность, развивается вместе с новыми видами массовых коммуникаций. Рассматривая форматы представления информации в визуальной модальности, автор вводит идею сигнот. Фундаментальная идея сигноты заключается в выражении идей в визуальной модальности, иными словами, передаче информации посредством знаков жестового языка.

Будущее сигнот и визуального модуса находится в руках тех, кто верит, что инструментарий системы знаков в массовых коммуникациях рождает новый коммуникационный уровень, вносящий огромный вклад в языковую систему в целом.

Ключевые слова: визуальная модальность языка, фактуры речи, средства массовых коммуникаций, русский жестовый язык, калькирующая жестовая речь, сигнота, Visual Vernacular (VV).

Isaev M.G.

*Graduate student in the scientific specialty 5.12.3
Interdisciplinary Language Studies
at the Federal State Educational Institution of Higher Education
“Moscow State Linguistic University”,
General Director of LLC “MAYAS”.*

Visual modality as a part of mass communication

Abstract. This article explores communication in social interaction and the importance of mass communication in modern society. Language proficiency is crucial for full membership in society, but there are also sign systems known to smaller groups, such as flag signaling for sailors, Morse code for telephonists, symbolism for scientists, and sign language for the deaf. The study of sign language is in its early stages, evolving alongside new forms of mass communication. The author introduces the concept of signota, which involves expressing ideas visually through sign language. The future of signota and the visual mode depends on those who recognize its potential in enhancing communication and contributing to the language system as a whole.

Key words: visual modality, speech textures, mass communication, Russian Sign Language, calquing sign speech, signota, Visual Vernacular (VV).

Асланова К.М.

Магистр лингвистики, Студент ИИЯ (Институт иностранных языков) РУДН (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы).

Станчуляк Т.Г.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ (Институт иностранных языков) РУДН (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы).

Кожевникова Е.В.

Кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ (Институт иностранных языков), РУДН (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы).

Лингвостилистические средства выражения комического в английской детской литературе*

Введение

В силу своего неоднозначного характера комическое является предметом изучения различных научных областей, начиная от философии и заканчивая лингвистикой. Первые труды, посвящённые исследованию данной категории, появились ещё в эпоху античного времени. В настоящей статье данное понятие рассматривается с лингвистической точки зрения. В языкознании изучение комического началось сравнительно поздно – лишь в XX веке. Лингвисты, прежде всего, исследуют языковое оформление комического в том или ином тексте, а именно используемые при этом языковые средства.

Дать единое исчерпывающее определение комическому представляется довольно трудной задачей. В настоящее время существует огромное количество трактовок комического. При изучении данного феномена многие учёные базируются на определении немецкого философа Гегеля. Согласно его суждению, комическое рождается вследствие некоторого несоответствия, контраста, которое выражается в столкновении реального и ожидаемого [1]. Вслед за Гегелем исследование природы комического продолжает Томас Гоббс. Мыслитель выделяет ещё одну важную черту данного феномена: помимо противоречия в основе комического эффекта лежит

* © Асланова К.М., Станчуляк Т.Г., Кожевникова Е.В., 2023.

внезапность, непредсказуемость [2]. Б. Дземидок в качестве определяющего фактора возникновения комического эффекта называет отклонение от общепринятых норм и понятий [2].

Особенно интересно рассмотреть языковое выражение комического в английской детской литературе. Такие произведения сами по себе являются довольно широким полем для изучения, однако наличие значительного количества шуток и комических ситуаций делает их ещё более привлекательными для лингвистического исследования.

Источники смешного в детской литературе также базируются на выделенных выше факторах возникновения комического эффекта. Так, предмет шуток часто становятся непредсказуемые поступки, отклоняющееся поведение героев, неожиданные ситуации, необычный внешний вид персонажей [5].

Языковые средства, используемые авторами для передачи смешного, играют важную роль в воплощении шутки и её удачном восприятии читателями.

1. Цель исследования

Цель исследования заключается в изучении и выявлении языковых средств выражения комического в английской детской литературе, а также в определении наиболее часто используемых лингвостилистических средств в литературе для детей разных возрастов.

2. Методы исследования

В соответствии с целью исследования были определены следующие методы анализа: дефиниционный анализ, определяющий основополагающие понятия работы; метод сплошной выборки, позволяющий отобрать оптимальное количество единиц для анализа; дескриптивный метод и метод семантического анализа, применяющиеся при исследовании и описании отобранного материала.

3. Полученные данные

Комическое в произведении может быть выражено на всех уровнях языках, поэтому в данном исследовании мы отдельно рассматриваем фонетические, лексико-семантические и синтаксические средства. При анализе данных средств в детских произведениях мы разделили литературу на три класса: для дошкольников, для детей младшей школы и для детей средней и старшей школы. Комическое в литературе для дошкольников было проанализировано на примере сборника стихотворений «Стихи Матушки Гусыни». В качестве произведения для детей младшей школы была выбрана повесть Р. Даля «Чарли и Шоколадная Фабрика». Литература для школьников средних и старших классов представлена романом Д. Адамса «Автостопом по Галактике».

Как показало исследование, фонетические средства выражения комического чаще используются в литературе для дошкольников. Это объясняет-

ся тем, что дети в этом возрасте обращают большее внимание на звуковое оформление текста, так как только учатся различать звуки и звукосочетания. Более того, использование фонетических средств придает тексту особую ритмичность и мелодичность, что делает его более привлекательным и запоминающимся для детей.

Будучи одними из основных элементов английской поэзии с давних времен, аллитерация и ассонанс находят широкое распространение в детских стихотворениях. Данные приёмы придают тексту ритм и экспрессивность, тем самым упрощая восприятие информации и обращая внимание читателей на конкретные идеи. Аллитерация и ассонанс усиливают комический эффект шутки, делая ее более яркой и выразительной. Вместе с тем, важно понимать, что без наличия элемента неожиданности или какого-либо несоответствия, комический эффект достигнут не будет. В качестве примера рассмотрим шуточное стихотворение из сборника “Mother Goose’s Nursery Rhymes”:

Dickery, dickery, dare,

The pig flew up in the air;

The man in brown soon brought him down [6, с. 59].

В данном четверостишье комическая ситуация обыгрывается при помощи аллитерации. Так, в строчке “Dickery, dickery, dare” повторяется согласный звук [d], а в строчке “The man in brown soon brought him down” – звук [b]. Аллитерация в данном примере задаёт ритм и шуточный настрой, тем самым усиливая комический эффект, построенный на абсурдности и неожиданности ситуации.

В качестве примера использования ассонанса приведём четверостишье из стихотворения “Old Mother Hubbard and Her Dog”:

She went to the hatter’s

To buy him a hat,

But when she came back

He was feeding the cat [6, с. 71].

Ассонанс иллюстрируется повтором гласного звука [æ]. Комизм построен на эффекте неожиданности и отсутствии семантической связи. Автор использует ассонансную рифму, чтобы обратить внимание читателей на эту несвязность, а также усилить вызываемый ею комический эффект.

В стихотворениях детей особенно привлекают и забавляют рифмы, построенные на использовании ономастопеи. Данный приём хорошо проиллюстрирован в стихотворении “Who Stole the Bird’s Nest?”. Автор использует такие ономастопеические выражения, как *moo*, *bow-wow* и т. д.:

Who stole four eggs I laid,

And the nice nest I made?

Not I, said the cow, moo-oo!

Such a thing I’d never do.

Not I, said the dog, bow-wow!

I wouldn't be so mean, I vow [6, с. 53-54].

Языковые средства на фонетическом уровне оказывают влияние на восприятие прочитанного детьми на подсознательном уровне, создают яркие образы описываемых ситуаций, создают комический эффект за счёт артикуляционно-акустических особенностей.

В ходе исследования также было выявлено, что лексико-семантические средства являются наиболее часто используемыми приёмами создания комического эффекта в литературе для младших школьников для детей средних и старших классов. Дети в этом возрасте обращают внимание на языковые средства, требующие более глубокого анализа. Так, в произведениях для младших школьников встречается огромное количество каламбуров, сравнений, гипербол, неологизмов. В литературе для детей средних и старших классов можно часто заметить гиперболы, литоты, метафоры.

Так, например, в повести Р. Даля встречается использование каламбура, основанного на многозначности слова “whips”:

WHIPS – ALL SHAPES AND SIZES.

“Whips” cried Veruca Salt. “What on earth do you use whips for?

“For whipping cream, of course,” said Mr Wonka. “How can you whip cream without whips?” [4, с. 86].

В данном примере языковая игра строится на разных формах слова “whips”. В качестве существительного данное слово обозначает «кнуты», а в качестве глагола – «взбивать». Вилли Вонка говорит о том, что работники его фабрики используют кнуты, чтобы взбить сливки. Абсурдность и комизм ситуации строится на использовании омонимов.

Похожая игра слов встречается в главе 23, в которой описываются конфеты под названием *“square sweets that look round”* [4, с. 104]. Выражение “look round” можно перевести как «выглядеть круглыми» и «оглядеться вокруг». В обоих вариантах ситуация выглядит нелепой и абсурдной. В первом случае, это квадратные конфеты, которые выглядят круглыми, а во втором – квадратные конфеты, которые то и дело оглядываются вокруг, как живые существа. Однако на фабрике Вилли Вонка возможно все. Неожиданность и абсурд, обыгранные при помощи многозначности выражения “look round”, и вызывает комический эффект.

В своём произведении Р. Даль также часто использует комические гиперболы, особенно при описании отрицательных героев:

The picture showed a nine-year-old boy who was so enormously fat he looked as though he had been blown up with a powerful pump [4, с. 34].

Чтобы подчеркнуть и высмеять персонажа, который является воплощением чревоугодия и ненасытности, автор использует чрезмерное преувеличение, говоря, что «его словно накачали огромным насосом».

Писатель обращается к гиперболам и при описании волшебных сладостей, производимых на фабрике. В главе 26 автор описывает самую большую плитку шоколада на фабрике размером с матрас:

The most enormous bar of chocolate Charlie had ever seen. It was about the size of the mattress he slept on at home [4, с. 122].

Такие абсурдные преувеличения, которые кажутся нереальными, забавляют читателей.

Частым средством выражения комического в повести являются многочисленные сравнения.

Описывая Августа Глупа, писатель сравнивает его голову с огромным шаром из теста: "...*And his face was like a monstrous ball of dough...*" [4, с. 34]. В отрывке, где Август набросился на шоколад, автор сравнивает его с собакой: "...*lapping up the chocolate like a dog...*" [4, с. 75]. Такие комические, неожиданные и немного жестокие сравнения смешат детей.

Ещё одним способом выражения комического в повести является метафора. В следующем отрывке писатель сравнивает глаза Августа с маленькими ягодами смородины, которые с жадностью смотрят на мир: "*with two small greedy curranty eyes peering out upon the world*" [4, с. 34]. В данном случае метафора подчеркивает пристрастие мальчика, указывая на то, что даже черты его лица походят на еду.

Текст повести Р. Даля полон различных авторских неологизмов, то есть слов, придуманных писателем и существующих только в рамках данного произведения. Такие слова придают тексту особую атмосферу, своеобразие и оригинальность, что порождает элемент комизма. Так, например, автор называет работников фабрики Оотра-Loompas (Умпа-Лумпы). Такое чудачковатое, необычное наименование создаёт в сознании читателей комическое изображение персонажей.

Для дальнейшего анализа обратимся к роману Д. Адамса. В своём произведении автор довольно часто обращается к использованию литоты, подчёркивая ироничность высказываний. Особенно часто преуменьшение встречается в фразах Форда Префекта. Так, например, в следующем отрывке Форд преуменьшает значение конца света, говоря о нём, как о совершенно обыденном явлении:

"What's that, foregone conclusion then you reckon sir?" said the barman.

"Arsenal without a chance?"

"No, no," said Ford, "it's just that the world's about to end." [3, с. 25].

Литота в данном случае выражает абсурд и несоответствие, на которых строится комический эффект. Рассмотрим ещё один пример:

"Space," it says, "is big. Really big. You just won't believe how vastly hugely mindbogglingly big it is. I mean you may think it's a long way down the road to the chemist, but that's just peanuts to space." [3, с. 65].

В данном отрывке литота заключается в определении космоса как нечто «большого». Более того, сама мысль о том, что можно сравнить размер космоса с расстоянием от дома до аптеки, является большим и нелепым преуменьшением.

В произведении также часто встречается использование метафор:

His voice took on the quality of a cat snagging brushed nylon [3, с. 69].

В данном примере автор пишет о том, что все попытки персонажа сказать что-то были так же бесполезны, как и попытки кошки зацепиться когтями за гладкую нейлоновую ткань. Такое неожиданное и необычное сопоставление создаёт юмористический образ в сознании читателя.

Рассмотрим следующее средство выражения комического – олицетворение:

My legs are drifting off into the sunset... my left arm's come off too [3, с. 70].

В данном отрывке олицетворение позволяет создать яркий образ в сознании читателей. Данный пример заставляет читателей представить ноги и руки, которые сами отделяются от тела и парят в воздухе. Нелепость данных образов порождает комический эффект.

Нельзя отрицать тот факт, что лексико-семантические средства также встречаются и в литературе для дошкольников. Особенно часто можно увидеть применение олицетворений и гипербол. Рассмотрим следующий пример:

The cow jumped over the moon;

The little dog laughed

To see such a sport,

And the dish ran away with the spoon [6, с. 175].

Первое, что мы видим это гиперболизированное выражение «корова перепрыгнула через луну». Выражения «собака посмеялась» и «тарелка убежала с ложкой» содержат олицетворения. Данные средства придают высказывания некоторую абсурдность, что и создаёт юмористический эффект.

Как показало исследование, наименее используемыми средствами выражения комического в произведениях для детей всех возрастов являются синтаксические средства. При анализе были выделены повторы и параллельные конструкции. Часто данные приёмы можно увидеть в стихотворениях и песнях:

This is the cat,

That killed the rat,

That ate the malt,

That lay in the house that Jack built

This is the dog,

That worried the cat,

That killed the rat,

That ate the malt,

That lay in the house that Jack built [6, с. 200].

Такие приёмы привлекают внимание ребёнка и забавляют его.

Рассмотрим пример из произведения Р. Даля. На уровне синтаксиса в тексте повести часто встречаются конструкции, основанные на повторе и параллелизме. Так, например, Верука Солт в своей речи часто начинает предложения со слов “I want”:

“Daddy”, said Veruca Salt, “I want a boat like this! I want you to buy me a big pink boiled-sweet boat exactly like Mr Wonka’s! And I want lots of Oompa-Loompas to row me about, and I want a chocolate river and I want...I want...” [4, с. 84].

Заключение

Подводя итоги проведённого исследования, можно сделать следующие выводы:

1. В произведениях для дошкольников преобладает количество фонетических языковых средств, среди которых аллитерация, ассонанс и ономотопея. Данные приёмы привлекают детей тем, что придают тексту ритмичность и мелодичность, а также роднят речь персонажей произведения с речью самих детей.

2. Ведущими средствами выражения комического в английской детской литературе для младших школьников и школьников средних и старших классов являются лексико-семантические средства. В произведениях для младших школьников преобладают каламбуры, сравнения, гиперболы, авторские неологизмы. В литературе для детей средних и старших классов часто встречаются гиперболы, литоты, метафоры. Авторы произведений для дошкольников чаще всего используют олицетворения и гиперболы.

3. Синтаксические средства выражения комического встречаются реже всего.

Библиографический список:

- [1] Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В 4-х томах. Т. 3. – М.: Искусство, 1971. 587 с.
- [2] Дземидок Б. О комическом. – М.: Прогресс, 1974. 223 с.
- [3] Adams D. The Ultimate Hitchhiker’s Guide. – New York: Ballantine Books, 2002. 834 p.
- [4] Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory. – London: Puffin Books, 2010. 160 p.
- [5] Mallan, K. Laugh Lines: Exploring Humour in Children’s Literature. – Newtown: Primary English Teaching Association, 1993. 83 p.
- [6] Mother Goose’s Nursery Rhymes // URL: <https://ia802209.us.archive.org/22/items/mothergoosesnurs00craniala/mothergoosesnurs00craniala.pdf/> (Дата обращения: 13.06.23)

References

- [1] Hegel G.V.F. Aesthetics. In 4 volumes. Vol. 3. – Moscow: Iskusstvo, 1971. 587 p.
- [2] Dzemidok B. About the comic. – M.: Progress, 1974. 223 p.
- [3] Adams D. The Ultimate Hitchhiker’s Guide. – New York: Ballantine Books, 2002. 834 p.
- [4] Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory. – London: Puffin Books, 2010. 160 p.
- [5] Mallan, K. Laugh Lines: Exploring Humour in Children’s Literature. – Newtown: Primary English Teaching Association, 1993. 83 p.
- [6] Mother Goose’s Nursery Rhymes // URL: <https://ia802209.us.archive.org/22/items/mothergoosesnurs00craniala/mothergoosesnurs00craniala.pdf/> (13.06.23)

Асланова К.М.

*Магистр лингвистики, Студент
ИИЯ (Институт иностранных языков) РУДН
(Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы).*

Станчуляк Т.Г.

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики иностранных языков
ИИЯ (Институт иностранных языков) РУДН
(Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы).*

Кожевникова Е.В.

*Кандидат социологических наук, старший преподаватель
кафедры теории и практики иностранных языков
ИИЯ (Институт иностранных языков), РУДН
(Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы).*

**Лингвостилистические средства выражения комического
в английской детской литературе**

Аннотация. Статья отражает результаты исследования, целью которого являлось изучение и описание способов языкового воплощения комического в английской детской литературе. Лингвостилистические средства выражения смешного анализируются с точки зрения фонетики, лексики и синтаксиса. В исследовании также учитывается влияние возраста целевой аудитории при выборе тех или иных языковых средств. Так, отдельно рассматриваются используемые приёмы в литературе для дошкольников, для детей младшей школы и для детей средней и старшей школы.

Ключевые слова: лингвостилистические средства, детская литература, комическое, средства выражения комического.

Aslanova K.M.

*Bachelor of Linguistics,
Master degree student, the Institute of Foreign Languages,
Peoples' Friendship University of Russia.*

Stanchuliak T.G.

*Candidate of philological sciences (PhD in Philology),
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
in Theory and Practice, the Institute of Foreign Languages,
Peoples' Friendship University of Russia.*

Kozhevnikova E.V.

*Candidate of social sciences (PhD in Social sciences)
Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages
in Theory and Practice, the Institute of Foreign Languages,
Peoples' Friendship University of Russia.*

**Linguistic and stylistic means of expressing the comic
in English children's literature**

Abstract. The article reflects the results of the research aimed at studying and describing the ways of linguistic expression of the comic in English children's literature. The linguistic and stylistic means of expressing the comic are analyzed from the point of view of phonetics, vocabulary and syntax. The study also takes into account the age of the target audience as it can determine the choice of language means. Thus, we separately consider the comic and means of its expression in literature for preschoolers, for elementary school children and for middle and high school children.

Key words: linguistic and stylistic means, children's literature, the comic, means of expressing the comic.

Ван Юйсюань

Аспирант. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Формирование лингвокультурной компетенции средствами русской фразеологии в процессе изучения русского языка как иностранного*

В эпоху глобализации возросла роль русского языка, который по общему числу говорящих занимает место в первой десятке мировых языков. По количеству говорящих на нем русский язык занимает третье место в мире после китайского и английского, в связи с чем русский язык с конца прошлого столетия является официальным или рабочим языком многих признанных международных организаций таких, как ООН, ЮНЕСКО, МАГАТЭ и других. В 1996 году была утверждена Федеральная целевая программа «Русский язык», согласно которой государство обязуется координировать распространение русского языка и культуры в зарубежных странах; обеспечить политику, направленную на использование русского языка, наравне с другими языками мира в международных организациях и укрепить престиж русского языка [5, с. 20]. А в 2007 году В.В. Путиным был создан фонд «Русский мир», который значительно укрепил позиции русского языка за рубежом [1, с. 12].

В связи с распространенностью и популяризацией русского языка в начале XXI века наметилась тенденция роста желающих получить образование в российских университетах. По данным Министерства образования Российской Федерации в последнее десятилетие количество студентов, приезжающих из-за рубежа, значительно увеличилось, в связи с чем проблема преподавания русского языка для иностранцев является стратегической задачей современного образования [5, с. 20].

Методики преподавания русского языка как иностранного постоянно совершенствуются, возникают новые её направления. В конце XX столетия в рамках методики преподавания РКИ стало развиваться лингвокультурологическое направление, суть которого заключается в преподавании русского языка в контексте его взаимодействия с культурой.

Формирование лингвокультурной компетенции в процессе обучения языку осмысливается в рамках Государственного образовательного стандар-

* © Ван Юйсюань, 2023.

та как один из показателей развития ценностного сознания обучающегося [4, с. 34]. В рамках преподавания русского языка как иностранного формирование лингвокультурологической компетенции предполагает изучение языка как кода культуры, воплощающего в себе историю России, обычаи и традиции ее народа, специфику национального менталитета и особенности мышления русской нации [34, с. 34]. Иностранец, прибыв в другую страну, должен не только изучить язык, на котором говорят ее жители, но и приобщиться к национальным ценностям, понять особенности восприятия мира представителями изучаемого языка [2, с. 43-44]. Поэтому перед преподавателем русского языка как иностранного ставится задача не только научить языку как форме выражения мысли, как средству коммуникации, но и одновременно ознакомить обучающегося с культурой и историей России, поскольку, по словам Д.С. Лихачева, «ни одна страна в мире не окружена такими противоречивыми характеристиками ее истории, как Россия, и ни один народ в мире так по-разному не оценивается, как русский» [3, с. 11].

Важно отметить, что лингвокультурная компетенция у иностранных учащихся формируется в рамках межкультурной коммуникации, которую следует понимать как взаимодействие между представителями различных культур и субкультур, ориентированное на осознание и выработку практического отношения к межкультурным различиям.

Преподавание русского языка иностранным студентам всегда проходит в условиях перекрещивающихся культур, поскольку те или иные аспекты культуры изучаемого языка так или иначе соприкасаются с культурой родного языка учащихся. В процессе изучения русского языка иностранные студенты не только овладевают фоновыми знаниями русской культуры, изучают культурно-обусловленные особенности русского народа (нормы, обычаи, манеру поведения, специфику менталитета и национального характера и т.д.), но и овладевают комплексом умений, нацеленных на преодоление барьера в общении, связанного с культурно-коммуникативными расхождениями между культурой своей страны и русской культурой [6]. Иными словами, формирование лингвокультурной компетенции у иностранных учащихся проходит через «диалог культур». Суть такого рода обучения состоит в том, что учащиеся, погруженные через язык в неродную для них культуру, будут искать лингвокультурные соответствия в своем родном языке с учетом ее специфических особенностей, а потом применять данную модель на практике, т.е. в процессе общения.

Постигнуть национальную логику мышления носителей изучаемого языка иностранным студентам помогают фразеологические единицы – языковые знаки, во внутренней форме которых скрыта истинная природа национальной картины мира русского народа, самобытность его мышления.

При обучении иностранных студентов русской фразеологии препода-

ватель должен давать обучаемым не только какой-либо минимум общеупотребительных русских фразеологизмов, но и с помощью специальных заданий учить их умению распознавать те или иные устойчивые выражения в тексте, обращать внимание студентов на особенности использования русских национальных фразеологизмов в речи.

Рассмотрим особенности работы с русской фразеологией в иностранной аудитории.

На начальном этапе изучения русского языка даются только самые необходимые повседневные фразеологические обороты, широко распространенные в разговорной речи, такие как: *сложить руки*, *повесить нос* и т.п. Наиболее серьезная работа с фразеологическим фондом начинается только на продвинутом этапе обучения, когда студенты не только начинают знакомиться с фразеологическими единицами, отражающими реалии российской истории и культуры, но и проводят под руководством преподавателя сопоставительный анализ русской фразеологии и фразеологии своего родного языка.

Методисты считают, что ведение в словарный запас иностранных учащихся национально маркированных фразеологизмов на продвинутом этапе оправдано тем, что в этот период уже сформированы элементарные навыки связанной речи и начинается формирование навыков передачи языковыми средствами эмоционального отношения к предмету высказывания.

В процессе освоения русской фразеологии иностранными студентами необходимо последовательное введение и закрепление фразеологических единиц.

Подача фразеологических единиц состоит из 2-х этапов:

1. раскрытие значения фразеологизма;
2. дальнейшее закрепление его с помощью заданий и упражнений.

Смысл идиом в иностранной аудитории раскрывается двумя путями: лингвострановедческим комментарием и контекстом.

В процессе работы над фразеологическими единицами преподаватель не только объясняет семантику фразеологизма, но и дает историко-культурный комментарий, используя при этом информационные технологии, посредством которых этот комментарий можно оформить в форме презентации или в форме видеофильма.

Историко-культурный комментарий – это та часть занятия, которая воспринимается учащимися с большим интересом. При этом преподаватель может рассказывать историческое происхождение фразеологизма либо на русском языке (если студенты владеют им хорошо), либо на языке самих иностранных учащихся (в случае, если аудитория мононациональная и если сам преподаватель владеет языком учащихся), либо на языке-посреднике (как правило, это английский язык, но использовать его можно, если все иностранцы им владеют одинаково хорошо).

При обучении учащихся русской фразеологии преподавателю следует

учитывать трудности, с которыми могут столкнуться его воспитанники в процессе изучения национально маркированных устойчивых выражений. Непонимание многих устойчивых выражений иностранными студентами возникает, как правило, в результате дифференциации культур.

Так в китайской культуре *свинья* – это символ счастья и благополучия. Поэтому преподавателю потребуется много времени, чтобы объяснить китайским студентам фразеологизм *«подложить свинью»*. Это устойчивое выражение требует широкого историко-культурного комментария.

Чтобы минимизировать трудности понимания и восприятия русских фразеологизмов, преподавателю РКИ необходимо продумать комплекс заданий и упражнений, связанных с активизацией данных единиц в речи.

Прежде всего, необходимо научить студентов распознавать фразеологические единицы в тексте или в общем потоке речи. так, можно предложить студентам несколько словосочетаний (например, *тянуть kota за хвост, набрать в рот воды, бабушкины сказки, заткнуть за пояс*) и предложить им разделить их на две группы «Свободные сочетания» и «Фразеологизмы», после чего составить с ними предложения.

Изучению фразеологизмов можно придать и межкультурный характер. К примеру, изучив семантику фразеологических единиц с компонентом *нос* (*вешать нос, задира́ть нос, крути́ть носом, оста́ться с носом* и т.п.), можно попросить студентов вспомнить устойчивые выражения их родных языков, в структуру которых входил бы компонент *нос* и объяснить аудитории их значение. Такое задание, с одной стороны, поможет выявить эквиваленты русских фразеологизмов в языках иностранных учащихся (они обязательно будут), а с другой стороны, будет способствовать проведению занятия в рамках «диалога культур».

Подбор фразеологических аналогов в родном языке студентов – это увлекательное путешествие в мир народной культуры. В рамках сравнительно-сопоставительного изучения русской фразеологии можно предложить такое задание: «В России говорят: *«Два медведя в одной берлоге не уживутся»*. Подумайте, есть в вашем родном языке похожее выражение». Китайские студенты тут же найдут аналог: *«Два тигра не живут на одной горе»*.

Познать образную семантику фразеологической единицы иностранному студенту помогут фразеологические словари, в которых объясняется не семантика фразеологической единицы (происхождение фразеологизма, его этимология рассматривается, как правило, в лингвострановедческих словарях).

Иностранные студенты должны уметь пользоваться фразеологическим словарем, поскольку все же большая часть работы с русской фразеологией предусматривает самостоятельность в постижении нового материала. Поэтому преподаватель должен давать студентам такие задания: *«Пользуясь фразеологическим словарем, найдите фразеологизмы среди следующих вы-*

ражений и объясните их значения», «Пользуясь фразеологическим словарём, исправьте ошибки, допущенные в данных ниже фразеологизмах», «Вставьте слово, пропущенное в составе следующих фразеологизмов» и т.п.

Каждое из предложенных студентам упражнений можно построить как «диалог культур», попросив студентов подобрать к данным единицам эквиваленты или аналоги в своих родных языках или описать средствами своего языка ситуацию, отраженную в русском фразеологизме.

В заключении отметим, что работа с фразеологическими единицами не должна вестись отдельно от изучения других аспектов русского языка. Как правило, упражнения на закрепление пройденного фразеологического материала идут вместе с другими упражнениями, а том числе и с упражнениями лексического характера.

Целью обучения РКИ является формирование личности учащегося, способной и желающей участвовать в общении на межкультурном уровне. Поэтому овладение иностранными студентами русским языком не должно сводиться к запоминанию и механическому заучиванию как лексических, так и фразеологических единиц. Русский язык может и должен стать для иностранных учащихся не только новым способом выражения мыслей, но и источником сведений о национальной культуре народа, в связи с чем важной частью языковой подготовки иностранных учащихся является формирование лингвокультурной компетенции, способствующей пониманию речи носителей языка, в которой особое место отводится национально маркированным и культурно обусловленным выражениям.

Библиографический список:

- [1] Вербицкая Л.А. Русский язык в России и за ее пределами // Мир русского слова. 2014. № 3. С. 5-15.
- [2] Крючкова Л.С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. – М.: Флинта: Наука, 2009. 480 с.
- [3] Лихачев Д.С. Русская культура в духовной жизни мира // Русский язык за рубежом. 1990. № 6. С. 11-17.
- [4] Золотых Л.Г. Методика преподавания русского языка как иностранного в китайской аудитории. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2012. 91 с.
- [5] Петрова С.М., Слепцова А.И. Особенности обучения русскому языку как иностранному в китайской аудитории // Вестник СВФУ. 2020. № 2 (18). С. 19-24.
- [6] Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков. – М.: 1994. 475 с.

Reference

- [1] Verbitskaya L.A. Russian language in Russia and abroad // The World of Russian Word. 2014. №. P. 5-15.
- [2] Kryuchkova L.S. Practical methodology of teaching Russian as a foreign language. – Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 480 p.
- [3] Likhachev D.S. Russian culture in the spiritual life of the world // Russian language abroad. 1990. № P. 11-17.
- [4] Zolotikh L.G. Methodology of teaching Russian as a foreign language in the Chinese audience. – Astrakhan: Astrakhan State University, 2012. 91 p.
- [5] Petrova S.M., Sleptsova A.I. Features of teaching Russian as a foreign language in the Chinese audience // Bulletin of North-Western Federal University. 2020. № 2 (18). P. 19-24.
- [6] Furmanova V.P. Intercultural communication and cultural and linguistic pragmatics in the theory and practice of teaching foreign languages. – Moscow, 1994. 475 p.

Ван Юйсюань

Аспирант. Факультет иностранных языков и регионоведения - Теория и методика обучения и воспитания (иностраннный язык). Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

**Формирование лингвокультурной
компетенции средствами русской фразеологии
в процессе изучения русского языка как иностранного**

Аннотация. В данной статье поднимается вопрос формирования лингвокультурной компетенции у иностранных учащихся, изучающих в России русский язык. Определив предпосылки, способствующие изучению русского языка с позиций лингвокультурного подхода, автор статьи предлагает технологию формирования лингвокультурной компетенции на примере фразеологических единиц. Проанализировав специфику восприятия национально маркированных устойчивых выражений русского языка, автор статьи приходит к выводу, что предлагаемые преподавателем РКИ упражнения должны носить межкультурный характер. Автор статьи доказывает, что сравнительный анализ фразеологизмов русского и родного языков поможет лучше осознать специфику национального мышления русского народа, что скажется на более эффективном изучении самого языка как средства коммуникации.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингвокультурная компетенция, межкультурная коммуникация, диалог культур, фразеологическая единица.

Wang Yuxuan

*Graduate student. Faculty of Foreign Languages
and Regional Studies - Theory and methodology
of teaching and education (foreign language)
Lomonosov Moscow State University.*

**Formation of linguocultural competence
by means of Russian phraseology in the process
of learning Russian as a foreign language**

Abstract. This article raises the problem of forming linguocultural competence in the process of studying Russian by the foreign students. Having defined the prerequisites that promote the study of the Russian language from the point of view of linguocultural approach, the author of the article offers the technology of formation of linguocultural competence on the example of phraseological units. Having analyzed the specifics of perception of nationally marked stable expressions of the Russian language, the author of the article comes to the conclusion that the exercises offered by the teacher of the Russian language should have intercultural character. The author of the article proves that the comparative analysis of phraseological units of the Russian and native languages of students will help to understand the specifics of national thinking of the Russian people better. It will cause to more effective study of the Russian language as a means of communication.

Key words: Russian as a foreign language, linguocultural competence, intercultural communication, dialog of cultures, phraseological unit.

Мороз Ю.А.

Кандидат философских наук, доцент. Севастопольский государственный университет.

Гакало А.А.

Преподаватель. Севастопольский государственный университет.

Шувалова А.А.

Студент. Севастопольский государственный университет.

О (не)переводимости метафоры с точки зрения некоторых испанских, французских и каталонских выражений и фразеологизмов*

Yiri A.M.

Associate Professor. Sevastopol State University.

Aleksei A.G.

Teacher. Sevastopol State University.

Anastasia A.S.

Student. Sevastopol State University.

About the (un)translatability of metaphor in the perspective of some Spanish, French and Catalan locutions and Phraseological units

1. AIMS

In a globalized world, both second language learning and translation are gaining in importance. On the other hand, the difficulty of translation does not diminish, especially the translation of figurative meanings, since metaphor reflects a conception of the world and metaphorical uses of grammatical categories occur at the syntagmatic level. Consequently, the translator's task is to ensure

* © Мороз Ю.А., Гакало А.А., Шувалова А.А., 2023.

that the figurative meaning of a word in the source language corresponds to its equivalent in the target language.

As a consequence, our aim is to demonstrate, firstly, that the (un)translatability of metaphor lies in the fact that the source language and the target language conceptualize the surrounding world differently, as evidenced by metaphysical phraseological units; secondly, that translation is a process, not a linguistic substitution, so that the dichotomy of literality vs. iliterality has to be overcome. To prove this, after outlining the theoretical model of metaphor in cognitive semantics, we study a corpus composed of locutions and metaphorical phraseological units around the human body (nose and ear).

2. APPROACH TO THE TRANSLATABILITY OF METAPHOR

It is as a result of the monograph by George Lakoff and Mark Johnson that the belief that metaphor was restricted to formal registers was discarded, while it gained relevance in the nascent cognitive linguistics, a discipline in which metaphor is understood as a mental process of conceptualization by means of which a concept is projected from one conceptual domain (the source domain) to another (the target domain), so that we apprehend one reality in terms of another.

Since metaphors are facts of thought, they shape the common language, and hence the conceptual system of natural languages will be basically metaphorical. In this respect, the words of George Lakoff and Mark Turner are instructive: "Great poets can speak to us because they use the modes of thought we all possess to understand the nature and value of poetic creativity requires us to understand the ordinary ways we think".

In addition to the fact that the projection of information from one domain to another is partial, the unidirectionality of the metaphor from the concrete to the abstract should be noted. Similarly, the projection from one domain to another is conditioned by the fact that metaphor relates analogically similar - and not identical - entities, and that the subclass of conceptual images that Mark Johnson called 'schematic images' result from bodily interaction with the environment and from the abstraction of underlying patterns in the human conceptual system. Related to schematic imagery, the invariance hypothesis postulates that metaphorical projection respects schematic imagery between the two domains.

In turn, as Lakoff pointed out, the concept of projection is manifested in a series of correspondences between the two domains subdivided into ontological correspondences, whose task is to highlight the analogical links between the source and target domains; and epistemic correspondences, which represent the knowledge imported from the source domain to the target domain. Metaphor has been classified into conceptual metaphor and image metaphor. The former is a cognitive template that provides the linguistic system with a series of metaphorical expressions belonging to different semantic fields; the latter projects the

external structure of one image onto another.

Another precision concerns metaphorical expression and conceptual metaphor. The former registers abstract schemas (“people are animals”); the latter concretizes a conceptual metaphor (“the very pig does not wash”). As for the image metaphor, for George Lakoff it must not belong to a metaphorical system, which would not explain the computer voice mouse.

After the preceding exposition, we will now consider the main contributions of the authors who have studied the translation of metaphors. Firstly, Menachem Dagut rejects the untranslatability (or inequivalence) of metaphor and word-for-word translation, since metaphor is translatable insofar as the translator questions the function of the metaphor in the source language and looks for another equivalent metaphor in the target language -if it does not exist, it would be plausible to invent it. For his part, Peter Newmark proposes a classification of metaphors and solutions to the problems they pose, without rejecting literal translation.

Secondly, in the opinion of K. Mason, it is sometimes not possible to produce an effect on the target reader similar to that generated in the original reader. He agrees with Dagut that, on the one hand, the context in which the metaphor is inserted and, on the other, the purpose of the translation are essential. For Mason, based on the criterion of untranslatability, based not on the metaphor but on cultural differentiation, metaphors can be classified into directly translatable metaphors (notions of space and time); directly translatable metaphors whose effect in the target language differs from that of the source language; and directly untranslatable metaphors.

Menachem Dagut again stresses the linguistic uniqueness of metaphor, so that it would not be feasible to translate metaphor word for word because metaphor does not enjoy the same acceptance in all languages. Unlike Mason, he rejects annotated translation, since annotation would give the translation an ethnographic character, and advocates a translation theory of metaphor.

Thirdly, Mosche Azar’s classification of metaphor rests not on the trait of untranslatability, but on the type of metaphor, which he describes as pure and impure. A supporter of literal translation, he considers that it is possible to be pure metaphor, not ‘contaminated’ by the linguistic, literary and socio-cultural context. However, impure metaphors are more frequent.

Fourthly, according to Rosa Rabadán, “the concept of equivalence is the defining property of translation”. However, inequivalence is not synonymous with untranslatability, since “translation understood as intercultural communication is always possible, but not everything is translatable”. Regarding inequivalence, he divides it into that derived from linguistic issues (linguistic variation, polysemy, homonymy, ambiguity and metaphor) and extra-linguistic ones (subordinate translation, areas of knowledge) and that which results from the limits of knowledge: languages are not translated, but cultures.

Rabadán takes up Dagut’s classification of metaphor and considers novel meta-

phors, which respond to the idiosyncrasy of the author and to cultural issues, and traditional metaphors, some of which have a marked cultural background. In Spanish, bullfighting is applied figuratively to other fields, as in the phraseological units “estar hecho un toro”, “soltarle a uno el toro”, “hay toros y cañas”, “coger el toro por los cuernos”....In French, the expansion of this semantic field is more limited, although the phraseological unit “prendre le taureau par les cornes” is a difficult one.

Also important is the discourse of Gideon Toury, who stresses how the problem of metaphor merges into a source-oriented perspective. Moreover, in traditional procedures, each metaphor is taken as an isolated example rather than as part of an organized whole concerning certain types of behavior in certain circumstances. This often leads to considering the metaphor problem in terms of segments to be replaced. It should be added that in a source-oriented perspective it is not always possible to be sure that the metaphor can be considered as a unit, since the substitution of the item in the target text may occur with some added elements. The perspective changes if a ‘target-oriented’ orientation is adopted, which makes it possible to arrive at explanatory hypotheses.

To conclude this section, other metaphysical concepts do not structure one concept in terms of another, but organize a system of concepts in terms of another. These are the structural or orientation metaphors linked to space, such as «lo bueno está arriba; lo malo, abajo» (esp. «bajar alguien las orejas»; fr. «baisser, les yeux, o le nez»; cat. «abaixar, el cap, o la cresta»), “lo consciente está delante; lo inconsciente, detrás” (esp. “saltar a los ojos una cosa”; fr. “sauter aux yeux o taper dans l’oeil o être, o se voir, comme le nez au milieu de la figure”; and cat. “saltar als ulls”).

Orientation metaphors cross cultural domains in the sense that they belong partly to the source domain and partly to the target domain. In this way, each metaphorical structure identifies correspondences between elements of both domains, which is in line with the principle that “metaphorical mappings preserve the cognitive topology (that is, the image-schema structure) of the source domain, in a way consistent with the inherent structure of the target domain” (Lakoff 1993: 215).

3. CORPUS ANALYSIS

3.1. *The nose*

3.1.1. *Idea of curiosity*

In the three languages studied, due to the similar apprehension of the surrounding world, the nose connotes the idea that “the nose is a prominent object” with which we intrude into what is not ours with the verbs “asomar” and “meter” (Spanish); “pointer” or “fourrer” (French); and “fîcar” and “treure” in the meaning “Fer sortir (una part del seu cos) per una obertura”. (Catalan). The latter language alternates the voice *nas* with *cap* in “treure, el nas, o el cap, per algun lloc”, while expressing the idea of ‘dissimulation’ in “treure el nas per un forat” ‘to look without letting oneself be seen’. For its part, French suggests ‘dissimulation’ with

the word “bout”: “montrer (le bout de) son nez”.

3.1.2. *Idea of clash*

Because of its prominence, the nose can be the motor of metaphorical creations around ‘clash’ (“la nariz es un objeto prominente que choca”). This idea is found in the phraseological units of esp. “dar, o darse, de narices” and cat. “topar, o anar a petar, de morros”. In French, the idea of ‘collision’ is expressed in the phraseological unit “se trouver nez à nez avec qqn” (cf. cat. “topar nas a nas”). Note the lexical plurality of the French equivalent of “da, o darse, de narices”, fr. “se casser, la figure, o les dents, o la gueule” (cf. cat. “trencarse el nas”). Underlying all this is the metaphor “the nose is a prominent fragile object that clashes with the risk of breaking”. Another French phraseological unit equivalent to “dar, o darse, de narices” is “rester le bec dans l’eau”, which expresses the fact of not getting anything.

Finally, the idea of ‘confrontation’ can lead to the domination of someone: esp. “tener a alguien agarrado por las narices”; and fr. “mener qqn par le bout du nez”. Unlike the aforementioned languages, Catalan uses the words *puny* and *baldufa*: “tenir algú dins del puny” and “fer ballar algú com una baldufa”.

3.1.3. *Idea of perception*

As the nose is a sensory organ, some phraseological units express the idea of ‘knowledge’ and ‘perception’.

As the nose is a sensory organ, some phraseological units express the idea of ‘knowledge’ and ‘perception’. Let us take a look at “to give a person a thing in the nose” and “to have, long noses, or retriever’s noses”. If we look at their equivalents in French and Catalan, both languages use a term from the semantic field of ‘smell’. Indeed, “le flair” (cat. “flaire” ‘smell’) designates the sense of smell of an animal (the dog) and, figuratively, ‘perspicacity’ and ‘discernment’: fr. “flairer qqch”, “avoir du nez” or “avoir le nez, fin, o creux”; cat. “tenir, nassada, o fums”. In this respect, French and Catalan use the verbs *avoir*, *tenir* and *sentir*, respectively: “avoir du nez” and “tenir nas”; “avoir du flair” and “sentir de nas”. Finally, the degree of ‘perspicacia’ and ‘discernment’ is qualified in esp. and fr. with adjectives: “tener, largas narices” and “avoir le nez, fin, o creux”.

As for «no ver una persona más allá de sus narices» (not to see a person beyond his nose), the lexical correspondence with French and Catalan is almost complete, as we have in Fr. “ne pas regarder, or voir, plus loin que le bout de son nez” and in Cat. But French also makes use of an element deeply rooted in French culinary tradition, “le saucisson”: “avoir des peaux de saucisson devant les yeux”. In the case of Spanish and Catalan, the words ‘venda’ and ‘bena’ are used: ‘tener una venda en los ojos’ and ‘tenir una bena als ulls’.

Ultimately, the idea of ‘perception’ may be unpleasant, so that all three languages suggest ‘displeasure’ in a perceptible way with the following verb forms: esp. “torcer alguien las narices”; fr. “tordre le nez o faire, un long nez, o un drôle de nez”; and cat. “arrufar el nas”.

3.1.4. *Idea of discomfort*

The nose metaphorises the idea of ‘anger’ and ‘contempt’ because of the metaphor “lo bueno está arriba; lo malo, abajo”, although in French, the voice head (“en avoir par dessus la tête”) and back (“en avoir plein le dos”)⁶, and in Catalan, neck (“estar fins al coll”), are used to emphasise the ‘unbearability’ of a situation. If we pay attention to the aforementioned phraseological units, we could be tempted to identify that “the bad is at the top”. However, the underlying metaphor is “what is full is heavy or excessive; what is empty is light”, so that the nose (or the eye: esp. “up to the eyes”; fr., “jusqu’aux yeux”, and cat. “estar d’una cosa fins als ulls”), as a protruding object of the body that marks a limit (“up to”, “fins”; “par dessus”) measures (vertically) the degree of ‘discomfort’ of a situation in our body.

The idea of ‘discomfort’ is expressed figuratively with verbs suggesting a ‘progression’, such as “hinchar”, “monter” and “pujar” in “hinchársele a alguien las narices”, “la moutarde lui monte au nez” and “pujarli a algú la mosca al nas”, because of the respiratory difficulty caused by the mustard and the fly. In Spanish, smoke is used: “subírsele a uno el humo a las narices”.

Similarly, the nose expresses ‘discomfort’ in “tener a alguien montado en las narices” (Spanish) and “avoir qqn dans le nez” (French). The same meaning appears in the Gallic verb “sentir” and “piffer” (derived from “pif”, a colloquial synonym for “nez”) in “je ne peux pas, le sentir, o le piffer”. In Spanish and Catalan one can say “tener a alguien, entre cejas, o entre ceja y ceja”⁷ (cf. “entre ojos”) and “posarseli algú entre cella i cella”; “tener sentado a alguien en la boca del estómago” and “no poder pair algú”, mentioning the figurative indigestion that antipathy towards someone causes in one.

Finally, the phraseological units esp. “tener narices”, fr. “avoir du culot” and cat. “tenir nassos” express ‘annoyance’, with the possibility of emphasising it with numerical determiners (esp. “tener tres pares de narices”). As regards its application to a thing, the word nose can be replaced by the adjective strong in esp. “ser fuerte”, fr. “être un peu fort” and cat. “ser fort”. In French the word “culot” means “Lower part of some objects” and its use with the figurative sense of ‘cheekiness’, for the idea of a strong base, of a certain solidity and poise, goes back to the end of the 19th century.

3.1.5. *Idea of convergence and reception*

As we saw in the idea of ‘curiosity’, as the nose is “a prominent object”, it metaphorically designates the ‘point of reception’ of external manifestations. An example of this would be «reírse en, mis, tus, sus, etc., propias narices», equivalent to fr. “rire, au nez de qqn, o sous le nez” (emphatically, “rire au nez et à la barbe”) and to cat. «riure als nassos de algú». At the same time, the nose plays metaphorically the role of ‘receptacle’ (of blows) in esp. “romperle a alguien las narices”, fr. “casser, le nez, o la gueule, o la figure, de qqn” and cat. “inflar els morros a algú”.

To conclude this point, we bring up the phraseological units of esp. “pasar, o

restregar, una cosa a una persona por las narices”; fr. “jeter, à la figure, o au visage, o au nez”; and cat. “clavar, o tirar, o fer petar, per la cara”, which express the idea of how the nose figuratively acts as a receptacle for the haughtiness of another person.

3.2. *The ear*

3.2.1. *Idea of curiosity and perception*

The idea of ‘curiosity’ and ‘perception’ is identified with certain animals (horses, dogs...) that raise their ears to show their attention. In this respect, since “the ear is an open object or an upright and therefore more open object”, some phraseological units emulate the fact of ‘raising the ears’ to show ‘curiosity’ and facilitate ‘perception’ by means of the verbs “to open” or “to prick up” (“abrir, o aguzar, las orejas, o los oídos”), “ouvrir”, “tendre”, “dresser” and “prêter” (“dresser, o tendre, o o ouvrir, o prêter, l’oreille”), and “dreçar” and “obrir” (“dreçar, o obrir, les orelles”).

As opposed to the idea of ‘perception’, we note the sense of ‘inattention’ in the phraseological units of esp. “hacer, orejas, u oídos, de mercader”; fr. “faire la sourde oreille”; and cat. “fer orelles de marxant”. On the one hand, Spanish and Catalan coincide in the reference to the ‘merchant’ (“mercader” and “marxant”) as the prototype of a person who does not listen to his interlocutor in order to sell his product. On the other hand, “hacer oídos sordos”, more commonly used than “hacer, orejas, oídos, de mercader”, is closer to the French “faire la sourde oreille”. We also have phraseological units referring to the fact that someone ‘does not know how to dissimulate’: esp. “asomar, o enseñar, o descubrir, la oreja” (cf. “vésele a alguien el plumero”); fr. “montrer, o laisser passer, le bout de l’oreille”; and cat. “ensenyar l’orella”.

Finally, with the phrase “ver las orejas al lobo” (figuratively the danger is a wolf) we allude, first, to its ‘voracity’ (esp. “hambre de lobo”, fr. “une faim de loup”, cat. “una fam de llop”) and, secondly, to the perception of ‘danger’, in allusion to its mouth (“se fourrer, o se jeter, o se précipiter, dans la gueule du loup”), to its claws (cat. “caure a les arpes del llop”) and to its ears (esp. “ver las orejas al lobo”, cat. “veure l’orella al llop”).

3.2.2. *Idea of embarrassment*

As the inclination of the head is a sign of ‘humiliation’ and ‘shame’, in line with the metaphor of orientation “the good is above; the bad is below”, the ear metaphorises the idea of ‘shame’, as the inclination of the head visually highlights the ears. Although the expression “avoir l’oreille basse” (cf. esp. «bajar las orejas») is used in French, “baisser, les yeux, o le nez” is more frequent, as the eye and the nose metonymically replace the head, with the exception of the cat. “abaixar el cap” and “cap, cot, o baix”, and the colloquial variant “abaixar la cresta”.

Let us now look at the locution “con las orejas, caídas, o gachas”. In contrast to the Spanish, the French uses the word *échine*: “l’*échine*, or l’oreille, basse”. In the same vein, the fr. “la queue entre les jambes”, the esp. “con el rabo entre las piernas” and the cat. “amb la cua entre cames” visualize the ‘dejection’ and ‘de-

feat' in the dog's terrified flight.

Finally, the incarnate color denotes the "color that shame brings out in the face, and which makes it flame", as exemplified in the phraseological units esp. "poner a alguien las orejas coloradas"; fr. "rougir jusqu'aux oreilles"; and cat. "pujar els colours a la cara" and "tornarse, o posarse, vermell fins a les orelles".

3.2.3. *Idea of dominion*

The idea of 'dominion' is expressed, on the one hand, with the punishment of 'tirar de las orejas' in esp. "calentar a alguien las orejas"; fr. "tirer, o froter, les oreilles à qqn"; and cat. "estirar les orelles"; on the other hand, with the dominion exercised over someone (esp. "mener qqn par le bout du nez"; and cat. "tenir algú dins del puny" and "fer ballar algú com una baldufa"), except that the three languages analysed differ in the body parts (esp. oreja, fr. nez and cat. puny). Similarly, dominance can originate from our insistence on some claim: esp. "estar a la oreja" and cat. "penjarse a les orelles"; French avoids mentioning the ear: "être pendu à qqn" or "coller qqn".

In order to conclude this section, it is worth mentioning the idea of 'provocation', a preliminary step to 'mastery'. In this respect, the phraseological units of esp. "mojar la oreja", fr. "chercher la merde" and cat. "buscar les pessigolles" are clear. In the case of Spanish, we mean: "[...] to wet the ear of another person (generally children) with saliva is a gesture that some of us who write about phraseology today have still made: the index finger of the right hand (if one is right-handed) or that of the left hand (if one is left-handed) is wetted with a good spit and applied to the reverse ear of the opponent in a clear sign of defiance.

CONCLUSIONS

From the detailed analysis of the phraseological units collected in the trilingual corpus of this article, it has been shown that the metaphor per se is not an obstacle to translation, but rather the different conceptualization underlying it. Indeed, in an onomasiological sense, we find that the different metaphors considered ("the nose is a prominent object", "the nose is a prominent object that collides", "the nose is a prominent fragile object that collides with the risk of breaking", "the good is above; the bad, below", "the full is heavy or excessive; empty is light", 'the ear is an open object or an upright object and therefore more open') and the ideas of 'curiosity', 'shock', 'perception', 'discomfort', 'convergence', 'reception', 'embarrassment', 'dominance', 'control', 'care', 'vigilance', 'seduction', 'knowledge', 'courage' and 'positive and negative feelings' are expressed in all three languages with phraseological units arising from the same body part (eye, nose and ear), although some phraseological units sometimes metaphorise different parts of the body, inter alia. In turn, other phraseological units diverge, on the one hand, in the spatial metaphor: "the good is above; the bad, below" and "the full is heavy or excessive; the empty, light"; on the other hand, in the grammatical number.

Another linguistic divergence between the phraseological units is registered in the phraseological units with a marked cultural character, such as "avoir des

peaux de saucisson devant les yeux” and “mojar la oreja a alguien”. All this is evidence of the influence of the culture of the speaking community on the language, and the power of the cultural substratum in lexical formation.

However, the anisomorphism highlighted in the preceding paragraphs shows that translation is a process, not a linguistic substitution, which overcomes the dichotomy of literality vs. iliterality. The central idea is to express the same idea in the source language and in the target language, with or without a phraseological unit (cf. the equivalents croire and rester, chouchou, se tromper, avoir les yeux dans la poche and se voir comme le nez au milieu de la figure).

So, what is the task of translating metaphors? We believe that to translate metaphors is to translate behavioral schemas and thus to show how metaphor has to do, above all, with relations between cultures rather than relations between languages.

In this sense, metaphor brings into play a set of behaviors that engage different levels, from the cognitive to the ideological. Comprising a metaphor entails re-metaphorising. Consequently, translating means dialogically redefining the nuances of a behavior and, therefore, of our relationship with the world through language. To construct a metaphor in a culture is to identify the margins within which our behaviors acquire value. To translate, that is, to re-metaphorise, means to think again about these margins, to re-discuss and re-establish them.

Библиографический список:

- [1] Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Шукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
- [2] Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва: Наука: 1947. С. 140-162.
- [3] Новикова И.Ю. Обучение профессиональному общению как приоритетная составляющая языковой подготовки специалистов в техническом вузе. // Материалы Всероссийской конференции «Теоретические и методические основы технологий предвузовского обучения российских и иностранных студентов». М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2005. С. 238-240.
- [4] Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка (3-е изд. 1985) Москва: Высшая школа. 1963. 93 с.
- [5] Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем, М.: 2004. С. 124-128.
- [6] Борковец, Н.И. Техническая метафора в художественной картине мира (на материале немецкой прозы 20 века и ее переводов на русский язык), Екатеринбург, Челябинский государственный университет, 2002. 146 с.
- [7] Гарсиа Маркес Г. La literatura colombiana, un affe a la nación. Аксьон Либерал, 1960. № 2. С. 44-47.

Reference

- [1] Azimov E.G., Shchukin A.N. New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages) / E.G. Azimov, A.N. Shchukin. – M.: IKAR Publishing House, 2009. 448 p.
- [2] Vinogradov V.V. About the main types of phraseological units in the Russian language. Selected works. Lexicology and lexicography. Moscow: Science: 1947. P. 140-162.
- [3] Novikova I.Yu. Training in professional communication as a priority component of language training for specialists in a technical university. // Materials of the All-Russian conference “Theoretical and methodological foundations of technologies for pre-university education of Russian and foreign students.” M.: Publishing house of the Russian Peoples’ Friendship University, 2005. P. 238-240.
- [4] Shansky N.M. Phraseology of the modern Russian language (3rd ed. 1985) Moscow: Higher School. 1963. 93 p.
- [5] Lakoff D., Johnson M. Metaphors by which we live, M.: 2004. P. 124-128.
- [6] Borkovets, N.I. Technical metaphor in the artistic picture of the world (based on the material of German prose of the 20th century and its translations into Russian), Ekaterinburg, Chelyabinsk State University, 2002. 146 p.
- [7] García Márquez G. La literatura colombiana, un affe a la nación. Aksion Liberal, 1960. № 2. P. 44-47.

Мороз Ю.А.

*Кандидат философских наук, доцент.
Севастопольский государственный университет.*

Гакало А.А.

Преподаватель. Севастопольский государственный университет.

Шувалова А.А.

Студент. Севастопольский государственный университет.

О (не)переводимости метафоры с точки зрения некоторых испанских, французских и каталонских выражений и фразеологизмов

Аннотация. В связи с тем, что метафора отражает концепцию мира, цель статьи – показать, что метафора не мешает ей переводить, но другая концептуализация, лежащая в основе метафоры. Как следствие, в рамках когнитивной семантики мы будем изучать трехязычный корпус (испанский, французский и каталанский) метафорических идиом, связанных с человеческим телом (носом и ухом).

Ключевые слова: метафора, перевод, концептуализация, когнитивная семантика, фразеологизмы, метафорические фразеологизмы.

Moroz Yu.A.

Associate Professor. Sevastopol State University.

Gakalo A.A.

Teacher. Sevastopol State University.

Shuvalova A.A.

Student. Sevastopol State University.

About the (un)translatability of metaphor in the perspective of some Spanish, French and Catalan locutions and Phraseological units

Abstract. Due to the fact that metaphor reflects a conception of the world, the aim of the article is to demonstrate that metaphor does not prevent it from translating, but the different conceptualization underlying on metaphor. As a consequence, in the framework of cognitive semantics, we will study a trilingual corpus (Spanish, French and Catalan) of metaphorical idioms related to human body (nose and ear).

Key words: metaphor, translation, conceptualization, cognitive semantics, phraseological units, metaphorical idiom.

Орлова Т.А.

Старший преподаватель кафедры иностранных языков ИОМ. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва.

Резепова Н.В.

Доцент кафедры иностранных языков №2 ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Доцент кафедры русского и иностранного языков ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова (ВГИК)», Москва.

Лингвокультурологические особенности топонимов Великобритании*

Введение

Язык, появившийся и изменяющийся по надобности человека, неразрывно связан с историей всякого общества. Он же, являясь инструментом культуры, одновременно с этим отражает культурологический прогресс человечества. Это особенно иллюстративно на примере формирования географических названий, которые имеют пространственную привязку и нередко отражают природу ландшафта, говорят о характере заселения человеком новой территории, о природных богатствах и других географических особенностях территории. Географическая номенклатура, большей своей частью определяющая объект и метко характеризующая его, изучается не только историками и лингвистами, но и географами, которые ввели в научный обиход большое количество местных народных географических терминов, изучаемых отдельной наукой.

Топонимика (от др. греч. τόπος (topos) – место и ὄνομα (onoma) – имя, название) – это наука, которая изучает географические названия (топонимы), их развитие, смысловое значение, происхождение, современное состояние, способы написания и произношения. Топонимика является важным связующим звеном между историей, географией, лингвистикой.

В современной лингвистике выделяется две классификации топонимов:

- по типу географических объектов, обозначаемых топонимом: гидронимы, оронимы, ойконимы, топонимы урбанонимы, макротопонимы, микротопонимы и антропотопонимы;

* © Орлова Т.А., Резепова Н.В., 2023.

- по структуре: простые, производные, сложные и составные.

В настоящей статье исследовательский фокус направлен на изучение названий улиц, которые в лингвистике маркируются термином *годоним* (от др.-греч. ὁδός «улица, дорога» + ὄνομα «имя, название») — вид урбанонима — топоним. Годонимом принято называть линейный объект в городе, в том числе улицы, проспекты, бульвары, аллеи, набережные, проезды, переулки, мосты, дороги, линии (один из типов улиц), шоссе (в черте города), тупики, хотя для мостов и дорог некоторыми учеными предложены иные термины – гефюроним, дромоним [Подольская, 1988]. Эти обозначения применяются в практических целях для почтовых адресов и для кодификации и нахождения объекта, который расположен в наземном пространстве города или другого населенного пункта.

Годонимия — это составная часть исторического и лингвистического портрета города. Отдельным предметом для ее изучения и описания являются агоронимы (площади) и городские хоронимы (значительные по размерам части городской инфраструктуры: кварталы, районы, микрорайоны, парки и так далее). Эти термины были разработаны и представлены в 1988 году исследователем Н.В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии» [там же]. Годонимия с исторической точки зрения сложилась исключительно как семантическая система, поскольку имена улиц в подавляющем большинстве исполняли роль своеобразного путеводителя по поселению, который информировал о ландшафте местности, об основных сооружениях, о профессиях жителей, живших на данной улице и о направлении к соседним городам или другим местностям.

Основная часть

Изучая культуроспецифичность топонимов Великобритании, целесообразно заметить, что Великобритания – страна с богатым прошлым, что отражается в ее топонимах, полных архаичных слов, заимствований, имен исторических личностей и землевладельцев, которым принадлежала улица. На основе изучения названия улиц городов Великобритании нами было выделено несколько групп годонимов:

– Улицы, названные в честь культурно-исторического события, личности или явления. Это как правило, исторические, религиозные, фамильные годонимы. Так, например:

Adams Court – названа в честь сэра Томаса Адамса, 1-го баронета, главы уважаемой компании драпировщиков;

Mason's Avenue – в честь Почтенного общества масонов, чья штаб-раньше здесь находилась;

Russia Row – в честь вступления России в наполеоновские войны на стороне Великобритании.

– Улицы, названные в честь природных объектов, профессий, а также

по указательным объектам как в самом городе, так и по тому, куда ведет данная улица. В эту группу логично отнести объектно-указательные, территориальные, профессиональные, природные топонимы. Например:

Glasshouse Alley – улица, где располагалась мастерская по изготовлению одной из лучших марок стекла;

Moorfields and Moorfield Highwalk – улица, содержащая в своем названии указание на болотистые вересковые пустоши, которые раньше наблюдались в этой местности;

Pottery Lane – переулочек, в котором в начале XIX века жили гончары, производившие черепицу, кирпич, водосточные трубы.

– Улицы с оригинальными для топонимов названиями, поскольку все они либо отсылаются к абстрактному объекту, не имеющему никакого отношения ни к культуре, ни к конкретным индикациям. К этой группе относятся метафорические топонимы, отсылающие к абстрактному концепту. Современная когнитология рассматривает термин «концепт» в значении «культурный концепт», так как он отражает и обуславливает миропонимание, присущее той культуре, которую он репрезентирует [Орлова, 2017, с. 52]. С учетом этого факта, следует заметить, что функционирование культурных концептов в контексте топонимии не изучено в полной мере и представляет собой обширное поле для лингвистического анализа.

Перейдем к рассмотрению примеров из этой группы классификации:

Love Lane – достоверно не установлена история возникновения названия переулка, но, вероятно, следует принимать во внимание тот факт, что в XVI веке это место было популярно среди любителей свободных нравов;

Unicorn Passage – название улицы произошло от вывески, изображавшей единорога. В средние века такие вывески использовали владельцы гостиниц в знак того, что их постояльцам не угрожает отравление, а также аптекари, которые приписывали этому мифическому животному способность излечивать людей от многих болезней.

– Названия улиц с определенной территорией, прилегающей к этой улице. Английский язык наиболее иллюстративен в этом аспекте, поскольку отдает предпочтение точности в названии расположению улиц. Так *avenue* (проспект) называются территории, которые проходят перпендикулярно улицам (*street*). С другой стороны, *crescent* – это улица с узкой и извилистой дорогой, она же обычно соединяется с другими дорогами с двух концов. Поясним возможные вариации в названии улиц из этой группы классификации:

Road (шоссе, дорога) – путь, соединяющий две или несколько точек на карте, например, *Goswell Road*. Существует спор о происхождении названия, некоторые источники утверждают, что дорога была названа в честь близлежащего сада под названием «Госвелл» или «Годерелл», который при-

надлежал Роберту де Уффорду, в то время как другие утверждают, что оно происходит от *Божьего колодца*, (традиционная языческая практика поклонения колодцу). *Ferry Road* – одна из главных улиц Эдинбурга.

Avenue (авеню, проспект) очень часто прокладывают перпендикулярно улицам (street), например, *Grand Avenue* – улица в Лондоне. Вдоль *Avenue* также располагаются различные здания и деревья с двух сторон. Каждый городской муниципалитет сам может решать, в каком направлении должны размещаться улицы и проспекты. Так в городе Денвер улицы проходят с севера на юг, а проспекты с востока на запад, а на Манхэттене улицы размещены с востока на запад, а проспекты с севера на юг.

Court представляет собой небольшую улицу, расположенную чаще всего в жилом квартале и ведущую в тупик: *Newman's Court* – улица в Лондоне в честь Лоуренса Ньюмана, который арендовал здесь землю в 17 веке. *Nun Court* – улица в Лондоне, предположительно названа в честь местного владельца недвижимости;

Crescent – узкая и извилистая дорога. Она обычно соединяется с другими дорогами с двух концов. *Millbrae Crescent* – улица, расположенная в Глазго, состоит из элегантного ряда двухэтажных домов с террасами, имеет вид полумесяца;

Alley (аллея) и *Lane* – не очень широкая дорога, которая обычно проходит в спальном городском районе или в поселке с частными домами и жилыми комплексами. *Oat Lane* – улица в Лондоне, названная так, поскольку в средние века на ней продавали овес. *Old Seacole Lane* – улица в Лондоне, названная в честь торгового пути углем, который шел в город с моря. *Panycer Alley* – улица в Лондоне, названная в честь пивоварни, которая в средневековье называлась *паньер* (корзина);

Place – дорога или улица с тупиком. В отличие от *Court*, для нее нехарактерны круг или петля для разворота в конце тупика. *Bridewell Place* – улица в Лондоне, названная в честь церкви Брайдвелл. *Duncombe Place* – улица в центре города Йорк;

Terrace представляет собой улицу, ведущую вниз по склону, например, *Carlton Terrace* – жилая улица в Эдинбурге, расположена на восточной стороне холма Калтон Хилл. Улица имеет форму перевернутого полумесяца, длинной изогнутой террасы с 19 классическими «таунхаусами». *Regent Terrace* – жилая улица, состоящая из 34 классических таунхаусов, построенных на южной стороне Калтон Хилл в городе Эдинбург.

– Улицы, имеющие в своем названии указание на принадлежность. Например:

Принадлежность, выраженная через общий падеж (nominative case). В современных гононимах Великобритании встречается чаще всего. Ими обозначается всякое название, связанное с исторической личностью или

простым человеком, которому принадлежала земля. Например, *Buchanan Street* – улица в Глазго, образующая центральную часть знаменитого торгового района города с более престижным ассортиментом магазинов, чем на соседних улицах. Улица впервые была заложена в 1777 году и названа в честь богатого табачного лорда, владельца плантаций и бывшего лорда-проректора Глазго Эндрю Бьюкенена из *Buchanan, Hastie, & Co. Cockburn Street* – живописная улица в Эдинбурге, названная в честь шотландского адвоката, судьи и литературного деятеля лорда Кокберна.

Принадлежность, выраженная через притяжательный падеж (possessive case). *Cowper's Court* – улица в Лондоне в честь семьи Кауперов, местных землевладельцев; *Dean's Court* – улица в Лондоне, названная в честь настоятеля собора Святого Павла; *Frederick's Place* – улица в Лондоне, прозванная так в честь Джона Фредерика, лорд-мэра Лондона в 1661 году.

– Названия улиц, представленные словообразовательными моделями.

- *Топонимическая конверсия.* Она характерна для всех англоязычных стран, а исходными лексемами для нее могут быть существительные (*Needles*), прилагательные (*Superior*), числительные (*Ninety Six*) и так далее. *East Passage* – улица в Лондоне, *Exchange Alley* – улица в Лондоне, названа в честь находившейся там биржи, *Royal Mile* представляет собой последовательность улиц, образующих главную магистраль Эдинбург в Шотландии;

- *Словообразование при помощи аффиксации.* Помимо традиционных английских суффиксов *-ton*, *-ham*, *-ley*, присоединяющихся к корням слов для образования топонимов, существуют еще и суффиксы, определяемые как выпавшие из языка самостоятельные слова, вторые элементы сложных слов, которые продолжают оставаться самостоятельными в английском языке. Среди них *-ville*, *-burg*, *-polis*, *-field*, *-view*: *Ashton Lane* – мощная улочка в Вест-Энде Глазго, соединена с Байрес роуд короткой соединительной полосой рядом со станцией метро *Hillhead* и известна своими барами, ресторанами и лицензированным кинотеатром. *Bootham* – улица в Йорке, ведущая на север от центра города. Годоним, происходит от скандинавского слова, означающего «место ларьков», имея в виду бедные хижины в этом районе;

- *Словообразование при помощи словосложения.* Большую часть английских топонимов-словосочетаний формируют вторичные номинации, образованные на базе ранее существовавших топонимов путем добавления дифференцирующих определений. Встречаются годонимы, представляющие собой сочетания прилагательного с существительным и наоборот: *Whip-Ma-Whop-Ma-Gate* – улица в Йорке, *Haymarket* – улица в центральной части Лондона, где до 1830 года находился крупный сенной рынок. *Goldsmith Street* – в честь расположенной неподалеку от данной улицы компании ювелиров в Лондоне. *Rottenrow* – одна из старейших восьми улиц

города, образовавших средневековый город Глазго, была записана как *«le Ratonraw de Glasgow»* в 1283 году. Название является распространенным в британских городах и поселках и буквально означает «крысиный ряд» (от среднеанглийского *ratton raw*), что указывает на полуразрушенный ряд домов, кишущих крысами.

Заключение

Завершая исследование, уместно акцентировать внимание на том, что корреляция количества конкретных типов топонимов напрямую соотносится с культуроспецифичностью конкретного общества, с историческими событиями, с учетом религиозного фактора и особенностями идеологии. Всё это несомненно находит отражение в языке, что помогает распознать и классифицировать лингвистические процессы. Необходимость классификации топонимов, которые способны объяснить правила и особенности образования номинативных единиц в языке не вызывает сомнений.

Резюмируя результаты исследования, логично заключить, что в топонимике Великобритании наибольшей частотностью обладают объектно-указательные топонимы (27.6%). За ними следуют фамильные топонимы (23%), далее религиозные (15.2%) и профессиональные (11.8%). В ходе исследования общего количества топонимов (свыше 700) было установлено, что наименьшей частотностью обладают исторические топонимы (4.3%), природные (3.2%) и территориальные (5.6%). Полученные данные позволяют констатировать факт тесной связи религии и выдающихся исторических личностей с культурой Великобритании, что, в сущности, обусловлено тем фактом, что Великобритании является одна из последних стран с действующей монархией и прочными традициями.

Библиографический список:

- [1] Орлова Т.А. Вербализация концепта DANGER в англоязычных экономических медиатекстах кризисного периода / Т.А. Орлова, О.А. Трёмаскина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 1 (162). С. 51-54.
- [2] Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд. – М.: Наука, 1988. 192с.

Reference

- [2] Orlova T.A. Verbalization of the Danger concept in English economic media texts of crises times/ T.A. Orlova, O.A. Tremaskina // Scientific notes of Petrozavodsk State University. 2017. № 1 (162). P. 51-54.
- [1] Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology 2-nd ed. – M.: Science, 1988. 192 p.

Орлова Т.А.

*Старший преподаватель кафедры иностранных языков ИОМ.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва.*

Резцова Н.В.

*Доцент кафедры иностранных языков №2 ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».
Доцент кафедры русского и иностранного языков ФГБОУ ВО
«Всероссийский государственный университет кинематографии
имени С.А. Герасимова (ВГИК)», Москва.*

**Лингвокультурологические
особенности топонимов Великобритании**

В статье представлен комплексный анализ лингвокультурологических особенностей названий улиц Великобритании. Целью исследования является выявление закономерностей в образовании топонимов и составление классификации, иллюстрирующей культуроспецифичность этой разновидности топонимов. В предлагаемой публикации представлено экстралингвистическое описание происхождения названий улиц, формирующих лингвистический портрет некоторых британских городов.

Ключевые слова: географическая номенклатура, топонимика, топоним, урбаноним, топоним, культуроспецифичность, лингвокультурный ареал, топонимическая конверсия, аффиксация, словосложение.

Orlova T.A.

*Senior Lecturer, Department of Foreign Languages,
IOM. Russian Academy
of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Moscow.*

Rezepova N.V.

*Associate Professor of Chair of Foreign Languages № 2.
The Plekhanov Russian University of Economics,
Associate Professor of Chair of Russian
and Foreign Languages, Russian State University of Cinematography
named after S. Gerasimov.*

Linguoculturological features of godonyms of Great Britain

The article presents a comprehensive analysis of the linguocultural features of UK street names. The purpose of the study is to identify patterns in the formation of godonyms and compile a classification that illustrates the cultural specificity of this type of toponym. This paper presents an extra-linguistic description of the origin of street names that form the linguistic portrait of some British cities.

Key words: geographical nomenclature, toponymy, toponym, urbanonym, godonym, cultural specificity, linguocultural area, toponymic conversion, affixation, compounding.

Сон Ён Иль

Соискатель. Тихоокеанский государственный университет, Инчхон, Республика Корея.

Семантически-синтаксическая специфика слова –что и его словосочетания*

1. Введение

Статья посвящена выявлению синтаксической роли и инварианта семантической специфики лексемы **что**, новизна исследования состоит в монографическом подходе к описанию единиц подобного рода противостоят существующему в современной лингвистической практике дифференциальному и развивает по лексико-смысловому варианту «ЛСВ». Объектом является полифункциональная лексема «**что**». Цель работы заключается в интегральном описании ее семантико-синтаксических свойств. В работе комплексно описаны следующие семантико-синтаксические особенности полифункциональной лексемы «**что**»: знаменательные (местоименные и наречные), служебные (междометные, частичные, союзные), а также употребления в составе тех или иных соединений, относящихся к различным языковым ярусам. Знаменательная лексика начинает выполнять синтаксические функции, свойственные служебным словам, и приобретает статус производного слова. [Гончарук, Шереметьева, 2020] В современной русистике является востребованным изучение отдельно взятых лексем (как знаменательных, так и служебных) в плане системной лексикографии, одним из ведущих принципов которой является «принцип интегральности лингвистических описаний» [Апресян 2006, с. 33]. Следовательно, знаменательные слова характеристики **что** в той или иной мере принадлежит спецификам той служебных слов относительно.

Этимология вопросительного признака: индо-европейской фонемы – кть: k(h)uh*

Къ + то =кто,

Къ+ъ(j) -первая палатализация +то =что

2. Отрицание что

Слова **что** обращает на себя внимание в различных фразеологиях. В частности, употребляется в риторических вопросах и восклицаниях, По значению соответствуя отрицательным местоимениям «ничто», «ничего»,

* © Сон Ён Иль, 2023.

а также существительным, обозначающим отрицательные свойства, качества. [ССРЛЯ, 1965, с. 1118] Среди вопросительных предложений данных фразеосхем **что за**, для газетно-публицистической речи обращает внимание тот факт, что высказывания с положительной оценкой встречаются крайне редко, менее 10% от всей суммы оценочных предложений. [Золотарева, 2017, с. 19-27]

Что у вас такой же прекрасный голос? <Тургенев. Провинциалка> — Что бедняга тебя обижают? — говорит второкурсник ласково <Помяловский, Очерки бурсы> — Что ему лет двадцать пять, не больше? <Л. Толстой, Два гусара>

Такие предложения выражают экспрессивное отрицание» [Русская грамматика, 1982, с. 392]. [Завьялов, сон, 2023, с. 72] по данным статьям **что** способствует отрицанию или нивелированию. Кажется что, **что** включает в выявлении аксиологического отрицания предмета, явления.

3. Причина существующего отрицания в **что**

Смысл **что** имеет коннотацию 'переворачивающее'. Детерминантами вопросительных служебных слов оказывается **как**, **что**, **ли** в том числе и самостоятельные слова. А обычно с точки зрения аксиологии слово **как** проявляется в нейтральном свойстве, и слова **что**, **ли** возникает отрицательное свойство. [ССРЛЯ, 1965], [Золотарева, 2017], [Завьялов, Сон, 2023], [Труфанова, 2020] [Служебные слова, 2017] Отскакивая справедливость или определение о предмете, явлении, присутствии, вопрос возникает наряду с противного намерения или представления говорящего и пишущего. И искренний вопрос в предмете 'что это?', 'что такое?' в этих вопросах не существует отрицание, лишь говорящее спросит не знающий либо не осознающий предмет. Тоже подчинительный союз **что** не заключается в коннотации отрицания. Поскольку роль подчинительного союза **что** объясняется нейтрально содержание свойства в подчиненном предложении. Итак разница между словом **как** и **что** требует лексико-смысловой точности. вопросительное предложение **как** не сигнализирует об отрицании, использующее в соответствии с ситуацией предмета, явления, отличает от слова **что** переворачивающей сущности. Тесная разница у слова **как** «имени прилагательного» есть вопрос о ситуации, характеристике.

Поэтому могу сказать, что во всём этом представлении я усёк только ритм действия и пластику актёров, а больше ничего не понял. [Письмо мужчины к женщине (2003)]

В трудные минуты жизни кажется, что на сердце давит камень, а когда на сердце легко, все органы и системы организма работают, как часы. [Плачьте на здоровье // «Знание - сила», 2003]

сообщает, что в соответствии с положениями части первой Налогового кодекса Российской Федерации, принятого Федеральным законом от

31 июля 1998 года 356-ФЗ, и на основании сведений содержащихся в личном заявлении налогоплательщика [Уведомление о постановке на учёт (2003)]

4. Характеристика 'перечисляющее' адресату «что»

Безусловно, характеристика собственно вопросительное местоимение **что** не имеет перечисление о свойстве с точки функционально-семантического зрения. За исключением от повторяющихся союзов и частиц присоединения, как прочие служебные слова, собственная специфика, деривационной формулы от вопросительного местоимения **что**, союз, частица, и.п. действительно имеет значение в том числе и несколько чужих служебных слов как *и, хоть, ли*, в условий что является союзом, частицей, держа сращиваемые компоненты предшествующими коннекторами.

Обращаясь к свойству последнего, необходимо отметить его крайний субъективизм, т. е. тот личный характер, которым оно всецело проникнуто. Произведения Гончарова прежде всего — изображение и отражение его житейских переживаний. Он сам сказал: «**Что** не выросло и не созрело во мне самом, **чем** я сам не жил, то недоступно моему перу; я писал свою жизнь и то, **что** к ней прирастало». Поэтому его личность тесно связана с его творчеством, и на последнем постепенно отражается всё, **что** трогало его душу, как тёплое воспоминание, как яркая действительность или как захватывающая его мысль и внимание картина. Говоря однажды о Толстом, он писал Валуеву, **что** Толстой набрасывает на жизнь широкую сеть и в неё захватывает разнообразные явления и множество лиц. Но то же самое можно сказать и о нём самом. Зорко приглядываясь и чутко прислушиваясь к образам и звукам «прираставшей» к нему жизни, он переживал их в душе, и потому в его произведениях чувствуется не меньше «сердца горестных замет», чем «ума холодных наблюдений»; потому в них под прозрачной тканью вымысла видятся, как и у Толстого, частые автобиографические подробности. [А. Ф. Кони. Иван Александрович Гончаров 1911] В синтаксическом взгляде, передние 4-ые слова что различаются по вопросительному местоимению, и последнее слова **что** есть союз которое определит перечислять свойства предложения задней части. Дело в том, что синтаксический и семантический взгляд различаются по дифференцированным отличиям. В семантическом взгляде первое предложение что спросит существование онтологии, и **чем** предложение имеет свойство, сравнительным совершенным, и в-третьих **что** выполняют относительное местоимение, определили местоимение **то**, 4-ое слова что тоже различается по относительному местоимению влияет на ситуацию, и последнее что возьмёт предшествующее предложение и выполняет компонент союз получающая предикатдвигающий глагол **писал**.

5. 3-тая характеристика – 'преувеличивающее' некому предмету для того, чтобы перегонять адресата к убедительным и объектным свойствам

который говорящее выражает преувеличить так, перечисляя содержание расширяющих границ своей собственной значимости, поднимающих объём данного значений чем по гносеологию действительно обозначающие адекватные содержания. Слово **что** сигнализирует о том, что в предложении преувеличит перечисленное что-нибудь свойство именно, бахвалит или приукрашивает о содержании.

Что московская консерватория на конкурсе дирижёров участия не принимала.

В предложении оттенок течёт в связи с престижными словами, кончил-ся с отрицанием. С начала **что** сигнализирует о том, что преувеличит что-нибудь вызывая недоумение о предмете, свойства поднимается позитивными событиями. А сказуемое является отрицанием.

6. Вопросительное местоимение **что**

У лексемы **что** существует не предположительные особенности с чем то, что **альтернативность** и **ненормальность** скрыты под базой следовательно за контекстуальными компонентами. обычно сознаны у лексемы **что** лишь есть вопросительное свойство, а их толкование парадигматическо-категорических презентативностей обозначает различные сферы. значит, **латентность** которая имеясь страшности и заданные вопросы говорящее будучи предметами принадлежат, испытает **потенциальность** с прагматическо-риторической в методологической избирательности. происходя по значению: **так или ни так**. при этом возникает смысло-семантически мягко говоря **необычность**, и ненормальность.

6.1. Семантически кто- что-нибудь

Что означает состояние лица или явления синтаксически что+субъект (субъектированность) на какой ситуации, Только в им. Употребляется в функции сказ., означая: каков, в каком состоянии или положении находится кто-, **что-нибудь?** — *Разумеется, такое, что науки и ученье — вредный вздор.* [В. Г. Белинский. (1844)]

Представляя состояние явления присутствия *науки и ученье*, смысло-семантическая установка пропозиционности *науки и ученье* уже подразумевается отрицательным качеством. претензия говорящего - кончится с тем что выражает **вредный вздор**.

Что представляют собой «небесные странники» - метеориты и о чем они рассказывают исследователям?

Что вполне закономерно для верующего человека. [Дело Егора Жукова: мальчики перестали бояться выходить за свободу]

Что надо делать ученым, чтобы привлечь внимание к своей работе? [Наука и искусство коммуникации]

Оглядываясь назад, зададимся вопросами: чем же были работы в НЭКе, и **что** такое ТМК для космонавтики? [Великое удаление 3]

- **Перемена с вопросительного местоимения на наречие**

Особенность употребления вопросительного местоимения что в роли обстоятельства и восходящих к нему местоимений-наречий почему: [Степанова, 2008, с. 79] Употребляется в функции наречия цели, соответствуя по значению: зачем? для чего? с какой целью? (в риторических вопросах в значении**ничего*).

Я только что вырвался на волю и уехал за границу, не для того, чтобы «окончить моё воспитание», как говаривалось тогда, а просто мне захотелось посмотреть на мир божий. [И.С. Тургенев]

В этом предложении с точки зрения синтаксической разницы, вместо причинно-следственного словообразования *почему* нейтрального слова, в первом контексте (левый компонент) говорящее употреблял *что* которое имеет альтернативность у предметам и следовательно с негативностью от *что*, совокупные предложения стало отрицательным оттенком, *вырвался на волю*.

«*Что* с них взять, интеллигенция будущая, они даже это не умеют». [Сдам мозги напрокат]

«То, *что* вы мне прислали, - это же размазывание соплей! [Сдам мозги напрокат]

- А *что* вы предлагаете сделать с ПТУ? [Четверть вузов дают псевдообразование]

- **Вопросительно-уступительное**

Преимущественно, *что* с субъективированной словоформой является вопросительное местоимение, И последующее все-таки является уступительным отношением. Анафора и катафора стает противным результатом.

Что такая мрачная? Она открыла раздвижную стеклянную дверь и, оказавшись в вагоне, огляделась по сторонам и тут же бросила рюкзак на свободное место рядом со мной. [André Aciman. Find Me (2019) | Андре Ациман. Найди меня (Наталья Рашковская, 2020)]

После *что*-вопросительной словоформы, последующее синтагматическое МСК является сопоставительным противоречивым отношением. Морфологическая противность резко сопоставлена между адъективной *мрачная* и *стеклянную*. Как будто употребляя *латентную* лексику *что* вопросительного слова, предположительная последующая фраза стала антонимическим предложением, с обозначаемым глагола *оказавшись, огляделась*.

- **Относительное местоимение.**

(Употр.и форме им. и вин.) Присоединяет придаточное определительное, соответствуя по значению относительному местоимению «который».

В это время я почувствовал затылком, что на меня смотрят. [Ю.О. Домбровский.]

Кажется, целый оттенок поразительно **латентностью** опасной предположительности и употребляется вместо нейтрального относительного местоимения которого, **что** имея отрицательного качества, сильной характеристики **потенциальной** предупредимой бесположительности.

*Есть предубеждение, **что** солидному ученому не пристало размениваться на популяризацию. [Наука и искусство коммуникации]*

- **Определительное местоимение.**

Грамматический роль используется для местоимения в очень большой, высшей степени, мере, определяя передние, задние компоненты.

*Солнце только **что** поднялось над сплошным белым облаком, покрывающим восток, и вся окрестность озарилась спокойно-радостным светом. [Л.Н. Толстой]*

Описанная методология увеличена огромным качеством, употребляя что **необычности** с точки зрения максимальной выразительности, имея **ненормальность**. над сплошным белым облаком, покрывающим восток, солнце поднялось. Обращаясь к ненормальности лексемы что, автор намеренно сигнализирует о необычной вещественности без предела. Но определительное местоимение различаются по семантической отрасли и синтаксическая роль употребляется союз характеристики.

*Кентурион Крысобой единственно **что** разрешил солдатам - это снять шлемы и накрыться белыми повязками, смоченными водой, но держал солдат стоя и с копытами в руках. [Мастер и Маргарита]*

*Логопед вместе с пациентом готовы сделать **что** угодно, лишь бы исправить тягостную кривизну. [Логотерапия в общей палате]*

- **Союз что**

7.1. подчинительный союз в что

Союз **что** отличается от семантической роли как определительное местоимение. Присущи синтаксическая роль дифференцируется. Что касается омонимии **что**, то характеризуется подчиненными союзами, Присоединяет изъяснительное придаточное предложение к главному. [ТСРЯ, 2008] Союз **что** соединяется с глаголами тем, что гипотетичность, предположительность, глагол движения требуют лексикализованной словоформы. и Н.Т. Окатова среди служебных слов, союз **что** различает по тому, что некоторое знание, размышление, суждение, мнение, продукт восприятия, результат эмоционального и интеллектуального воздействия, эмоциональные реакции и состояния, как продукт речи лексикой со значением передачи или утаивания информации характеризующая речь, со стороны внешних особенностей, роли в коммуникации, взаимоотношения субъекта с другими участниками общения соответственно. [Служебные слова, 2017]

Отличительной особенностью данных договоров является то, что

размер страховых взносов, учитываемых для целей налогообложения, ни в какой мере не поставлен в зависимость от суммы средств, направленных работодателем на оплату труда своих работников. [Учет и налогообложение операций по страхованию работников // «Бухгалтерский учёт», 2003]

Глагол **являться** принадлежит двигательно-занимающей форме, присоединяемая с местоимением, **то** и союзом **что**, имя существительного именительного падежа расположится.

Японские учёные рассчитывают, **что** первым доисторическим клонированным существом будет не сибирский тигр, не степной лев или гигантский олень, а именно мамонт. [Японцы хотят клонировать якутского мамонта // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003]

Полагающий глагол рассчитывать присоединяется со союзом **что**, таким образом, союз **что** относится почти к полагающему глаголам. [Служебные слова – Окатова, 2017] и тоже творительным объектом присоединяется.

По центральному телеканалу на днях передали, **что** в Южной Африке одна 92-летняя бабушка, возмущившись огромными счётами за электричество, обратилась в суд и выиграла его. [Т. Аксютя. Как жить на проценты? // «Сочи», 2002]

Целая структура состава на том, что дательный и предложный падежи присоединены двигательно-занимающим глаголом, и двух-предложений, и с причастием, МСК.

Есть теория, **что** земля — это живой организм, который устаёт и болеет. [Светлана Бударцева. У хорошего хозяина метр зарабатывает // «Вечерняя Москва», 2002]

Существующий глагол **есть** присоединится к союзу **что**. Обратный порядок слов- **Есть** теория. И вопрос обращать на отношение поскольку является со союзом **что**.

Учитывая, **что** именно в Европе собраны лучшие футбольные силы мира, этот «Золотой мяч» считается самым престижным. [Денис Быстров. Роналдо продолжает собирать титулы // «Известия», 2002]

Деепричастие + **что** структура, редко видно в использовании **что**, следующие компоненты слова **что** встает подчинительным предложением деепричастия.

А когда в Таганроге решили построить музей и библиотеку Чехова, то специально обратились к Шехтелю, понимая, **что** за такую работу он гонорара не возьмёт. [Ольга Кабанова. Легко и быстро, но на века. Юбилей театрального дома // «Известия», 2002]

Тоже занимающий глагол понимать использовался в определительном предложении деепричастия, особенно выражал отрицательное сло-

восочетание **что за** чтобы способствует тёмным пространствам *гонорара не возьмёт*.

Я не удивилась, узнав, **что** с буквы «д» начинается «дождь». [Лунный свет]

Употреблял признательный глагол, срращиваемой с что.

Баскова убеждена, что, будь у нее диплом посолднее, таких задержек на карьерном старте не было бы. [Экономисты переходного периода]

Пр.страд.прош.корот. форма *убедить* употребил занимающих глаголов, выражал предположительную ситуацию будущего ответа, которую нуждается сослагательное предложение, чтобы сигнализирует о альтернативном положении.

Любопытно, **что** по этой готовности лидируют не славяне, а эстонцы, в то время как их близкие этнические родственники финны замыкают таблицу. [Либералы сдаются без боя]

Любопытно соединит со словом **что** с оценочно-характеризующим значением:[ГСРЛЯ,с.703] целое предложение было компаративно сравнительной модальности между славянами и эстони-финнами.

7.2 фонологическая характеристика повторяющегося союза присоединения **что...что**

С точки коммуникативно-прагматического зрения, риторическое вопросительное предложение **что...что** состоит в 3-ых сортах по модальности ритмо-мелодической формы(интонация).

- Разделительно-перечисленное(повествовательное)
- Восклицательное
- Вопросительное(сетование, отчаяние, заброшенность)

- ритмо-мелодическая форма фонологии преимущественно различается по тому, что перерыв, растяжение, аномалия(вариант деривации закрывающего слога*)

- общественно, для выравнивания баланса слога, в лёгком слоге характеризуется ударением без восстановления Кроме того, употребляется длинный слог, аномалию, перерыв, -действует практически роль союза(служебное слово).

Кардинальный метр русского языка - ямбичный, его характеристика устойчивая, когда без стимулизации в фонологической взгляде. Наряду с ударениями и длинностями, риторические модальности приводят к преимущественному 3-ым значимостям коммуникативно-прагматических намерений говорящего или пишущего. И ИК и ударение, перерыв, одобрительное удлинение для выравнивания слога и ямбическая особенность русистики характеризуются действительными когнито-действиями. Произношение, ударение, растяжение, особенная аномалия способствуют практическому преобразению восприятий. В данных дифференцирован-

ных схемах утверждаются различные сознания заблуждений.

Рассмотрим следующий пример:

Что математика, что физика были мне просто недоступны. [Наталья Склярова. Казаки-разбойники // «Вечерняя Москва», 2002.01.10]

Шаблон 1. Т

S

W S W

W S W S

W W S W S W W W S

W S W S S W- W W S S W- W S W W S W S S W

Ч т о м а т е м а т и к а ч т о ф и з и к а б ы л и м н е н е д о с т у п н ы .

5-ый слоговой неправильное размещение растягивает и 11-ый удпный слог длинно кардинально растягивает в этой схеме, за исключением от нарочного растягивания, риторика типически уступает протяжностью предыдущего и последующего.

Типически повествовательном предложении употребляется данное ИК(Ударение), однако, то ударение более характеризуемо чем шаблон 3. *Вот они и держат эти истории при себе, делятся ими разве что на поминках и прочих семейных торжествах, где все настолько увлечены рождением и смертью, что можно говорить им что угодно все - равно не поймут. [Герои, апостолы, женщины и города]*

Шаблон 2. Т

S

S S W

S W S W

W S W W S W W W S

W S S W W S- W W S S W- W S W S W S S W

Ч т о м а т е м а т и к а ? ч т о ф и з и к а ? б ы л и м н е н е д о с т у п н ы !

Из-за обрывистых растяжений 3-ого и 11-ого слога, предшествующая часть схемы напрягается тон. И так кажется, что обе стороны являются отрицательным оттенками, данные предложения преимущественно приведет с препинанием вопросительного знака после ударного слога сращиваемых с что.

Вместе с тем возникает резонный вопрос: что такого произошло, что уже в первом квартале правительство бросилось пересматривать свои прогнозы? [Обнищание обещаний]

Что поддерживало меня в те первые месяцы после ухода из Кремля, что

не давало согнуться или «прогнуться»? [Как меня хоронили]

Шаблон 3. Т

S

W W S

W S W S W S

W S W S W S S W W W W S

W S W S W W - S W S S W - S S W W S W S S W

Что математика! что физика! былимне недоступны!

Соответственно в данных фразах последнее одобрительное удлинение для выравнивания слога, предшествующее удаленные веса компенсируют в последнем расположении фразы. Итак предложение аналогично с шаблоном 1, однако в данном случае выполняя восклицательное предложение, действует воодушевление эмоционально.

Однако, когда в риторических предложениях не сигнализируется о ударе, интонации установки, без ритмо-мелодики, не возможно проникать риторическую характеру предложения повторяющего союза **что...что** присоединения. Хотя бы ударение, интонация, растяжение употребил, но и уступительная ситуация не изменяется в 3-сортах дифференцированностях схемы. Другим словом, ударение, интонация и растяжение обозначает просто усиление в коммуникативно-риторических модальностях к адресату.

До встречи с тобой я думал, **что** русские - другие, **что** они агрессивные..., а ты вот образованный, уважаешь меня, знаешь мой язык... ты классный чувак! [Параллельный мир]

Он пояснил мне, **что** академия - заведение молодое, **что** начальник академии - его ученик, что обстановка в академии дружелюбная. [Похождения рядового подписанта - после "письма 99 математиков"]

Выходит, Жириновский псет атеистический отстой, Навальный намерен окучивать православный, а до приличных людей - **что** православных, **что** иноверцев, **что** неверующих любых кровей - всем, как всегда, нет дела. [Давайте жить смело]

Что там правда, **что** нет, обычному человеку не видно и не понятно. [Хлеба!]

Все эти аргументы - **что** будет больше женщин, отдающих своих детей, **что** невозможно будет забрать ребенка обратно, **что** бэби-боксы себя не оправдали - несостоятельны. [Осторожно, «окна жизни» закрываются!]

Высокая точность измерений позволила перепроверить данные американцев, и выяснилось, **что** опасности нет, **что** и подтвердилось. [Всевидящее око армии: как в России ловят спутники-шпионы]

Одни просто задумывались, а другие еще и сказали, и даже бумаге дове-

рили отчаянную мысль, **что** со всем тем страшным и преступным, **что** творилось вокруг, не желают мириться, не согласны. [Где же выход?]

И мужчина, когда вырастает, ждет от женщин, **что** они будут им помыкать, **что** они хотят господствовать. [Женщин уравниют]

Это были живые, оптимистические молодые люди, ясно понимающие и умеющие объяснить, **что** и зачем они делают, представляющие, **что** им предстоит, не строящие иллюзий, но и не желающие отступать. [Мигранты, экспаты, космополиты]

Но не потому, **что** мы такие добрые, а потому, **что** основой современного экономического развития является человек, интеллектуальный потенциал общества. [Новый левый]

- **Контекстуальная структура частицы *что***

По сравнению с вопросительным местоимением *что* отрицательного качества, частица *что* обычно используется для междометия восклицательного выражения. Нап.: Какой прогресс! Какая красота!(What a progress!, What a beauty!)

Как видимо, положительным выражением как английский язык, ни употребляется **что**- вместо лексемы *что*, заменяет нейтральное слово **какой** в позитивной предложении. даже к специфике частицы *что* перефразирует *что* отрицательного свойства.

8.1. Возможность у частицы *что* есть уступительного признака?

Возможно представлять частицу *что* специфики уступительного признака в практических примерах. Безусловно, у **что** не существует уступительная справедливость а как деривация, происходящая последующей фразе уступительным союзом **но**. Те возникают как хотя (бы)..но (и)... **но что** обе стороны, существует с тем, что частица **хотя** или союз **но** используется.

как сам иногда уверял, чтоб даже харчей не иметь постоянных и сытных, но делал противное, не боясь стыда и людских пересудов, собственно для удовлетворения своих странных прихотей, из скопидомства и излишней осторожности, что, впрочем, гораздо яснее будет видно впоследствии. [Ф.М. Достоевский.]

Контекстуальная конструкция конструирует левый компонент, правый компонент. Ни следовательно за левым компонентом, частица *что* -его роль стала уступительным союзом как **но**, в силу того, что предпочли противоречивым отношением к двух смысло-семантических требований, автор выполняет добавлять частицу **что** без синтаксического ограничения, с целью тем, что выражает противное предложение.

На мгновение она показалась мне настолько несчастной, что я, продолжая глядеть в открытую книгу, невольно стал придумывать, какими бы словами развеять грозу, несомненно собиравшуюся в нашем уголке в хвосте

вагона. [André Aciman. *¿Find Me (2019) | Андре Асиман. Найди меня (Наталья Рашковская, 2020)*] С точки лексико-смыслового зрения, в этом случае <что> обозначает **но** либо **а** не согласовывающиеся специфики союза, с которые совпадает предыдущим предложением. Семантически синоним, равнозначные **наоборот, напротив. Что** представляется, что стает релятивным компонентом деривата, происходя уступительное отношение, а требуется тесно рассмотреть контекстуальные отношения, стало уступительным отношением. что+ прономинатив, отрицательное свойство **что** смысло-семантическая роль не совпадает с предыдущим предложением, не субъект. И семантически-синтаксическая роль этого случая стал уступительной-частицей **что**. причина этого анализа принесёт контекстуальную разницу между анафорой и катафорой.

Заключение

Знаменательное свойства вопросительного местоимения что способствует различным спецификам особенности преобразуется к служебному слову, при употреблении функционально-модальностей служебного слова, заменят различных характеристики как, семантического существования, отрицательного свойства, относительного местоимения, определительного местоимения, наречных, и т. д. В свою очереди, эти специфики знаменательного слов что имеет специфику служебного слова напр.: известный союз, частица. Эти характеристики слова что рассматривается в повторяющемся присоединении что...что... и коннектором является союз что в объёмах относительного местоимения.

Библиографический список:

- [1] НКРЯ — Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения: 23.10.2023).
- [2] Апресян Ю.Д. Основные принципы и понятия системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. — М. : Языки славянских культур, 2006. С. 33-34.
- [3] Гончарук Е.Ю., Шереметьева Е.С. Специфика функционирования сочетания «В ПОРЯДКЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ» // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 8 (98) . Часть 3. С. 81-85.
- [4] Завьялов В.Н. Конструктивные свойства союза ЧТО... ЧТО... и его семантика / В. Н. Завьялов, Сон Ён Иль // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 3. С. 65-81. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-65-81.
- [5] Золотарева Л.А., Нгуен А. Функционирование фразеологизированной синтаксической конструкции «что за ...» в публицистике // Филология: научные исследования. 2017. № 4. С. 19-27.
- [6] Лексикографические портреты служебных слов: монография / Е.А. Стародумова, Е.С. Шереметьева, В.Н. Завьялов; отв. ред.: Е.А. Стародумова, Е.С. Шереметьева, В.Н.Завьялов. — Владивосток: ДВФУ, 2022. 322 с.
- [7] Русская грамматика: 2-х томах / отв. ред. Н.Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1980. Т. I. 789 с.; Т. II. 709 с.
- [8] Служебные слова в лексикографическом аспекте : монография / Е.А. Стародумова, В.Н. Завьялов, Е.С. Шереметьева. — Владивосток : ДВФУ, 2017. 377 с.
- [9] Словарь современного русского литературного языка / гл. ред. В.И. Чернышев и др.: В 17-ти т. — М.-Л.: АН СССР 1950–1965.
- [10] Степанова О.Ю. Есть ли наречия что в Русском языке? Русский язык в школе. 2008. № 9. С. 78-81.
- [11] ТСРЯ — Толковый словарь русского языка : В 4-х т. / под ред. Д.Н. Ушакова. — Москва : ГИ ИНС, 1940. Т. IV. 1500 с.
- [12] Труфанова И.В. Отрицательное местоимение что / Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы «Школа № 224», 2020. Том 11. № 4. С. 625-658.

- [13] Шведова Н.Ю. Грамматика современного русского литературного языка, Издательство «НАУКА» Москва, 1970. 770 с.

Reference

- [1] NKRY - National Corpus of the Russian Language // URL: <http://www.ruscorpora.ru> (10.23.2023).
- [2] Apresyan Yu.D. Basic principles and concepts of systemic lexicography // Language picture of the world and systemic lexicography. – M.: Languages of Slavic Cultures, 2006. P. 33-34.
- [3] Goncharuk E.Yu., Sheremetyeva E.S. Specifics of functioning of the combination “IN ORDER OF EXCEPTION” // International scientific research journal. 2020. № 8 (98). Part 3. P. 81-85.
- [4] Zavyalov V.N. Constructive properties of the conjunction WHAT... WHAT... and its semantics / V.N. Zavyalov, Song Yong Il // Scientific dialogue. 2023. Vol. 12. № 3. P. 65-81. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-65-81.
- [5] Zolotareva L.A., Nguyen A. Functioning of the phraseological syntactic construction “what the ...” in journalism // Philology: scientific research. 2017. № 4. P. 19-27.
- [6] Lexicographic portraits of function words: monograph / E.A. Starodumova, E.S. Sheremetyeva, V.N. Zavyalov; resp. ed.: E.A. Starodumova, E.S. Sheremetyeva, V.N. Zavyalov. - Vladivostok: FEFU, 2022. 322 p.
- [7] Russian grammar: 2 volumes / rep. ed. N.Yu. Shvedova. - Moscow: Nauka, 1980. Vol. I. 789 p.; Vol. II. 709 p.
- [8] Function words in the lexicographical aspect: monograph / E.A. Starodumova, V.N. Zavyalov, E.S. Sheremetyeva. — Vladivostok: FEFU, 2017. 377 p.
- [9] Dictionary of modern Russian literary language / ch. ed. IN AND. Chernyshev et al.: In 17 volumes - M.-L.: USSR Academy of Sciences 1950–1965.
- [10] Stepanova O.Yu. Are there adverbs in the Russian language? Russian language at school. 2008. № 9. P. 78-81.
- [11] TSYRYA - Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes / ed. D.N. Ushakova. - Moscow: GI INS, 1940. Vol. IV. 1500 p.
- [12] Trufanova I.V. Negative pronoun that / State budgetary educational institution of the city of Moscow “School № 224”, 2020. Volume 11. № 4. P. 625-658.
- [13] Shvedova N.Yu., Grammar of the modern Russian literary language, Publishing house “NAUKA” Moscow, 1970. 770 p.

Сон Ён Иль

*Соискатель. Тихоокеанский государственный университет,
Инчхон, Республика Корея.*

**Семантически-синтаксическая специфика
слова – что и его словосочетания**

Аннотация. Рассматривается характеристика преимущественных модальностей. Цель исследования: использования функционально-модальной особенности описания слова. Установка синтаксической роли в специфике вопросительного местоимения, союза, частицы способствующей актуальным практическим примерам, текущее направление понятия.

Ключевые слова: союз, вопросительное местоимение, частица, преувеличенность, уступительная характеристика, противность.

Song Young Il

Applicant. Pacific State University, Incheon, Republic of Korea.

Semantic-syntactic specificity of the word - the same as its phrases

Abstract. The characterization of inferential modalities is considered. The purpose of the study: the use of functional-modal feature of the description of the word. Setting the syntactic role in the specificity of the question pronoun, union, particle contributing to the actual practical examples, the current direction of the concept.

Key words: conjunction, interrogative pronoun, particle, exaggeration, concessional characteristic, obnoxiousness.

Чжао Цзюньчэнь

Магистр, факультет журналистики. Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова.

Новостная журналистика: специфика организации контента в эпоху «новых медиа»

Одна из характерных особенностей нынешнего времени, именуемого «веком глобализации», – это непрекращающиеся информационные потоки, лавиной обрушившиеся на головы реципиентов. В современных условиях обострения информационного противостояния особое значение приобретает новостные медиа, которые не только формируют информационную картину мира у населения, выполняя важнейшую идеологическую функцию, но и конструируют образы событий, создавая общественное мнение [1, с. 13].

Новость в своем исходном значении – это «фрагмент реальности, меняющий привычный ход вещей и потому требующий в той или иной степени общественного внимания» [2, с. 28]. И поскольку знать о том, что происходит в обществе, в мире человеку необходимо (это есть витальная, жизненно важная человеческая потребность), то возникла деятельность, которая направлена на поиск новостей и сообщение наиболее значимых из них, – новостная журналистика.

В прошлом, двадцатом, веке новостная журналистика была уделом традиционных СМИ – газет, журналов, радио- и телепередач. Появление Интернета внесло коррективы в традиционные типы предоставления информации. Только за последнее десятилетие современные информационные технологии изменили способ распространения новостного контента, что связано с появлением новых медиа.

Спецификой новых медиа является тот факт, что новостной контент доступен для индивида в любой момент и в любом объеме, который увеличивается посредством ссылок на дополнительные сведения и за счет привлечения экспертов или аналитиков, комментарии которых могут приобретать форму блогов на заданную тему [4, с. 569].

Конечно, и в онлайн-режиме на первый план выходит информирование аудитории, до которой любая новость доходит мгновенно, распространяясь сразу по нескольким каналам. И в то же время в новых медиа

происходит усиление развлекательной функции и ее сращивание с информационной, что порождает новые способы и виды подачи порой непростой информации и увеличивает ее привлекательность для аудитории. Благодаря мультимедийности, новые медиа могут предоставлять один и тот же материал во всевозможных видах, что увеличивает его наглядность и упрощает восприятие. Так, на одном и том же информационном ресурсе можно прочитать статью, просмотреть видео-ролик и фотоматериал, прослушать аудио [4, с. 569-570].

Другая особенность новых медиа – интерактивность. В XXI веке аудитория из пассивного реципиента информации превратилась в активного участника формирования контента. Новые медиа предоставляют возможность взаимодействовать не только с одним человеком, но и включать в обсуждение большое число людей. Происходит двусторонняя коммуникация, как автора материала с читателем, так и читателя с читателем с помощью возможности комментировать или участвовать в форуме по определенной проблеме, подсказывая автору публикации его ошибки и дополняя авторский материал своими мыслями, что позволяет редакторам информационного ресурса ввести изменения в контент, трансформируя предоставленную ранее информацию [4, с. 569-570].

В эпоху традиционных СМИ существовали определенные требования к профессионально подготовленному информационному сообщению. Если кратко, то это, прежде всего, актуальность, привязка к текущему моменту, социальная значимость. Обязательным условием подготовки новостей также являлись достаточный набор фактов, аргументированность, достоверность, объективность, обращение к адекватному количеству источников. Кроме того, качественная новость требует понятного и логического изложения, лаконичности, безэмоциональности, отсутствия проявления собственного отношения журналиста к событию [6, с. 102]. Но есть ли основания отменять что-то из вышеперечисленных требований, если речь идет об интернет-новостях? На наш взгляд и сегодня эти требования не потеряли своей актуальности. Однако интернет-журналистика внесла свои дополнения и коррективы. Рассмотрим некоторые особенности подачи новостных материалов в эпоху новых медиа.

Прием, облегчающий восприятие текстовых материалов в интернете, – фрагментация: тексты должны состоять из относительно самодостаточных фрагментов (в идеале один факт – один абзац). Большие по объему, чем заметка, тексты необходимо делить на структурные части с отдельными названиями, применять шрифтовые и цветовые выделения цитат и других фрагментов текста.

Специфика интернета требует уделять особое внимание заголовочному комплексу. Оптимальный вариант – информативный заголовок из

трех-шести слов и подзаголовок-разъяснение. Для более крупных сообщений будет нелишним суб-подзаголовок. Неотъемлемый элемент для типичной интернет-новости – от двух до пяти-шести гиперссылок на источники и другие интернет-публикации, связанные тематикой или сюжетом. И, наконец, желательно использовать мультимедиа. Новость должна сопровождаться хотя бы одной фотографией, а когда это уместно, – слайдами, фотогалереей, видео, аудиоподкастами, скриншотами соцсетей и т.п. Как видим, требования к интернет-новостям не перечеркивают ни одно из классических требований, но расширяют возможности репрезентации новости и расширяют взаимосвязь медийной редакции с аудиторией.

Но с другой стороны, нельзя замалчивать и откровенные «минусы» формирования новостного контента в эпоху новых медиа. Озвучим некоторые из них.

Еще в середине и конце нулевых годов исследователи медиасферы нередко указывали на нарушение авторских прав в интернете, упоминая тот факт, что многие интернет-издания ограничивают свою деятельность перепечатками материалов других информационных ресурсов. Сегодня склонность к использованию чужих материалов развилась в определенное мастерство, которое предусматривает грамотное упоминание источников и даже переросла в отдельное направление – мониторинговую журналистику, где простые перепечатки новостных материалов – лишь один из видов медиапродукта. Скомпилированные и переработанные новости, взятые из других источников, разбавленные информацией из социальных сетей, стали частью современного медиaprостранства. Однако, при такой организации контента очень трудно предоставить читателям правдивую информацию.

Как известно, новость, являясь первичным жанром СМИ, должна быть максимально документированной. Но в условиях постоянного заимствования контента не всегда получается поддержать степень документированности на должном уровне, поскольку проверить достоверность предложенной пользователю информации бывает крайне трудно, а порой и невозможно в силу недоступности источников цитирования. Кроме того, предоставлению точной информации часто мешают политические круги государственных структур, вводя «цензуру» на «новостную правду». В связи с этим в Сети можно встретить огромное количество новостей, передающих неточные, не проверенные факты. Более того, некоторые онлайн-медиа передают заведомо ложную информацию.

Но заметим, что ложный характер информационного сообщения не всегда связан с вышеизложенной проблемой. Неправдивая информация, распространяемая Интернет-СМИ, может быть вызвана, к примеру, информационной войной, стремлением некоторых медиа зомбировать об-

щество в угоду тем или иным политическим силам, навязывая выгодные информационные картины событий. Безусловно, это серьезный фактор существования медиа в новых условиях, хотя и традиционные СМИ, бытующие в прошлом, зачастую разжигали информационную войну.

По мнению М.В. Чабаненко, искажения смыслов нередко случаются также из-за элементарной халатности, которую журналисты допускают и в погоне за количеством сообщений, и в погоне за сенсационностью и интригой. Когда царит засилье организованной дезинформации, серьезно искажающей повестку дня, такая халатность кажется чем-то сравнительно безобидным. Но журналисты, нацеленные на сенсацию и не освещающие события в рамках информационной объективности, теряют свой профессионализм [6, с. 103].

Иногда сайты, занимающиеся мониторинговой журналистикой, выхватывают интересные, на их взгляд, материалы у известных новостных медиа, сотрудничающих с государственными пресс-службами. Но они переписывают новостной материал со значительными сокращениями, оставляя только те факты, которые зацепят воображение пользователя, при этом мало заботясь об удовлетворении когнитивных запросов последнего [6, с. 103].

Таким образом, несмотря на то, что журналисты, готовящие новости для онлайн-изданий, должны чувствовать двойную или даже тройную ответственность, на практике качество подготовки интернет-новостей часто не достигает желаемого уровня. С точки зрения И.О. Рубина, интернет-медиа разительно отличаются от традиционных печатных и вещательных СМИ своими ценностными ориентирами. Поэтому большая часть выпускников факультета журналистики (особенно в России) считает долгом начать свой профессиональный путь с работы в традиционных СМИ с развитой системой гарантий [3, с. 475].

Хотелось бы отметить, что в Китайской Народной Республике в последние годы появилось много новых медиа. Но, как и в России, только традиционные СМИ продолжают нести атрибуты системности и стабильности, установленные еще в XX веке. Китайские новостные онлайн-медиа также непредсказуемы [5, с. 72].

Итак, сегодня новости формируются по совсем иному принципу. За потоком некачественных новостей стоит и так называемое «самоинформирование аудитории». В условиях, когда не нужно быть журналистом для того, чтобы передавать информацию широкой общественности, информационное пространство стало заполняться непроверенными сообщениями непрофессиональных авторов. Да и сами редакции новых медиа привлекают представителей аудитории к участию в масс-медийной деятельности и охотно пересказывают сообщения из блогов и соцсетей, в связи с чем

молодые специалисты начинают сомневаться в целесообразности строгого соблюдения журналистских стандартов. Ведь они видят, что в интернете читается все, причем идет напряженная борьба за внимание, а в ней, как на войне, все средства оправданы. По той же причине заниматься новостной журналистикой в Интернете решаются лица без специального образования.

Исследователи считают, что по сравнению с традиционным вариантом новостная онлайн-журналистика проигрывает. Во-первых, факты подвергаются фрагментации. Во-вторых, новость рассматривается рядом с другими подобными событиями, а потому воспринимается как часть непрерывного дискурса – серии новостей, без твердо зафиксированного начала и окончания. Последнее обстоятельство усиливает то обстоятельство, что Интернет может подавать контент потоком. Завершенный медиaproduct поставляла «старая, добрая» журналистика, но она постепенно уходит в небытие.

Немецкий философ К. Ясперс еще в первой половине прошлого века указывал на основной фактор, который пагубно действует на всю духовную и когнитивно-интеллектуальную деятельность человека, негативно сказываясь на каждой соприкасающейся с ней области. Этот фактор – массовость [7]. Интернет с его глобальными масштабами и участием аудитории в создании новостного контента довел массовость предоставления информации до крайнего проявления [6, с. 108].

Что касается непроверенных, неточных и заведомо ложных сведений, то они, конечно, никогда не украшали журналистику. Поэтому борьба с ними не прекратится. Однако было бы наивно надеяться на полное преодоление этого недостатка; аудитория скорее привыкнет к тому, что всегда существует определенная часть новостей, которым, по тем или иным причинам, не стоит верить.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что новостная журналистика под воздействием Интернета претерпевает глубокие трансформации, причем не в лучшую сторону. Перешагнув порог нового тысячелетия, новостная журналистика теперь не призвана на общественное служение, ибо становится непрофессиональным занятием. В настоящее время новостная журналистика – это своеобразная игра, забава, развлечение, лишь имитирующее свободу и независимость СМИ, поскольку в созданном ею контенте утрачиваются всякие связи между вымыслом и реальностью.

Библиографический список:

- [1] Добросклонская Т.Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: сборник научных статей. – Белгород: ИД «Белгород», 2016. С. 13-22.

- [2] Лазутина Г.В., Распопова С.С. Жанры журналистского творчества. – М.: Аспект Пресс, 2011. 320 с.
- [3] Рубин И.О. Новостное медиапроизводство в России // Медиапространство многополярного мира: сб. статей / Под ред. Е.В. Мартыненко. – М.: РУДН, 2017. С. 474-478.
- [4] Шайдудлина К.Б. Особенности новых медиа как канала публичной дипломатии на примере США // Медиапространство многополярного мира: сб. статей / Под ред. Е.В. Мартыненко. – М.: РУДН, 2017. С. 568-574.
- [5] Цзя Фань. Научные аспекты формирования китайской информационной стратегии в условиях новых медиа // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. 2019. № 1. С. 69-76
- [6] Чабаненко М.В. Подготовка интернет-новостей: структурирование информации, передача смыслов // Кроссмедиа: контент, технологии, перспективы: коллективная монография / под ред. В.Э. Шевченко. – Киев: Кафедра мультимедийных технологий и медиадизайна Института журналистики Киевского национального университета, 2017. С. 102-110.
- [7] Ясперс К. Духовная ситуация эпохи. – М.: АСТ, 2013. 288 с.

Reference

- [1] Dobrosklonskaya T.G. Discourse of News as an object of media linguistic analysis // Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education. Actual problems of modern media linguistics and media criticism in Russia and abroad: a collection of scientific articles. – Belgorod: Publishing House “Belgorod”, 2016. P. 13-22.
- [2] Lazutina G.V., Raspopova S.S. Genres of Journalistic Creativity. – Moscow: Aspect Press, 2011. 320 p.
- [3] Rubin I.O. News media production in Russia // Media space of the multipolar world: a collection of articles / Edited by E.V. Martynenko. – Moscow.: RUDN, 2017. P. 474-478.
- [4] Shaidullina K.B. Features of the new media as a channel of public diplomacy on the example of the United States // Media Space of the multipolar world: a collection of articles / Edited by E.V. Martynenko. – Moscow: RUDN, 2017. P. 568-574.
- [5] Jia Fang. Scientific aspects of the formation of Chinese information strategy in the conditions of new media // Journal of the Belarusian State University. Journalism. Pedagogy. 2019. № 1. P. 69-76/.
- [6] Chabanenko M.V. Preparation of Internet news: structuring information, transfer of meanings // Crossmedia: content, technologies, perspectives: collective monograph / edited by V.E. Shevchenko. – Kyiv: Department of Multimedia Technologies and Media Design of the Institute of Journalism of Kyiv National University, 2017. P. 102-110.
- [7] Jaspers K. Spiritual situation of the time. – Moscow: AST, 2013. 288 p.

Чжао Цзюньчэнь

Магистр, факультет журналистики.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова.

**Новостная журналистика: специфика
организации контента в эпоху «новых медиа»**

Аннотация. Данная статья посвящена актуальным вопросам развития новостной журналистики в эпоху новых медиа. Целью исследования является изучения подхода к созданию новостного контента в условиях трансформации масс медиа. На основании проведенного анализа новостных медиа автор статьи делает вывод, что в XXI веке только традиционные медиа сохраняют профессиональный уровень новостной журналистики. Определив проблемы в области создания и представления новостей, автор статьи пытается решить вопрос искоренения недостатков в новостной Интернет-журналистики, но приходит к выводу, что именно Всемирная сеть с ее глобальными масштабами и участием аудитории в создании новостного контента губит новостную журналистику.

Ключевые слова: новость, новостная журналистика, традиционные СМИ, новые медиа, Интернет.

Zhao JiongChen

Master, Faculty of Journalism. Lomonosov Moscow State University.

**News journalism: Specific features
of content organization in the epoch of «new media»**

Abstract. This article is devoted to the actual problems of news journalism development in the new media times. The aim of the research is to study the approach to the creation of news content in the conditions of mass media transformation. Based on the analysis of news media, the author of the article concludes that in the twenty-first century only traditional media retain the professional level of news journalism. Having identified the problems in the field of news creation and presentation, the author of the article tries to solve the issue of eradicating the shortcomings in Internet news journalism, but comes to the conclusion that it is the World Wide Web with its global scale and audience participation in the creation of news content that ruins news journalism.

Key words: news, news journalism, traditional media, new media, Internet.

*Актуальные вопросы
исторических наук*

*Actual questions
of historical sciences*

Иванова М.Е.

Старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва.

Резепова Н.В.

Доцент кафедры иностранных языков №2. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», Москва. Доцент кафедры русского и иностранного языков ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова (ВГИК)», Москва.

Патриотизм и служение отечеству как национальная идея: общественно-исторический обзор*

Введение. 9 ноября 2022 г. Указом Президента Российской Федерации утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Такие ценности определены как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны» [40].

В связи со сложившейся ситуацией назрела необходимость рассмотрения эволюции охарактеризованных в Указе ценностей и выявить определенные закономерности, проанализировав объективные причины изменения этих факторов. В данном контексте особое значение приобретает само понятие «служению Отечеству и ответственность за его судьбу».

Методика. Ведущим методом работы является сравнительный анализ

* © Иванова М.Е., Резепова Н.В., 2023.

источников, раскрывающих развитие представлений об Отечестве и патриотизме в российской национальной культуре в динамике. Используются исследовательские публикации российских и зарубежных авторов, художественная и мемуарная литература. Активно применялся прагмасемантический и психолингвистический анализ понятий, сопряженных с термином «Отечество»: «Родина», «Отчизна», «родная земля», «патриотизм». Исследование основывалось на привлечении авторитетных словарей, публикаций лингвистов, культурологов, философов.

Результаты исследования. Показательно, что в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» ценность «служение Отечеству» представлена в непосредственном сопряжении с ценностями патриотизма и гражданственности [28]. Весьма значимо содержание обоих терминов в названии этой ценности. В предыдущей статье показано, как в общественном сознании понимается «служение». В предлагаемой работе анализируется понятие «Отечество» в сопряжении с такими понятиями, как «Родина», «Отчизна».

Стоит отметить, что немало исследователей рассматривают эти понятия как синонимы или квазисинонимы, отмечая при этом, что в русском языке понятие «Отечество» употребляется уже с XI–XIII вв. [7; 34; 35], а слово «родина» появилось в русском языке в начале XVIII в., обозначая «родные места» (авторитетный словарь связывает генезис этого понятия с творчеством Г.Р. Державина [42, с. 491]), и к концу века рассматривалось как синоним понятия «Отечество». Согласно Е.Н. Рымаревой, «слово «Родина» близко по значению словам «Отчизна» и Отечество». Эти слова «несут основную нагрузку идеи патриотизма в русском языке» [30, с. 23], поэтому пишутся с заглавной буквы. Многие современные исследователи [2; 32; 37 и др.] придерживаются тех же взглядов, опираясь на мнение авторов словарей. Действительно, словарь Вл. Даля характеризует понятия «Отечество», «Отчизна», «Родина» фактически как синонимы. Понятие Родина коррелирует с такими понятиями и концептами как «родимая земля, чьё-либо место рождения; в обширном значении земля, государство, где кто-либо родился; в тесном город, деревня» [11, ст. 1697]. Концепт Отечество в русской культуре это прежде всего «родная земля, отчизна, где кто-либо родился, вырос; корень, земля народа, к коему кто-либо по рождению, языку и вере, принадлежит; государство, в отношении к подданным своим; родина в обширном смысле» [10, ст. 1879]. В словаре под ред. Д.Н. Ушакова приводятся два значения слова «Родина», одно из которых совпадает с содержанием понятия «Отечество»: Родина – «Отечество; страна, в которой человек родился и гражданином которой он состоит. Место рождения» [38, ст. 1370].

Тем не менее, эти концепты не являются взаимозаменяемыми и, выражаясь более точно, являются квазисинонимами. Существует понятие «малая родина», но нет сочетаний «малое отечество», «малая отчизна». С другой стороны, мы говорим о служении Отечеству, служении Отчизне, но практически не употребляется сочетание «служение Родине». Эти рассуждения подталкивают многих исследователей уточнить смысл рассматриваемых понятий.

С научной точки зрения интересно утверждение Т.А. Чикаевой: «понятие Родина обладает более широким объёмом, а понятие Отечество является подчинённым по отношению к нему» [47, с. 95]. Утверждая, что они различаются по объёму, на деле она выясняет различие их содержания, выделяя в качестве основания для разграничения гендерный критерий: в этих понятиях воплощены «древние, противоположные, но взаимосвязанные архетипы Богини-Матери и Бога-Отца, мужского и женского начала» [47, с. 95]. Маскулинность Отечества, феминность Родины обсуждают также отечественные исследователи Н.А. Комлева [15], И.В. Наливайченко [20] и др. Сделанные выводы показывают, что оба понятия – и «Родина» и «Отечество» – со временем эволюционировали и, в силу этого, интерпретировались и интерпретируются по-разному.

Анализ данных концептов в контексте приводит к выводу, что «Родина» (прежде всего как «родной край») связана с географическими, историческими, этнологическими, экономическими, а также и политическими характеристиками места рождения. Понятие «Отечество» детерминировано, в первую очередь, социальными условиями, включая их как отношения кровно-родственные (раскрывая смысл «Отечества», Вл. Даль указывает, в частности: «сравни: состоянье отца, бытность отцом, родительство» [10, ст. 1879], Интересна точка зрения Пашуты и Е.О. Яковлевой, которые приводят такую точку зрения на содержание концепта «Отечество»: «отеческое естество» и «отца чествовать» [24, с. 85]). Вл. Даль трактовал понятие «государство» как один из синонимов концепта «Отечества». Что касается другого исследователя – Г.П. Федотова – «государство» – это неотъемлемая характеристика концепта «Отечества» [42, с. 252].

Возникновение и эволюция концептов «Родина» и «Отечество» можно проследить, анализируя античные и христианские источники. В данной работе они представляют наибольший интерес, поскольку истоки русской культуры неразрывно связаны именно с ними. Поэтому генезис и развитие концептов «Родина», «Отчизна», «Отечество», «служение Отечеству» неразрывно связаны с периодом античности и возникновением христианства.

В эпоху античности «Отечество», или *terra patria*, что на русский язык переводится как «земля отцов» [44, с. 414], ассоциировалось с понятием «малая родина». Это было место, где похоронены предки, где исповедовали

общую религию, где жило все племя. Античное понятие «Отечество» (*patria*) соотносилось с родным городом-государством. Тогда появилось и понятие *patriota*, означавшее «живущий в этом городе». Отечество воплощало собой непреходящие ценности, жить вне его не представлялось возможным. Самым суровым наказанием в древних Афинах было лишение Отечества, изгнание из полиса. Греческое слово «патриот» означало священное для гражданина отношение месту, где он родился и вырос – Отечеству. Именно в Отечестве устанавливался незыблемый регламент поведения для людей, совместно проживающих на данной территории, подвластной народу.

Сакральное отношение к Отечеству в первых греческих государствах возникло на том основании, что люди, населявшие территорию на протяжении нескольких поколений, оказывались связанными узами тесного родства, в силу чего у них были общие обожествляемые предки и святыни. Этот факт был отмечен в концепции Платона, в которой отражен процесс становления первых греческих городов-государств. Точно так же как в семье жителя полиса приоритет отдавался власти родителей над детьми, интересы полиса, или по-другому «Отечества», были важнее интересов отдельного его члена. Данное отношение между членами государства и его населения, как известно, получило название «патернализм».

Античные мыслители отдавали приоритет нравственным ценностям и отношению к ним. Житель города-полиса должен жить и поступать в строгом соответствии с нормами и ценностями своего государства. Идея гражданственности была неразрывно связана с верностью Отечеству, что составляло базис формирования личного достоинства и благочестия. Греческий философ Лукиан писал о божественном происхождении отеческого наследия, поэтому «Отечество – это то, что надлежит почитать и составляет смысл жизни человека». Римский философ Цицерон в своем труде «О государстве» писал: «Самые благородные помышления - о благе отечества» [45, с. 87].

Отношение к патриотизму в Римской империи носило двойственный характер: с одной стороны, существовал местный патриотизм, основанный на соблюдении религиозных культов, и, с другой стороны, патриотизм «общеимперский», т.е. основанный на обожествлении власти императора. Появление в Риме первых христиан встретило сопротивление со стороны патриотически настроенных язычников, которые именно в язычестве «видели в местных культах основу благополучия» [16, с. 153]. Тем не менее, именно в новой религии, воплощающей в себе и жизнь духовную и жизнь земную, патриотизм приобрел двуединый смысл.

Важно отметить, что у ранних христиан земное Отечество и небесное царство находились в особых отношениях друг к другу. Для них земная жизнь рассматривалась «как своеобразная преграда на пути в “мир духов-

ный», поэтому «земное Отечество», «будучи явлением материального мира, занимало место внизу иерархии христианских ценностей» [23]. Российское христианство унаследовало традиции греческой Византии, в которой «земное Отечество» характеризовалось взаимной обусловленностью церкви и государства. Исследователи византийских традиций в русской культуре выделяли идею единства церкви и государства, учитывая при этом противоречивые отношения между ними [см., напр.: 19, с. 41].

Еще раз подчеркнем, что античные представления об Отечестве, о единстве общества связаны в первую очередь с чувствами родства, с чувством привязанности к месту рождения. В христианском мировоззрении происходит своеобразный «социологический переворот»: кровнородственные связи утрачивают роль первоочередного основания для единства общества. Роль такого основания переходит «от крови к духу»: объединяются не родственники, а единомышленники, уверовавшие в глобальную миссию Иисуса Христа. В качестве этапа на пути к такому перевороту выступает Ветхий Завет, как идеология единомышленников, объединенных племенным родством. В то же время для Нового Завета нет ни эллина, ни варвара: для нового человека, совлекшего с себя ветхого человека, «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос [Кол: 3:11-11]».

Именно так трактует новое основание единства общества один из крупных российских мыслителей XI в. митрополит Иларион: «Ведь прежде в одном Иерусалиме (Богу) поклонялись, ныне же – по всей земле... Ибо вера благодатная по всей земле распространилась и до нашего народа русского дошла» [36]. Это же основание стало базисом единства Руси: «И уже не идолослужителями зовемся, но христианами; не лишенными надежды, но уповающими на Жизнь Вечную... Уже не закаляем друг друга (в угоду) бесам, но Христос за нас закаляем бывает и раздробляем в жертву Богу и Отцу» [36].

Христианство способствовало формированию отношения к патриотизму как ценности гражданской, а не этнической. Патриотизм возносится отцами Церкви в разряд наибольшей ценности для каждого христианина. Григорий Богослов отмечал, что у всех помимо матери, которая родила, есть еще одна общая мать – Родина [33]. Все христиане равны перед Богом, все должны исповедовать единые нормы и ценности, что предполагает единые критерии справедливости – единство по вере.

В Новое время понятие «Отечество» в европейской культуре находилось в неразрывной связи с понятием «патриотизм». Отношения между государством и его гражданами определялись с позиции патернализма, что предполагало фиксированные обязанности как гражданина по отношению к государству, так и государства по отношению к гражданину. Большой ин-

терес представляет теория общественного договора, которая регламентировала отношения граждан и государства.

По мнению И. Канта, именно нравственность делает граждан свободными и равными. Для Г.В.Ф. Гегеля основанием формирования патриотизма служит осознание неограниченной, абсолютной власти государства. Так, всякий гражданин должен быть готов отдать жизнь на благо общества. При этом действовать он должен по своей воле и самостоятельно. [8, с. 70].

По-другому трактовалось понятие «патриот» в эпоху Американской и Французской революции: оно подменялось понятием «революционер». Символами патриотизма, соответственно, стали «Декларация независимости» и «Марсельеза».

Обсуждение результатов. Для традиционной русской культуры патриотизм, служение Отечеству – одна из важнейших ценностей, одна из составляющих национальной идеи, формирование и развитие которой тесно связано с именами В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова, Ф.М. Достоевского, Н.А. Бердяева и большого числа других русских мыслителей. Развитая ими социокультурная модель «патриотической идеи» концентрированно отражает результаты развития русского национального сознания.

На протяжении всей истории России ее народы были вынуждены отражать нападения со стороны иноземных захватчиков. Идея независимости России и служение Отечеству выступали как объединяющая сила, ставшая впоследствии основой государственной идеологии. «Защита своего Отечества в России издревле рассматривалась как высшая обязанность человека» [16, с. 154]. Идея объединения русских земель в борьбе против общего врага на основе служения Отечеству как действенного патриотизма находит отражение у многих мыслителей средневековой Руси: в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона, в «Молении» Даниила Заточника, в «Поучении» Владимира Мономаха, в проповедях Сергия Радонежского. В «Повести временных лет» впервые в русской политической мысли предпринята попытка осмысления единства Земли Русской и ее единой истории [26].

Процесс освобождения страны от чужеземного ига и становление русского централизованного государства позволило московским князьям Ивану Калите, Дмитрию Донскому и др. проявлять деятельный патриотизм, собирая русские земли вокруг Москвы. Пример духовного подвижничества во славу Отечества – фигура Сергия Радонежского. После падения Константинополя в 1453 формируется концепция «Москва — третий Рим»: власть второго Рима пала, и благодать воссияла в третьем Риме — Москве.

Наиболее активно понятие «патриотизм» стало употребляться на рубеже XVII – XVIII вв [27, с. 3], при этом необходимо отметить, что содержа-

ние этого понятия у россиян отличалось. Наиболее часто встречающиеся микроконтексты употребления данного слова составляют своего рода понятийный ряд: «сыны Отечества», «отец Отечества», «долг перед Отечеством». Хотя секулярный смысл этого понятийного ряда логично коррелирует с просветительской моделью государства, «в языке сопоставленность земного и небесного сохраняется» [19, с. 40].

Первым из российских мыслителей, кто раскрыл сущность патриотизма, был А.Н. Радищев. В своей работе «Беседа о том, что есть сын Отечества» он определил патриотизм как «бескорыстное стремление служить делу процветания своей Родины, твердость в предприятии, неутомимость в исполнении». По мнению Радищева патриотом можно назвать «сына Отечества», а под «подлинным патриотизмом» писатель понимал готовность пожертвовать собой: «... ежели уверен в том, что смерть его принесет крепость и славу отечеству» [30]. В интерпретации Вл. Даля патриотизм – это «любовь к отчизне», а патриот, по его мнению, – это «любитель отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник» [11, ст. 56]. Для русских мыслителей патриотизм – это неотъемлемая составляющая системы духовных ценностей, идеал. «Любовь к отечеству, – писал В. Г. Белинский, – должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего. Любить свою родину – значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих сил соответствовать этому» [3, с. 639].

Идеологические споры XIX в. демонстрируют различное понимание «патриотизма». Предшественник западников П. Я. Чаадаев считал, что России нужно «прежде всего, искренне приступить к осмотрению своего положения, и всякий благонамеренный россиянин должен в сем случае отбросить в сторону тот ложный патриотизм, который ищет прикрывать недостатки и выказывать одни блестящие стороны своего отечества...» [Цит. по: 16, с. 158]. Славянофилы связывают патриотизм с ценностью «Святой Руси», демократическая интеллигенция сформировала такой образ Отечества, который призывал к становлению социально справедливого мира здесь и сейчас.

Советская система ценностей коренным образом трансформировала понятие «Отечество». Во-первых, понятие «Отечество» потеряло религиозную составляющую. Во-вторых, оно стало в высшей степени идеологизировано и политизировано.

В это же время продолжается осмысление этого понятия в среде русской эмиграции. Выдающийся философ Русского Зарубежья И.А. Ильин, стремясь сохранить патриотические чувства вынужденных эмигрантов из России, противопоставил Отечество «географическое и этнологическое» Отечеству «духовному»: «Где бы я ни был и что бы я ни делал, мое

Отечество всегда во мне как духовная сущность моей души, меня самого» [13, с. 233].

Роль и значение патриотизма резко возрастают на крутых переломах российской истории, когда объективные тенденции развития общества сопровождаются объединением сил его граждан. Вспоминая суровые дни контрнаступления под Москвой, Маршал Победы Г. К. Жуков отмечал: «Это были особые, незабываемые дни, когда единое для всего советского народа стремление отстоять Родину и величайший патриотизм поднимали людей на подвиг» [Цит. по: 16, с. 158].

Связь патриотизма со служением Отечеству подчеркивал Н.А. Добролюбов: «В человеке порядочном патриотизм есть не что иное, как желание трудиться на пользу своей страны, и происходит не от чего другого, как от желания делать добро, – сколько возможно больше и сколько возможно лучше» [12].

Представляется закономерным обратить пристальное внимание исследователей на теоретические проблемы, связанные с понятием «патриотизм». Необходимо проанализировать его сущность, структуру и разновидности. Так, Т.Е. Вежевич выделяет два уровня в структуре патриотизма:

- макроуровень: здесь патриотизм выступает в качестве важной части сознания общества и проявляется в таких духовных феноменах, как коллективные чувства, настроения, настроениях, оценки, доминирующие ценности, отношение к своему государству, народу, истории, культуре, образу жизни;
- микроуровень проявляется через характеристики отдельной личности: свойственные ей мировоззрение, духовно-нравственные идеалы и поведение [4].

С точки зрения науки, большой интерес представляет классификация разновидностей патриотизма, разработанная В.И. Лутовиновым. Он подробно анализирует такие его разновидности как духовно-религиозный, личностный, как чувство любви к Родине, государственный, классовый, социалистический, народный, русский, гражданский, рационально-критический [18]. Его ценность состоит в том, что В.И. Лутовинов рассматривает данное понятие как явление многоаспектное, позволяет каждому, кто не чужд патриотизма, определиться, что такое патриотизм и что он значит для каждого конкретного индивида. А.Н. Вырщиков и М.Б. Кусмарцев характеризуют патриотизм как чувство, как сознание, как отношение, как деятельность [6]. Деятельностный патриотизм, в оппозиции к пассивно-созерцательному восприятию духовных ценностей, является гораздо более ценным, чем высокопарные высказывания.

Также можно выделить особую форму патриотизма, при котором слова об уважении и любви к Отечеству остаются пустыми словами, а поступки

свидетельствуют о совсем другой системе ценностей. Также бывает и так называемый «стыдливый» патриотизм», последовательный и откровенный в оценке пороков, грехов и в раскаянии за них, но лишенный потенциала созидания, ибо вновь и вновь обращается к неумеренной самокритике, «посыпая головы пеплом».

Для русской истории характерно динамическое развитие культуры и ее форм, меняющееся понимание системы ценностей, последовательное развитие представлений об их подлинном содержании, определяемом основными тенденциями развития как самой России, так и человеческого общества в целом. В декабре 2022 г. исполнилось 100 лет со дня образования СССР и за это столетие произошли крупные трансформации культуры в общественном сознании российской нации: от культуры мобилизационного управления (советский период) через культуру личной выгоды и потребительства (период «перестройки» и «постперестройки»). Наиболее актуальной представляется понятие патриотизма в рамках культуры ответственности. Именно такая культура является важнейшим условием стабильности и развития нашего многонационального Отечества в XXI веке.

В начале 1990-х гг., когда сформировался псевдолиберальный суррогат идей вокруг так называемых «общечеловеческих ценностей», когда началась активная вестернизация образа жизни. С точки зрения такого подхода (космополитического, по А.Н. Вырщикову и М.Б. Кусмарцеву) патриотом является лишь тот, кто безоговорочно подчиняет себя либеральным (а на деле – псевдолиберальным) ценностям. Заявления таких «патриотов» о преданности Отечеству зачастую оборачиваются предательством его коренных, стратегических интересов. Справедливо указывал немецкий поэт Генрих Гейне: «Во все времена негодяи старались маскировать свои гнусные поступки преданностью интересам религии, нравственности и любви к отечеству» [Цит. по: 39, с. 75]. С горькими словами Г. Гейне перекликаются размышления Н.Г. Чернышевского: «Слово «патриотизм» иногда употребляется во зло не понимающими его людьми для обозначения вещей, не имеющих ничего общего с истинным патриотизмом» [46, с. 575].

Особенно актуальны сегодня слова выдающегося русского поэта Н.А. Некрасова о том, что любовь к Отечеству заключается, среди прочего, «в готовности нести ему на алтарь достояние и самую жизнь; и горячем сочувствии ко всему хорошему в нем и в благородном негодовании против того, что замедляет путь к совершенствованию...» [21, с. 168].

Российская цивилизация, как и на всем протяжении своей истории, отстаивает свои собственные ориентиры, свои нравственные установки, свои истины. И это – истины многонационального русского народа, который длительное время существовал и существует в уважении к представителям разных этносов, культур, вероисповеданий.

Отстаивание российских ценностей будет успешным только тогда, когда ответственность за судьбу страны, за судьбу государства станет внутренним достоянием каждого гражданина России.

Заключение. Патриотизм на всех этапах российской истории, являясь важнейшей национальной ценностью, никогда не был абстрактным, он всегда служил конкретным целям сохранения государства, укрепления его политической, военной, экономической мощи, развития национальной культуры. Его формы и методы менялись в соответствии с историческими задачами России.

Каковы характеристики патриотизма в третьем десятилетии XXI века? Отметим некоторые из них:

- активная действенность, поскольку патриотизм в действии – это служение Отечеству;
- чувство Родины и преданности ей, основанное на традиционных навыках общинности, соборности, инициативы и ответственности;
- гордость за героическое прошлое Отечества, судьбоносные периоды его истории, приверженность идеалам, ценностям и традициям народов России,
- чувство долга перед Родиной, готовность защищать, сохранять и приумножать честь и славу российского Отечества;
- служение интересам Отечества: защита территориальной, политической, культурной целостности государства, всемерное содействие сбережению и приумножению нации;
- ответственность за судьбу Родины и своего народа, их будущее, стремление использовать свои собственные силы в сохранении и приумножении ее славы.

Библиографический список:

- [1] Азарова А.В. К вопросу об истории развития идеологии патриотизма в России // Вестник военного ун-та. 2010. № 3. С. 21-25.
- [2] Артановский С.Н. Понятие Родины: современные модификации // Вестн. С-Петерб. гос. ун-та культуры и искусства. 2012. № 3. С. 6-10.
- [3] Белинский В.Г. Стихотворения М.Ю. Лермонтова // Соч. в 3 т. М.: Госполитиздат, 1948. Т. 1. С. 630-696.
- [4] Вежевич Т.Е. Моделирование региональных систем патриотического воспитания школьников // Автореферат диссертационного исследования. // URL: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/modelirovanie-regionalnyh-sistem-patrioticheskogo-vospitanija-shkolnikov.html> (Дата обращения: 28.03.2023).
- [5] Грошев И.Л. Лжепатриотизм – социальный парадокс постмодерна / И.Л. Грошев, И.А. Грошева // Научная конференция: Практическая философия: состояние и перспективы. Судак, 24-25 мая 2018 г. Симферополь: ООО «Антиква», 2018. С. 75-78.
- [6] Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе. Монография. Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006. 172 с. // URL: <http://xn--80aejtnagbc2ag.xn--p1ai/tinybrowser/files/vospmolod/monografiya.pdf> / (Дата обращения: 18.03.2023).
- [7] Галицко-Волынская летопись // URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4961> (Дата обращения: 2.06.2023).
- [8] Гегель Г.В. Ф. Работы разных лет: В 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2.
- [9] Грошев И.Л. Лжепатриотизм – социальный парадокс постмодерна / И.Л. Грошев, И.А. Грошева // Научная конференция: Практическая философия: состояние и перспективы. Судак, 24-25 мая 2018 г. // URL:

- <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36637558> (Дата обращения: 28.08.2021).
- [10] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.]. 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1-4. СПб., М.: т-во М. О. Вольф, 1907. Т. 2. Ст. 1879.
- [11] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.]. 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1-4. СПб., М.: т-во М. О. Вольф, 1907. Т. 3. Ст. 1697.
- [12] Добролюбов Н.А. Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым. Статья первая // URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/3089435/60172890/&art=3089435&user=18129105&uilang=ru&catilid2&track_reading (Дата обращения: 15.04.2023).
- [13] Ильин И.А. Речь (на торжественном вечере немецкого Красного Креста и общества по изучению Восточной Европы) перед русскими профессорами-изгнанниками 14 ноября 1922 года // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 9-10. С. 233-234.
- [14] Кожурин Ю.Ф. Исторические типы патриотизма: от монолога Отечества — к диалогу личности и власти // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2008. № 1. С. 63-73.
- [15] Комлева Н.А. Маргинальное отчество. Заметки на полях геополитического процесса // Пространство и время. 2014. № 3. С. 24-33.
- [16] Ливцов В.А., Пожидаев А.С. Эволюция понятия «патриотизм»: через прошлое к будущему // Вестник Военного университета. 2010. № 3 (23). С. 151-162.
- [17] Лукиан. Сочинения: в 2 т. Т. 1. СПб., 2001. 470 с.
- [18] Лутвинов В.И. Современный Российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления // Studia Humanitatis. 2013. № 2. // URL: <https://st-hum.ru/content/lutovinov-vi-sovremennyy-rossiyskiy-patriotizm-sushchnost-osobennosti-osnovnyye-napravleniya> (Дата обращения: 25.03.2023).
- [19] Мурина И.Я. Концепт «отчество» в патриотическом дискурсе // Вестник славянских культур. 2017. Т. 46. С. 39-50.
- [20] Наливайченко И.В. Образ Родины как объект патриотизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5. С. 126-130.
- [21] Некрасов Н.А. Заметки о журналах за сентябрь 1855 года // Полн. собр. соч. и писем в 15 тт. Т.11. Кн. вторая. Л.: Наука, 1990.
- [22] Немировский А. История раннего Рима и Италии. Воронеж: ВГУ, 1962. 303 с.
- [23] Одинцов М.И. Православные воззрения на отчество и патриотизм // РОИР. // URL: <https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-121/> (Дата обращения: 04.05.2023).
- [24] Пашута В.Л., Яковлева Е.О. Подмена понятий о родине и отечестве, стране и государстве в современном мире // Сборник статей итоговой научн. конф. Военно-научного общества Военного ин-та физик. культуры. СПб., 2019. С. 85.
- [25] Платон. Избранные диалоги / пер. М.С. Соловьева. М.: Худ. литература, 1965. 442 с.
- [26] Повесть временных лет / сост., примеч. и укр. А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина; вступ. ст. и пер. А.Г. Кузьмина; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации: Родная страна, 2014. 544 с.
- [27] Преображенский А.А. Во славу Отечества: патриотические традиции русского народа // Преподавание истории в школе. 1993. № 1. С. 3-13.
- [28] Путин: «Я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин...» // URL: <https://www.kp.ru/daily/27371/4553876/>
- [29] Путин: патриотизм - «это и есть национальная идея» // URL: <https://tass.ru/politika/2636647> (Дата обращения: 15.04.2023)
- [30] Радищев А. Н. Беседа о том, что есть Сын Отечества // URL: <https://posttrf.ru/blog/beseda-o-tom-cto-est-syn-otechestva/> (Дата обращения: 8.04.2023)
- [31] Рымарева Е.Н. Концепт «родина» в сборнике стихотворений А.С. Тарзханова «Исповедь язычника» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 15. № 3. С. 20-27.
- [32] Сандомирская И.И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 2001. 281 с.
- [33] Святитель Григорий Богослов. Письма // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Bogoslov/pisma/
- [34] Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу // URL: http://www.drevne.ru/lib/boris_gleb_s.htm (Дата обращения: 2.06.2023).
- [35] Сказание о Мамаевом побоище // URL: <http://www.drevne.ru/lib/mamay.htm> (Дата обращения: 2.06.2023).
- [36] Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Электронные публикации Института русской литературы. // URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4868>
- [37] Телия В.Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «родина» // Славянские этюды. Сб. к юбилею С. М. Толстой. М.: Индрик, 1999. С. 466-476.
- [38] Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель, АСТ, 2000. Т. 3. 1424 с.
- [39] Толстой Л.Н. Круг чтения. Афоризмы и наставления. М.: Эксмо, 2013. 944 с.

- [40] Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 г. // URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1584202/>
- [41] Ушинский К.Д. Наше Отечество // URL: <https://сезоны-года.рф/рассказ%20о%20России%20стр3.html> (дата обращения – 15.04.2023).
- [42] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. 831 с.
- [43] Федотов Г.П. Судьба и грехи России: в 2 т. Т. 2. СПб.: София, 1992. – 348 с.
- [44] Фюстель де Куланж Н.-Д. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. М.: Центрполиграф, 2010. 530 с.
- [45] Цицерон. Диалоги «О государстве», «О законах». М.: Наука, 1966. 224 с.
- [46] Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1950.
- [47] Чикаева Т.А. Родина или Отечество: разграничение понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2017. № 1. С. 90-99.
- [48] Чикаева Т.А. Родина и отечество. Функции отечества // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация. Материалы V Международной научной конференции. М.: Изд-во МХПИ, 2021. С. 46-52.

Reference

- [1] Azarova A.V. On the question of the history of the development of the ideology of patriotism in Russia // Bulletin of the Military University. 2010. № 3. P. 21-25.
- [2] Artanovsky S.N. The concept of the Motherland: modern modifications // Vestn. St. Petersburg state University of Culture and Art. 2012. № 3. P. 6-10.
- [3] Belinsky V.G. Poems by M.Yu. Lermontov // Op. in 3 volumes. М.: Gospolitizdat, 1948. Vol. 1. P. 630-696.
- [4] Vezhevich T.E. Modeling of regional systems of patriotic education of schoolchildren // Abstract of dissertation research. // URL: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/modelirovanie-regionalnyh-sistem-patrioticheskogo-vospitanija-shkolnikov.html> (03.28.2023).
- [5] Groshev I.L. False patriotism – a social paradox of postmodernity / I.L. Groshev, I.A. Grosheva // Scientific conference: Practical philosophy: state and prospects. Sudak, May 24-25, 2018. Simferopol: Antikva LLC, 2018. P. 75-78.
- [6] Vyreshchikov A.N., Kusmartsev M.B. Patriotic education of youth in modern Russian society. Monograph. Volgograd: NP IPD "Author's Pen", 2006. 172 p. // URL: <http://xn--80aejtnagbc2ag.xn--plai/tinybrowser/files/vospmolod/monografiya.pdf> / (03.18.2023).
- [7] Galicia-Volyn Chronicle // URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4961> (06.2.2023).
- [8] Hegel G.V. F. Works of different years: In 2 volumes. М.: Mysl, 1971. Vol. 2.
- [9] Groshev I.L. False patriotism – a social paradox of postmodernity / I.L. Groshev, I.A. Grosheva // Scientific conference: Practical philosophy: state and prospects. Sudak, May 24-25, 2018 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36637558> (08.28.2021).
- [10] Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: [in 4 volumes]. 3rd ed., rev. and meaning add., ed. edited by [and with a foreword] prof. I.A. Baudouin-de-Courtenay. Vol. 1-4. St. Petersburg, М.: М. O. Wolff, 1907. Vol. 2. Art. 1879.
- [11] Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: [in 4 volumes]. 3rd ed., rev. and meaning add., ed. edited by [and with a foreword] prof. I.A. Baudouin-de-Courtenay. Vol. 1-4. St. Petersburg, М.: М. O. Wolff, 1907. Vol. 3. Art. 1697.
- [12] Dobrolyubov N.A. Russian civilization, composed by Mr. Zherebtsov. Article one // URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/3089435/60172890/&art=3089435&user=18129105&ui-lang=ru&catalit2&track_reading (04.15.2023).
- [13] Ilyin I.A. Speech (at a gala evening of the German Red Cross and the Society for the Study of Eastern Europe) before Russian exiled professors on November 14, 1922 // Ilyin I.A. Collection cit.: in 10 volumes. М.: Russian Book, 1999. Vol. 9-10. P. 233-234.
- [14] Kozhurin Yu.F. Historical types of patriotism: from the monologue of the Fatherland to the dialogue between the individual and the authorities // Humanitarian: current problems of science and education. 2008. № 1. P. 63-73.
- [15] Komleva N.A. Marginal patronymic. Notes on the margins of the geopolitical process // Space and Time. 2014. № 3. P. 24-33.
- [16] Livtsov V.A., Pozhidaev A.S. Evolution of the concept of "patriotism": through the past to the future // Bulletin of the Military University. 2010. № 3 (23). P. 151-162.
- [17] Lucian. Works: in 2 volumes. Vol. 1. St. Petersburg, 2001. 470 p.
- [18] Lutovinov V.I. Modern Russian patriotism: essence, features, main directions // Studia Humanitatis. 2013. № 2. // URL: <https://st-hum.ru/content/lutovinov-vi-sovremennyy-rossiyskiy-patriotizm-sushchnost-osobnosti-osnovnye-napravleniya> (03.25.2023).

- [19] Murzina I.Ya. The concept of “fatherland” in patriotic discourse // *Bulletin of Slavic Cultures*. 2017. Vol. 46. P. 39-50.
- [20] Nalivaychenko I.V. The image of the Motherland as an object of patriotism // *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. 2011. № 5. P. 126-130.
- [21] Nekrasov N.A. Notes on magazines for September 1855 // *Complete. collection Op. and letters in 15 volumes*. T.11. Book second. L.: Nauka, 1990.
- [22] Nemirowsky A. History of early Rome and Italy. Voronezh: VSU, 1962. 303 p.
- [23] Odintsov M.I. Orthodox views on the fatherland and patriotism // *ROIR*. // URL: <https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-121/> (05.04.2023).
- [24] Pashuta V.L., Yakovleva E.O. Substitution of concepts about homeland and fatherland, country and state in the modern world // *Collection of articles of the final scientific. conf. Military Scientific Society of the Military Institute of Physics. culture*. SPb., 2019. P. 85.
- [25] Plato. Selected dialogues / trans. M.S. Solovyova. M.: Khud. literature, 1965. 442 p.
- [26] The Tale of Bygone Years / comp., note. and uk. A.G. Kuzmina, V.V. Fomina; entry Art. and lane A.G. Kuzmina; resp. ed. O.A. Platonov. M.: Institute of Russian Civilization: Native Country, 2014. 544 p.
- [27] Preobrazhensky A.A. For the glory of the Fatherland: patriotic traditions of the Russian people // *Teaching history at school*. 1993. № 1. P. 3-13.
- [28] Putin: “I am Lak, I am Dagestani, I am Chechen, Ingush, Russian, Tatar, Jew, Mordvin, Ossetian...” // URL: <https://www.kp.ru/daily/27371/4553876/>
- [29] Putin: patriotism “is the national idea” // URL: <https://tass.ru/politika/2636647> (04.15.2023)
- [30] Radishchev A. N. Conversation about what is the Son of the Fatherland // URL: <https://postfr.ru/blog/beseda-otom-cho-est-syn-otechestva/> (8.04.2023)
- [31] Rymareva E.N. The concept of “homeland” in the collection of poems by A.S. Tarkhanov “Confession of a Pagan” // *Human Science: Humanitarian Research*. Vol. 15. № 3. P. 20-27.
- [32] Sandomirskaya I.I. A book about the Motherland. Experience in analyzing discursive practices. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 2001. 281 pp.
- [33] Saint Gregory the Theologian. Letters // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Bogoslov/pisma/
- [34] Legend and suffering and praise to the holy martyrs Boris and Gleb // URL: http://www.drevne.ru/lib/boris_gleb_s.htm (06.2.2023).
- [35] The Legend of the Massacre of Mamayev // URL: <http://www.drevne.ru/lib/mamay.htm> (06.2.2023).
- [36] A Word about the Law and Grace of Metropolitan Hilarion // *Electronic publications of the Institute of Russian Literature*. // URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868>
- [37] Telia V.N. Reflexes of archetypes of consciousness in the cultural concept of “homeland” // *Slavic etudes*. Sat. to the anniversary of S. M. Tolstoy. M.: Indrik, 1999. P. 466-476.
- [38] Explanatory dictionary of the Russian language / under. ed. D.N. Ushakova. M.: Astrel, AST, 2000. Vol. 3. 1424 p.
- [39] Tolstoy L.N. Reading circle. Aphorisms and instructions. M.: Eksmo, 2013. 944 p.
- [40] Decree of the President of the Russian Federation “On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” dated November 9, 2022 // URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1584202/>
- [41] Ushinsky K.D. Our Fatherland // URL: <https://seasons-goda.rf/story%20o%20Russia%20str3.html> (04.15.2023).
- [42] Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Vol. 3. M.: Progress, 1987. 831 p.
- [43] Fedotov G.P. Fate and sins of Russia: in 2 volumes. Vol. 2. St. Petersburg: Sofia, 1992. – 348 p.
- [44] Fustel de Coulanges N.-D. Ancient city. Religion, laws, institutions of Greece and Rome. M.: Tsentrpoligraf, 2010. 530 p.
- [45] Cicero. Dialogues “About the State”, “About Laws”. M.: Nauka, 1966. 224 p.
- [46] Chernyshevsky N.G. Selected philosophical works: in 2 volumes. Vol. 1. M., 1950.
- [47] Chikaeva T.A. Motherland or Fatherland: differentiation of concepts // *Bulletin of Leningrad State University*. A.S. Pushkin. 2017. № 1. P. 90-99.
- [48] Chikaeva T.A. Homeland and fatherland. Functions of the Fatherland // *Image of the Motherland: content, formation, actualization. Materials of the V International Scientific Conference*. M.: Publishing house MHPI, 2021. P. 46-52.

Иванова М.Е.

*Старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова, Москва.*

Резцова Н.В.

*Доцент кафедры иностранных языков №2. ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
Москва. Доцент кафедры русского и иностранного языков ФГБОУ ВО
«Всероссийский государственный университет кинематографии
имени С.А. Герасимова (ВГИК)», Москва.*

Патриотизм и служение отечеству**как национальная идея: общественно-исторический обзор**

Аннотация. В основе общероссийской гражданской идентичности лежат традиционные российские духовно-нравственные ценности, совокупность которых следует рассматривать как самостоятельную мировоззренческую основу современной идеологии Российской цивилизации. В связи с этим существует необходимость теоретического осмысления каждой из этих ценностей. В связи с осмыслением ценности «служение Отечеству» в статье анализируется развитие представлений об Отечестве, Отчизне, Родине в российской национальной культуре. Выявлено соотносительное содержание этих понятий, показаны основные этапы развития представлений о патриотизме в русском национальном сознании. Показаны основные подходы современных исследователей к структуре и основным типам патриотизма. Показаны антиподы патриотизма и основные разновидности лжепатриотизма.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, Отечество, Родина, Отчизна, патриотизм, лжепатриотизм, служение Отечеству.

Ivanova M.E.

*Senior teacher of Chair of Foreign Languages № 2.
The Plekhanov Russian University of Economics.*

Rezepova N.V.

*Associate Professor of Chair of Foreign Languages № 2.
The Plekhanov Russian University of Economics. Associate Professor
of Chair of Russian and Foreign Languages, Russian State University
of Cinematography named after S. Gerasimov (VGIK).*

**Patriotism and service to the fatherland
as a national idea: a socio-historical review**

Abstract. The all-Russian civil identity is based on the traditional Russian spiritual and moral values, the impact of which should be considered as an independent worldview basis of the modern ideology of Russian civilization. In this regard, there is a need for a theoretical understanding of each of these values. In connection with the understanding of the value of «serving the Fatherland,» the article analyzes the development of ideas about the Fatherland, the Fatherland, and the Motherland in the national Russian culture. The correlative content of these concepts was revealed, along with the main stages of the development of ideas about patriotism in the national Russian consciousness. The main approaches to the structure and main types of patriotism on the part of modern researches are identified. Antipodes of patriotism and the main varieties of false patriotism are revealed.

Key words: spiritual and moral values, Fatherland, Motherland, Homeland, patriotism, false patriotism, service to the Fatherland.

Дьяков С.И.

Кандидат педагогических наук, доцент. Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург.

Горохов В.В.

Кандидат исторических наук, доцент. Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург.

Ванягин В.Е.

Кандидат военных наук. Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург.

**Образовательный процесс (порядок
набора, переподготовка, результаты боевых
артиллерийских стрельб, тактические учения
и совершенствование учебно-материальной базы)
в Рязанском Артиллерийском Училище с 1946-1958 гг.***

Введение

С окончанием Великой Отечественной войны сокращались наборы в военно-учебные заведения. Повышались требования к поступающим различных категории (военнослужащие, выпускники Суворовских военных училищ, Артиллерийских подготовительных училищ и гражданская молодежь). С появлением новых образцов ВВСТ повышались требования к подготовке специалистов. Вводились новые специальности подготовки, необходимые для более эффективного применения образцов ВВСТ в ходе их боевого применения. С этой целью увеличивалось количество полевых занятий, в том числе в условиях плохой видимости, изменялась и совершенствовалась учебно-материальная как полевая, так и классная в военно-учебных заведениях.

Основная часть

В 1946 году требования для поступления в училище были по принципу добровольности для гражданской молодежи имеющих образование 10 классов, а для фронтовиков – 9 классов, по возрасту должны были быть не старше 23 лет. На момент 1 сентября в училище обучались курсанты: с образованием 10 классов – 263 чел., с образованием 9 классов – 189 чел. [1].

* © Дьяков С.И., Горохов В.В., Ванягин В.Е., 2023.

Качественная характеристика переменного состава в 1947 г. повысилась (80% – имело образование 10 классов и 20% – 9 классов) [1, Л. 54]. В таблице 1 представлена количественно-качественная характеристика некоторых наборов курсантов.

Таблица 1. Количественно-качественная характеристика набора в РАУ (1946-1948 гг. и 1950 г, 1951 г.) [1, Л. 56, Л. 60 об., Л. 63 об.].

Год	Набор (количество чел.)	Военнослужащие (уровень образования)	СВУ (уровень образования)	Артиллерийские подготовительные училища (уровень образования)	Гражданская молодежь (уровень образования)
1946	152			92 (10 кл.)	60 (10 кл.)
1947	155			1 и 2 МАПУ – 155 (10 кл.)	
1948	154			96 (10 кл.)	58(10 кл.)
1950	232	4 (10 кл.)	19 (10 кл)	76 (10 кл.)	133
1951	209	8 (10 кл.)		155 (10 кл.)	46 (10 кл.)

В 1950 г. при училище был организован и проведен 3-месячный сбор (с 1 июля по 30 сентября) по переподготовке офицеров запаса (125 человек). Ход занятий и подготовка офицеров запаса подвергалась проверке со стороны вышестоящего командования [1, Л. 60].

В 1950/51 уч. г. училище по результатам боевой и политической подготовки заняло 3 место в системе артиллерийских ВУЗов. В 1951 г. в училище был организован и проведен 3-х месячный сбор с 1 июня по 30 августа 1951 г. по переподготовке офицеров запаса (99 чел.). Ход занятий и подготовка офицеров запаса подвергалась проверке со стороны представителя Главного Управления Боевой и Физической подготовки СА и Командующего Артиллерией СА.

Выводы комиссии: программа в целом усвоена вполне удовлетворительно, и задачи, поставленные командованием о переподготовке командиров взводов и батарей артиллерийской звуковой разведки, выполнены. Из числа 99 слушателей закончили программу ком. батареей звуковой разведки 27 человек, ком. взводов звуковой разведки 72 человека.

В 1952 г. были проведены сборы офицерского состава запаса [2]:

С 1 по 30 июля по специальности арттопографической службы;

С 1 июля по 30 августа по специальности артзвуковой разведки.

Сборами охвачено 202 офицера запаса. Программа подготовки офицерами запаса освоена хорошо, с общим баллом по всем предметам 4,29. Из числа 202 офицеров запаса успешно закончили сбор и аттестованы учили-

щем: командирами взводов топографической разведки – 45; командирами взводов звуковой разведки – 58; командирами батарей топографической разведки – 28; командирами батарей звуковой разведки – 47; начальниками топослужб полка – 21; командирами РАД – 1.

В период мая-августа при училище были проведены сборы офицерского состава запаса по специальности арттопографической службы. Сборами было охвачено 74 человека, из них закончили сбор успешно и аттестованы училищем: командирами батарей топографической разведки – 9; командирами взводов топографической разведки – 64. Программа подготовки офицерами запаса усвоена хорошо, с общим баллом по всем предметам – 4,00.

Командирская подготовка проводилась согласно требованиям приказа Военного Министра № 00275 и директивы Заместителя Командующего Артиллерией СА № 1236432с от 22 декабря 1952 г. Результаты смотри табл. 2.

Таблица 2. Оценки по командирской подготовке офицеров училища 1952 г. [3].

Предмет	Средний балл
Оперативно-тактическая подготовка	4,44
Артиллерийско-стрелковая подготовка	4,21
Техническая подготовка	4,37
Стрелковая подготовка	3,63

В таблицах 3, 4 представлены результаты артиллерийских стрельб офицеров и курсантов в 1950 г., 1951 г.

Таблица 3. Результаты боевых артиллерийских стрельб офицеров и курсантов в 1950 г.

Категория	Количество	Из них выполнили							
		Отлично		Хорошо		Посредств		Плохо	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
3 курс	199	167	83,9	30	15,1	2	1,0	-	-
2 курс	98	68	69,4	18	18,4	8,2	-	2	2
Офицеры	33	17	51,5	11	33,3	5	15,2	-	-

Основная масса офицеров и курсантов по своему профессиональному предназначению были подготовлены в указанные года на «Отлично».

В марте 1952 г. боевые артиллерийские стрельбы выполняло 192 курсанта (общая оценка «отлично»). В июне 1952 г. боевые артиллерийские

стрельбы выполняло 122 курсанта (общая оценка «отлично»). Результаты офицеров в 1952 г. (отл. – 20, хор. – 9, удов. – 3, неуд.– 3) [4, 5].

Таблица 4. Результаты артиллерийских стрельб офицеров и курсантов в 1951 году [3, Л. 63].

Категория	Стреляло, чел.	Из них выполнили (чел.)			
		Отлично	Хорошо	Посредственно	Плохо
Офицеры	26	14	7	3	2
Курсанты 2 курса	193	137	29	20	7

В 1952 году проведенные зачетные боевые артиллерийские стрельбы постоянного и переменного состава характеризовались следующими результатами (см. табл. 4). Всего было проведено 315 стрельб. Курсанты 1 курса, выполняя 2 задачу согласно Курсу стрельб, показали следующие результаты (см. табл. 5).

Таблица 5. Оценки за боевую стрельбу офицеров РАУ на проверке в 1952 г. [5, Л. 69 об.].

№ п/п	Оценка	Офицеры	Курсанты 1 курса	Курсанты 2 курса
1	Отлично	26	261	200
2	Хорошо	13	40	62
3	Удовлетворительно	2	14	9

1953/54 уч. г. характеризовался коренными изменениями в боевой и политической подготовке училища в связи с обучением личного состава боевым действиям в условиях применения атомного оружия.

В 1954 г. курсантами и офицерами было проведено 267 боевых артиллерийских стрельб, из которых 30% было проведено в зимний период обучения, результаты выполнения стрельб (отл. – 169, хор. – 77, удов. – 21) [5, Л. 71 об.].

Личным составом училища в 1954 г. в пункте постоянной дислокации были построены: тир с дальностью стрельбы на 100 м., караульное помещение, КПП и магазин военторга, спецкласс для изучения личным составом атомного оружия; мастерские учебного отдела и КЭО; начато строительство крытого гаража и клуба, 5-тиэтажного дома для офицерского состава. В лагере был заново построен палаточный лагерь, клуб с библиотекой, здание медицинской части, 20 крытых классов, 9 винтполигонов, автодром, инженер-

ный городок с учетом ПАЗ, 3 комнаты политико-просветительной работы, реконструированы здание штаба училища и офицерской столовой [5, Л. 72].

В 1955 г. с офицерским составом была проведена командно-штабная игра, которая показала наличие прочных теоретических знаний и практических навыков у офицерского состава в сложных условиях современного боя [5, Л. 74]. Проведенные боевые зачетные стрельбы офицерского состава и курсантов-выпускников показали достаточный уровень артстрелковой подготовки в училище (смотри табл. 6). В 1955 г. приступили к строительству крытого винтполигона [5, Л. 74 об.].

Таблица 6. Результаты боевые зачетные стрельбы офицерского состава и курсантов-выпускников в 1955 году.

№ п/п	Оценка	Офицеры	Выпускники	
		Процент	Количество человек	Процент
1.	Отлично	69	80	50,3
2.	Хорошо	28,5	56	35,2
3.	Неудовлетворительно	2,5	23	14,5

В летний 1956 года период обучения в подготовке офицерского и курсантского состава исключительно большое внимание уделялось артиллерийско-стрелковому мастерству будущих офицеров-артиллеристов. С этой целью были введены ежедневные летучки по решению артиллерийско-стрелковых задач, проведено ряд показательных занятий по организации и проведению артиллерийско-стрелковых тренажей. Боевые артиллерийские стрельбы проводились на фоне батарейных и дивизионных тактических учений, что позволило создавать для стреляющих трудные условия современного боя. Кроме того, в летний период обучения большое внимание было обращено вопросу ночной подготовки курсантов и офицеров. С этой целью все батарейные тактические учения проводились ночью. Было проведено значительное количество показательных занятия для офицерского состава ночью [5, Л. 75 об.].

С выходом приказа Главного командующего Сухопутными войсками № 030 от 16 мая 1956 г. большое внимание было уделено строевой подготовке курсантов и офицеров. Были введены регулярные занятия по строевой подготовке с офицерским составом и увеличено количество часов на строевую подготовку с курсантами. Проведены методические сборы офицерского состава по вопросу методики обучения курсантов по строевой подготовке. В 1956 г. курсанты 3-го курса впервые сдавали выпускные экзамены по строевой подготовке. Больше стало проводиться соревнований, увеличи-

лось количество спортсменов-разрядников [5, Л. 77].

В 1956 году в училище поступили новые образцы боевой техники, в том числе материальная часть артиллерии: 122-мм пушка, 152-мм пушка-гаубица, 130-мм пушка, 152 мм-пушка, артиллерийские тягачи АТС и другие, которые офицерским и курсантским составом успешно осваивались. С офицерским составом была проведена командно-штабная игра и тактические учения с боевой стрельбой, которые показали наличие прочных теоретических знаний и практических навыков у офицерского состава в командовании артиллерийскими подразделениями в сложных условиях современного боя [5, Л. 77 об.].

Проведенные боевые зачетные артиллерийские стрельбы офицерского состава и курсантов-выпускников показали достаточный уровень артиллерийско-стрелковой подготовки в училище. Присутствовавший на боевых артиллерийских стрельбах Маршал артиллерии тов. Чистяков дал высокую оценку подготовки курсантов по артиллерийско-стрелковой подготовке (результаты смотри табл. 7).

Таблица 7. Результаты боевые зачетные стрельбы офицерского состава и курсантов-выпускников в 1956 году [5, Л. 78].

№ п/п	Оценка	Офицеры	Курсанты	
		Процент	Количество человек	Процент
1	Отлично	29,4	77	50,3
2	Хорошо	58,8	73	47,7
3	Удовлетворительно	8,8	3	2,0
4	Неудовлетворительно	3,0	-	-
5	Общая оценка	Хорошо	Отлично	

В марте-апреле в училище работала комиссия отдела кадров, в результате работы которой за слабую успеваемость и недисциплинированность 11 курсантов было отчислено из училища; кроме того, часть офицерского состава училища была направлена с повышением для работы в войсках, а часть уволена в запас по выслуге лет.

В январе 1956 года в училище произошел пожар. Сгорел крытый артиллерийский парк. Пожаром нанесен значительный ущерб государству.

Учебно-материальная база училища продолжала совершенствоваться как на зимних квартирах, так и в лагерях. В 1956 году закончено строительство крытого винтполигона. Построены площадки для проведения занятий по строевой подготовке в лагерях и на зимних квартирах [5, Л. 78 об.]. С 1-го июня по 30 июля 1956 года при училище были проведены сборы офи-

церов запаса, на которых прошла переподготовку большая группа офицеров запаса артиллерии.

В зимний период 1956/57 учебного года были проведены батарейные и дивизионные тактические учения, тактическое учение 1 дивизиона с боевой стрельбой, причем должности командиров отделений (орудий) и взводов выполняли курсанты 3 курса, которые со своими обязанностями справились хорошо. Зимние зачетные боевые артиллерийские стрельбы курсантов 2 и 3 курсов прошли более успешно, чем в предыдущем году и характеризовались следующими показателями (см. табл. 8).

Таблица 8. Результаты зимних зачетных боевых артиллерийских стрельб курсантов 2 и 3 курсов [5, Л. 79].

№ п/п	Оценка	Количество человек	Процент	Количество человек	Процент
		Второй курс		Третий курс	
1	Отлично	35	35,3	23	21,6
2	Хорошо	6	14,7	42	21,53
3	Удовлетворительно			23	21,6
4	Неудовлетворительно			16	15,3
5	Общая оценка	Отлично		Удовлетворительно	

С 1 апреля в соответствии с директивой управления боевой подготовки артиллерии № 780966 от 28.3.57 г. курсанты выпускного курса профиля корпусной и армейской артиллерии (14, 24 и 34 уч. взвод) были переведены на новый профиль обучения: два взвода по программе артиллерийско-топографической службы (14 и 34 учебные взводы) и один взвод по программе артиллерийской звуковой разведки (24 учебный взвод). Несмотря на сокращенный срок обучения курсанты на выпускных экзаменах показали прочные знания и хорошие практические навыки, они мало отличались по своей подготовке от курсантов с трехгодичным сроком обучения [5, Л. 79 об.].

В феврале 1957 года училище впервые участвовало в окружных тактических учениях. На этих учениях личный состав 1 дивизиона показал высокую полевою выучку и получил хорошую оценку.

В летний период обучения в подготовке курсантов исключительно большое внимание уделялось полевой выучке, артиллерийско-стрелковой подготовке и огневой службе. С этой целью были введены ежедневные артиллерийско-стрелковые тренажи, проведен ряд показательных занятий по организации и проведению артиллерийско-стрелковых тренажей и занятий по огневой службе, увеличилось количество занятий в поле. По этому во-

просу в апреле 1957 г. на сборах начальников циклов в Ленинграде, начальником цикла стрельбы наземной артиллерии полковником Дьяченко был сделан доклад, который был одобрен участниками совещания.

В соответствии с требованиями Министра обороны и Командующего артиллерией к ночной подготовке войск в училище этому важному разделу боевой подготовки было уделено исключительно большое внимание. Было пересмотрено планирование; количество ночных занятий было увеличено до 50% от общего количества практических занятий. Батарейные и дивизионные тактические учения проводились, как правило, ночью [5, Л. 80].

Боевые артиллерийские стрельбы проводились на фоне батарейных и дивизионных тактических учений, причем более 1/3 всех стрельб было проведено ночью. При проведении показательных артиллерийских стрельб курсантами были показаны новые виды стрельб, как например: стрельба шести орудийной батареей, стрельба с радиовзрывателем, стрельба с радиолокатором и т.д. В этом учебном году был полностью завершён переход на новую методику обучения по артстрелковой подготовке.

В июле месяце 1 дивизион под командованием подполковника Фетисова участвовал в тактических учениях с войсками Московского Военного округа, на котором офицеры и курсанты показали высокую полевую выучку, получили хорошую оценку и благодарность Командующего войсками Московского Военного округа. Также значительно больше внимания уделяется вопросам управления огнем дивизиона (группы) [5, Л. 80 об.].

Проведенные боевые зачетные артиллерийские стрельбы офицерского состава и курсантов-выпускников показали возросший уровень артиллерийско-стрелковой подготовки (смотри табл. 8) [5, Л. 81].

Таблица 8. Результаты боевые зачетные стрельбы офицерского состава и курсантов-выпускников в 1957 году.

№ п/п	Оценка	Офицеры	Курсанты	
		Процент	Количество человек	Процент
1	Отлично	25	70	55,6
2	Хорошо	65	50	39,7
3	Удовлетворительно	10	6	4,7
4	Неудовлетворительно	-	-	-
5	Общая оценка	Хорошо	Отлично	

В истекшем учебном году улучшилась спортивно-массовая работа. Больше проводилось соревнований, увеличилось количество спортсменов-разрядников [5, Л. 81 об.].

Учебно-материальная база училища продолжала совершенствоваться как на зимних квартирах, так и в лагерях. В 1957 г. закончено строительство склада «НЗ» и начато строительство крытого артиллерийского парка; расширена асфальтированная площадка для проведения занятий по строевой подготовке, усовершенствованы винтовочные полигоны, улучшено оборудование ряда учебных классов [5, Л. 82].

В 1957 году в училище поступили новые образцы боевой техники и приборов, в том числе: радиолокационная станция СНАР-2, артиллерийские тягачи АТЛ, прибор ПЗК, ночной прицел АПН-2 и другие, которые офицерами и курсантами успешно осваивались.

В 1957 г. на Всесармейских артиллерийско-стрелковых состязаниях дивизион под командованием воспитанников училища командира дивизиона подполковника Симонова и командиров батарей капитанов Кляпина, Кандалова и Рубцова показал высокую полевую выучку и артиллерийско-стрелковую подготовку, заняв первое место среди артиллерийских подразделений артиллерии Советской Армии [5, Л. 82 об.].

В 1957/58 учебном году началась подготовка курсантов по специальности «Артиллерийской инструментальной разведки (АИР)» по широкому профилю «Артиллерийской разведки» по специальности «Производство топографической съемки и топографическое обеспечение войск» с присвоением квалификации «Техник-топограф», а также технической подготовки курсантов профиля «Армейской артиллерии» по специальности «Ремонт и эксплуатация артиллерийского вооружения» с присвоением квалификации «Техник-механик». Перед училищем встала задача пересмотра программ и всех планирующих документов, создания необходимой учебно-материальной базы [5, Л. 83].

Основное внимание в общей системе подготовки курсантов было обращено на привитие курсантам практических и методических навыков, вопросам тактической, артиллерийско-стрелковой, специальной и технической подготовки. В зимний период обучения был проведен целый ряд батарейных и дивизионных тактических учений, учений с боевыми артиллерийскими стрельбами, которые дали курсантам и офицерам практические навыки в командовании артиллерийскими подразделениями в сложных условиях, близких в боевой.

В соответствии с директивой Заместителя Главнокомандующего войсками № ОШ/5/268022 от 17.5.58 г. пять взводов (125 чел.) профиля «Армейской артиллерии» были отправлены 30 мая в Одесское артиллерийское училище (ОАУ) для переподготовки по радиолокационному профилю и один взвод (23 чел.) профиля «АЗР» в Коломенское артиллерийское училище для переподготовки по профилю «Артиллерийской метеорологической службы» [5, Л. 84].

В летнем периоде обучения проведены батарейные и дивизионные тактические учения с боевой стрельбой. Впервые проведены тактические учения разведывательного артиллерийского дивизиона, батареи звуковой разведки с засечкой реально стреляющих батарей с обратных направлений.

Курсанты 1-го курса выполнили зачетные боевые артиллерийские стрельбы прямой наводкой. Впервые были проведены показательные и учебные стрельбы из 82-мм и 107-мм безоткатных орудий. Результаты зачетных боевых артиллерийских стрельб прямой наводкой 1 курса и с закрытых огневых позиции 2, 3 курсов характеризуются следующими данными смотри табл. 9.

Таблица 9. Результаты зачетных боевых артиллерийских стрельб прямой наводкой 1 курса и с закрытых огневых позиции 2, 3 курсов [5, Л. 84 об.].

№ п/п	Оценка	1 курс		2 курс		3 курс	
		Количество человек	%	Количество человек	%	Количество человек	%
1	Отлично	55	74,3	55	74,3	56	56,0
2	Хорошо	7	9,4	7	9,4	27	27
3	Удов.	10	13,5	10	13,5	9	9,0
4	Неуд.	2	2,8	2	2,8	8	8,0
5	Общая оценка	Отлично		Отлично		Отлично	

В связи с изменением начала нового учебного года: с 1 сентября, вместо 15 декабря значительно сократилась продолжительность учебы курсантов 1 и 2 курсов и время на подготовку и проведения переводных экзаменов [5, Л. 85].

В связи с введением обязательного некомплекта курсантов в училище, за низкую успеваемость и воинскую дисциплину из училища было отчислено: 7 курсантов с 1 курса и 7 курсантов со 2 курса.

В связи с орг. мероприятиями в конце августа из Коломенского артиллерийского училища прибыло в училище на 2 курс – 26 чел. (профиля АМС), на 3 курс – 47 чел. (профиля арт. разведки) и 42 курсанта-выпускника, из которых 23 бывших воспитанников училища.

В короткий срок училище подготовило новый отряд молодых офицеров по специальности «Артиллерийской метеорологической службы». Кроме того, в этот период 32 офицера из различных частей успешно сдали экзамены экстерном за полный курс артиллерийского училища.

В Одесском артиллерийском училище (ОАУ) воспитанники училища в короткий срок освоили новую специальность и успешно сдали государственные выпускные экзамены (смотри таблицу 12) [5, Л. 86].

Курсанты 14 учебного взвода (командир взвода ст. л-т Уваров) окончили училище только по 1 и 2 разряду.

Таблица 10. Результаты экзаменов воспитанников училища в ОАУ.

№ п/п	Разряд	Количество человек	Процент
1	Первый	33	25,2
2	Второй	74	59,6
3	Третий	18	14,2

В течение учебного года училище продолжало пополняться новой техникой. За год поступили артиллерийские тягачи (средний и легкий), радиолокационные станции (АРСОМ-2, РУС, ПАЧС), приборы (буссоль ПАБ-2А, азимутальные насадки для теодолитов и другие); всю поступавшую технику личный состав училище успешно осваивал.

В августе месяце в училище был введен новый 3-й профиль обучения – «Артиллерийской метеорологической службы». Учебно-материальная база в течение года продолжала совершенствоваться. К началу учебного года оборудованы новые классы и лаборатории: класс АМС, класс радиолокации, класс технического черчения, метеоплощадка и техническая лаборатория. Было закончено строительство склада «НЗ», водоема и нового крытого артиллерийского парка [6].

Заключение

После Великой Отечественной войны условия поступления по уровню школьного образования в РАУ установлены для поступающих были разные: для военнослужащих 9 классов, выпускников АПУ и гражданских лиц – 10 классов.

После проведения в училище сборов с офицерами запаса комиссия отмечала высокий уровень подготовки обучаемых. Результаты боевых артиллерийских стрельб постоянно повышались, в основном общая оценка за переменный состав была – «отлично», а за постоянный состав офицеров – «хорошо». В образовательный процесс внедрялось проведение командно-штабных военных игр с офицерами училища.

Боевые артиллерийские стрельбы проводились на фоне батарейных и дивизионных тактических учений, что позволяло создавать для стреляющих трудные условия современного боя. Обязанности должностных лиц дивизиона выполняли офицеры и курсанты училища.

Кроме того, в летний период обучения большое внимание было обращено вопросу ночной подготовки курсантов и офицеров. С этой целью все батарейные тактические учения проводились ночью. Было проведено зна-

чительное количество показательных занятий для офицерского состава ночью (с 1957 года 50% полевых занятий было проведено ночью, а боевые стрельбы – 30% от всех проведенных). Также вводятся артстрелковые тренировки у курсантов на постоянной основе. Проходили показательные артиллерийские стрельбы применением радиовзрывателя, стрельба 6-ти орудийной батареей и т.п. Большое внимание с 1956 года начали уделять строевой подготовке не только курсантов, но и офицеров. С этого года ввели в выпускной экзамен эту дисциплину. Вводятся новые специальности: «Производство топографической съемки и топографическое обеспечение войск» с присвоением квалификации «Техник-топограф», а также технической подготовки курсантов профиля «Армейской артиллерии» по специальности «Ремонт и эксплуатация артиллерийского вооружения» с присвоением квалификации «Техник-механик». По указанию распоряжений и приказов старших начальников курсанты в течении этого периода прибыли из Коломенского артиллерийского училища и были также отправлены в Одесское артиллерийское училище для получения новых специальностей.

Совершенствовалась учебно-материальная база как в пункте постоянной дислокации, так и полевая, поступали новые образцы вооружения и военной техники (артиллерийские тягачи (средний и легкий), радиолокационные станции (радиолокационная станция СНАР-2, артиллерийские тягачи АТЛ, прибор ПЗК, ночной прицел АПН-2, АРСОМ-2, РУС, ПАЧС), приборы (буссоль ПАБ-2А, азимутальные насадки для теодолитов и другие); всю поступающую технику личный состав училища успешно осваивал.

Все вышеизложенное было направлено на совершенствование образовательного процесса в училище и на повышение качества подготовки выпускников – офицеров-артиллеристов, всех специальностей.

Библиографический список:

- [1] ЦАМО. Ф. 60185. Оп. 15504. Д. 1. Л. 48.
- [2] Директива Командующего Войсками МВО №11497 от 15.03.1952 г.
- [3] ЦАМО. Ф. 60185. Оп. 15504. Д. 1. Л. 69.
- [4] Приказ училищу №062 от 15.07.1952 г.
- [5] ЦАМО. Ф. 60185. Оп. 15504. Д. 1. Л. 65 об.
- [6] Ларин Г.В. Рязанское артиллерийское училище. История в судьбах командиров и выпускников / Г.В. Ларин. – Рязань: Рязанская областная типография, 2019. С. 62-92.

Reference

- [1] TsAMO. F. 60185. Op. 15504. D. 1. L. 48.
- [2] Directive of the Commander of the Moscow Military District No. 11497 dated March 15, 1952.
- [3] TsAMO. F. 60185. Op. 15504. D. 1. L. 69.
- [4] Order to the school No. 062 dated July 15, 1952
- [5] TsAMO. F. 60185. Op. 15504. D. 1. L. 65 vol.
- [6] Larin G.V. Ryazan Artillery School. History in the destinies of commanders and graduates / G.V. Larin. – Ryazan: Ryazan Regional Printing House, 2019. P. 62-92.

Дьяков С.И.

*Кандидат педагогических наук, доцент.
Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург.*

Горохов В.В.

*Кандидат исторических наук, доцент.
Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург.*

Ванягин В.Е.

*Кандидат военных наук. Санкт-Петербургский военный ордена
Жукова институт войск национальной гвардии
Российской Федерации, Санкт-Петербург.*

**Образовательный процесс (порядок набора, переподготовка,
результаты боевых артиллерийских стрельб, тактические учения
и совершенствование учебно-материальной базы)
в Рязанском Артиллерийском Училище с 1946-1958 гг.**

Аннотация. Цель исследования. Провести анализ порядка набора, переподготовки, результатов боевых артиллерийских стрельб, тактических учений и совершенствование учебно-материальной базы. Актуальность темы определена проведением анализа порядка поступления, категории поступающих, динамики результатов боевых артиллерийских стрельб переменного и постоянного состава училища и совершенствованием учебно-материальной базы РАУ. Методы исследования: научный, системный, аналитический и сравнения. Ключевые выводы: на совершенствование образовательного процесса в училище и на повышение качества подготовки выпускников – офицеров-артиллеристов, всех специальностей влияли разные обстоятельства: порядок набора, развитие и совершенствование учебно-материальной базы, вооружения военной и специальной техники (ВВСТ) стоящих на вооружении артиллерийских подразделений.

Ключевые слова: артиллерия, Рязанское Артиллерийское Училище (РАУ), подготовительные артиллерийские училища, переподготовка, боевые артиллерийские стрельбы, тактические учения с боевой стрельбой, учебно-материальная база.

Dyakov S.I.

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Mikhailovskaya Military Artillery Academy.*

Gorokhov V.V.

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Mikhailovskaya Military Artillery Academy.*

Vanyagin V.E.

*Candidate of Military Sciences, S
t. Petersburg Military Institute of the Order of Zhukov
of the National Guard of the Russian Federation.*

**Educational process (recruitment procedure, retraining,
results of combat artillery firing, tactical exercises
and improvement of educational material base)
in the Ryazan Artillery School since 1946-1958**

Abstract. Purpose of the study. Conduct an analysis of the recruitment procedure, retraining, results of combat artillery firing, tactical exercises and improvement of the training and material base. The relevance of the topic was determined by analyzing the admission procedure, the category of applicants, the dynamics of the results of combat artillery firing of the variable and permanent composition of the school and the improvement of the educational and material base of the RAU. Research methods: scientific, systemic, analytical and comparison. Key conclusions: the improvement of the educational process at the school and the improvement of the quality of training of graduates - artillery officers, of all specialties, was influenced by various circumstances: the recruitment procedure, the development and improvement of the educational and material base, the armament of military and special equipment (VVST) in service with artillery units.

Key words: artillery, Ryazan Artillery School (RAU), preparatory artillery schools, retraining, combat artillery firing, tactical live-fire exercises, educational and material base.

Никитина А.В.

Исследователь, преподаватель–исследователь, сотрудник ООО «Информационно–консалтинговая компания «Религия сегодня», г. Тверь.

**Феномен «наследств»
в русской политической мысли XIV–XVI вв.:
краткий обзор зарубежной историографии***

Русская политическая мысль в XIV–XVI вв. постепенно осваивает политические конструкции, некоторые из которых были свойственны до сих пор только византийской литературной традиции. В этот период на первый план выдвигается феномен «наследств», как базис культурно-исторического самоопределения нового единого русского государства. Этот процесс заметно усиливается после провала Флорентийской унии 1439 года (далее – Уния, прим. автора) на территории Руси. Это интереснейший период интеллектуальной переработки зарубежных источников, их перевода и интерполирования в русские источники: летописи, панегирические сочинения, полемические сочинения и др. Зарубежные исследования, несомненно, дают пищу для размышлений. В современных условиях, попытка представить исчерпывающую историографическую справку неактуальна. Поэтому в данной статье представлены только некоторые, на мой взгляд, наиболее интересные примеры из зарубежной историографии.

Зарубежная историография русской политической мысли довольно обширна, поскольку западная историческая наука проявляет большой интерес к истории Русского Средневековья XIV–XVI вв., особенно, к периоду в истории Руси XV – начала XVI вв. По мнению западных исследователей, именно в этот период, с помощью переработки текстов и преданий XIV века, разработки идеи «Наследств» («Киевское наследство», «Византийское наследство»), рецепции идеологических конструктов у соседних княжеств и самой Византийской Империи, переработки летописных источников в Московском княжестве, происходит складывание ключевых политических идей и мифологем, которые в дальнейшем станут основой идеи самодержавия в России. Отправной точкой этого процесса принято считать вторую половину XV в., период после падения Константинополя в 1453 году и начало активного собирания русских земель Иваном III.

* © Никитина А.В., 2023.

К изучению политической мысли на Руси XV- XVI вв. обращались М. Казаку (M.Cazacu)¹, Й. Пеленски (J. Pelenski)², Ч. Гальперин (Charles J. Halperin)³, М. Чернявский⁴ и другие.

М. Казаку обращается к источникам традиционного Московского самодержавия XV–XVI вв., подчеркивая непосредственное заимствование Московскими князьями титулатуры и модели политической мысли, идеологического арсенала у Византийской Империи, Золотой Орды и даже Оттоманской Империи. В XVI веке результатом этого заимствования стало создание основы официальной титулатуры и идеологии русских царей⁵.

Й. Пеленски разрабатывает теорию появления в русской культуре мифологемы «Византийского Наследства» и подразделяет процесс формирования данной мифологемы на несколько периодов. Общий концептуальный толчок в разработке данной теории он относит к 1454–1504 гг., а наиболее мощным периодом идеологического пробуждения Москвы он считает 1450–1460гг., последовавшие за Флорентийским собором и падением Константинополя в 1453 году. В работах Й. Пеленски присутствуют интересные суждения о противоборстве Московского княжества и Великого Княжества Литовского, не только на бранном поле, но и в выстраивании государственной идеологии⁶.

Чарльз Гальперин (Charles J. Halperin), известный американский историк, демонстрирует различие Тверской и Московской политической мысли на примере «Инока Фомы слова похвального...», являющегося, по мнению автора выражением Тверской политической мысли XV века. В Тверском «Слове похвальном...» отсутствует прямое упоминание о предательстве Православия греками и претензии на звание «Третьего Рима», в отличие от панегирических сочинений, создававшихся в Московском княжестве. Использование особой Византийской титулатуры, по мнению Ч. Гальперина, не является попыткой трансляции в Тверскую идеологию формулы

1 *Cazacu M.* Aux sources de l'autocratie russe [Les influences roumaines et hongroises, XVe–XVIe siècles]. // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 24. № 1–2. Janvier–Juin 1983. P. 7–41.

2 *Pelenski J.* The Emergence of the Muscovite Claims to the Byzantine–Kievan «Imperial Inheritance» // Harvard Ucrainian Studies. Ukrainian Research Institute, Harvard University, Cambridge, Massachusetts. Vol. VII. 1983. P. 520–532.

3 *Halperin Charles J.* Tverian political thought in the fifteenth century. // Cahiers du monde russe et soviétique. Paris. Vol. 18. №3. Juillet–septembre 1977. P. 267–273.

4 *Cherniavsky M.*: 1) Tsar and people: studies in Russian myths. New Haven Conn.: Yale University Press–London, 1961.; 2) The Réception of the Council of Florence in Moscow// Church History. Cambridge University Press. Vol. 24. № 4. Dec., 1955. P. 347–359.

5 *Cazacu M.* Aux sources de l'autocratie russe...

6 *Pelenski J.* The Emergence of the Muscovite Claims...

«Третьего Рима»⁷. Ценность работ Ч. Гальперина состоит в том, что этот исследователь прекрасно знаком с российской историографией и историческими источниками и в своих работах использует чистый аналитический подход к их трактовке.

М. Чернявский, в круг научных интересов которого входила история Русского Средневековья, особенно – политическая история Руси XV–XVI вв., в своих работах затрагивает интересную тему мифологем в российской истории, таких, как происхождение мифологемы «Русская Душа», «Новое Православие», «Святой Правитель», «Святая Россия», «Русский Бог», «Благой Царь» и другие⁸. Статья М. Чернявского, которую я могу назвать ценной для исследователей феномена «наследств» в средневековой культуре Руси, повествует о восприятии Флорентийского собора в Москве⁹. Эта работа содержит ряд выводов (нечастых для российской историографической традиции), которые затрагивают спорную в историографии тему о периоде восприятия и формирования окончательной реакции на Унию, об основаниях поставления митрополита Ионы, работа также касается писем Василия II в Константинополь, а также оформления титулатуры Московских князей к началу XVI века. Этот автор, владевший русским языком, имел возможность привлекать к работе большое количество русских исторических источников, а также, использовать некоторые выводы из работ Д.С. Лихачева, что придает особую основательность и убедительность его выводам. Основой методики исследований М. Чернявского является сопоставление исторических источников и исторических событий, что позволяет ему делать нетривиальные выводы. Таким образом, вместо того, чтобы следовать историографической традиции и слепо использовать летописные и литературные памятники второй половины XV века, М. Чернявский подвергает их критическому анализу. Однако, данный подход, не смотря на свою эффективность, пока не стал востребованным в исторической науке, хотя М. Чернявский и работал в первой половине – середине XX века. Пожалуй, только в работах Я.С. Лурье (из представителей отечественной историографии, более близких к современности) можно встретить подобный критический подход к источникам такого спорного периода в истории России.

Э. Тиро также, основываясь на изучении русских исторических источников, рассматривает вопрос замещения русской митрополии и назначения митрополита Ионы с точки зрения политического влияния Москвы во второй половине XV века, когда территория Московского княжества

7 *Halperin Charles J.* Tverian political thought in the fifteenth century...

8 *Cherniavsky M.* Tsar and people: studies in Russian myths...

9 *Cherniavsky M.* The Réception of the Council of Florence in Moscow // Church History. Cambridge University Press. Vol. 24. № 4. Dec., 1955. P. 347-359

расширилась настолько, что уже могла претендовать на звание независимой Патриархии, из чего и возникла идея назначения своего собственного митрополита без участия Константинополя¹⁰, как символ восходящей Империи.

М.Ж. Руэ де Журнель¹¹, В. Водов¹² исследуют в своих работах специфику русской духовной и литературной мысли, а также специфику формирования политических и идеологических конструкций в летописных источниках. В. Водов часто прибегает к сходным с Я.С. Лурье методам в научном исследовании, основывая свои выводы исключительно на скрупулезном анализе литературных и летописных источников Средневековой Руси.

С источниками и историей Средневековой Руси западная наука знакомится не без помощи наших соотечественников или ученых, владеющих славянскими языками. Так, на сегодняшний день выходит большое количество статей и других работ, посвященных русским историческим источникам. Это в значительной мере корректирует ход зарубежных исследований, что имеет особое значение для исторической науки.

Занимаются западные ученые и публикацией источников о Флорентийском соборе: его актов, документов и речей его участников, поздних полемических сочинений, посвященных событиям во Флоренции, а также, путем исторического анализа, восстанавливают картину зарождения и развития идей, обосновывающих отказ и осуждение Унии на Руси. Не остается без внимания зарубежной историографии и период интеллектуального всплеска в Византии, оказавший значительное влияние на политическую мысль и идеологию первых русских царей, а также на историческую память русского народа¹³.

Основной метод исследований зарубежной историографии, затрагивающих тему «наследств» в политической мысли Средневековой Руси – это

10 *Teiro É.* La chaire métropolitaine en pays russe (XIVe – XVIe siècles) // *Revue des études slaves.* Paris. Vol. 74. 2002. P. 589-593.

11 *Rouët De Journal M. J.* La direction spirituelle dans la Russie ancienne. // *Revue des études slaves.* Vol. 38. 1961. P. 173-179.

12 *Vodoff W.:* 1) Un pamphlet anti-latin à Novgorod au XVe siècle ?. // *Revue des études slaves.* Vol. 70. 1998. P. 299-307; 2) Paléographie et diplomatique russes médiévales. // *École pratique des hautes études.* 4e section, Sciences historiques et philologiques. Annuaire 1970-1971. 1971. P. 497-505; 3) Histoire et philologie russes. // *École pratique des hautes études.* 4e section, Sciences historiques et philologiques. Annuaire 1975-1976. 1976. P. 515-530.

13 *Laurent V.:* 1) La nouvelle édition des Actes du concile de Florence. // *Revue des études byzantines.* Vol. 12. 1954. P. 198-209; 2) A propos des Mémoires du grand ecclésiarque Sylvestre Syropoulos // *Revue des études byzantines.* Paris. Vol. 23. Paris. 1965. P. 140-147; *Jugie M.:* 1) La publication des œuvres de Georges Scholarios. // *Échos d'Orient.* Paris. Vol. 27. № 151. 1928. P. 300-325; 2) La question du Purgatoire au concile de Ferrare-Florence. // *Échos d'Orient.* Paris. Vol. 20. №123. 1921. P. 269-282; *Pétridès S.* Documents sur la rupture de l'union de Florence. // *Échos d'Orient* Paris. Vol. 14. № 89. 1911. P. 204-207 и др.

наблюдение за созданием собственной концепции русской исторической идентичности путем освоения византийской историко-культурной парадигмы. В этом процессе интеграции римской политической теории, греческой культуры и христианской религии, свойственной когда-то Византийской Империи¹⁴, нельзя было обойтись без привлечения церковной истории. Таким образом, падение Константинополя в 1453 году в русских исторических источниках представлено, как результат объединения Православной и католической Церквей в 1439 году. Известный тезис «Москва–Третий Рим», оформившийся в начале XVI века – один из ярких примеров религиозно-исторического вектора политической мысли Москвы.

Одним из плюсов подхода зарубежных ученых является большое внимание к русским историческим источникам и аналитический подход к их изучению. В этих исследованиях часто проводятся параллели между Византийским «эллинизмом» (*периода заката Империи – прим. автора*), политической мыслью некоторых других русских княжеств и политической мыслью Московской Руси XIV–XVI вв.

Минус, на мой взгляд, состоит в том, что зачастую представители зарубежной историографии, осуществляя свои научные построения относительно истории Средневековой Руси, применяют к трактовке событий, сопутствующих периоду государственного строительства те же приемы, что и в построениях, относящихся к истории Западно-Европейских государств. Многие из этих научных приемов не могут быть применены непосредственно к истории Руси, поскольку игнорируют российскую цивилизационную идентичность. Таким образом, даже при скрупулезном анализе источников, в зарубежных исследованиях иногда присутствуют непривычные обобщения. Однако, не смотря на некоторые неточности в подходе, зарубежная историография русской политической мысли периода государственного строительства на Руси имеет большое значение для исследований, проводимых с учетом историографии и источникового материала. Знакомство с зарубежной историографией весьма полезно для расширения научного кругозора исследователя и дает возможность несколько отстраниться от, иногда довольно консервативной, русской историографической традиции изучения истории Руси и Русской православной церкви XV–XVI вв.

Библиографический список / Reference

- [1] Cazacu M. Aux sources de l'autocratie russe [Les influences roumaines et hongroises, XVe–XVIe siècles]. // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 24. № 1–2. Janvier–Juin 1983. P. 7–41.
- [2] Cherniavsky M. Tsar and people: studies in Russian myths. New Haven Conn.: Yale University Press–London, 1961.
- [3] Cherniavsky M. The Réception of the Council of Florence in Moscow// Church History. Cambridge University

Press. 1955. Vol. 24. № 4. P. 347-359.

- [4] Halperin Charles J. Tverian political thought in the fifteenth century. // Cahiers du monde russe et soviétique. Paris. Vol. 18. №3. Juillet–septembre 1977. P. 267-273.
- [5] Jugie M. La publication des œuvres de Georges Scholarios. // Échos d'Orient. Paris. Vol. 27. № 151. 1928. P. 300-325.
- [6] Jugie M. La question du Purgatoire au concile de Ferrare–Florence. // Échos d'Orient. Paris. Vol. 20. № 123. 1921. P. 269-282.
- [7] Pétridès S. Documents sur la rupture de l'union de Florence. // Échos d'Orient Paris. 1911. Vol. 14. № 89. P. 204-207.
- [8] Laurent V. La nouvelle édition des Actes du concile de Florence. // Revue des études byzantines. 1954. Vol.. 12. P. 198-209.
- [9] Laurent V.A propos des Mémoires du grand ecclésiarque Sylvestre Syropoulos // Revue des études byzantines. Paris. Vol. 23. Paris. 1965. P. 140-147.
- [10] Ostrogorski G. History of the Byzantine State. Rutgers University Press, 1969.
- [11] Pelenski J. The Emergence of the Muscovite Claims to the Byzantine–Kievan «Imperial Inheritance» // Harvard Ucrainian Studies. Ukrainian Research Institute, Harvard University, Cambridge, Massachusetts. Vol. VII. 1983. P. 520-532.
- [12] Rouët De Journal M. J. La direction spirituelle dans la Russie ancienne. // Revue des études slaves. Vol. 38. 1961. P. 173-179.
- [13] Teiro É. La chaire métropolitaine en pays russe (XIVe – XVIe siècles)// Revue des études slaves. Paris. Vol. 74. 2002. P. 589-593.
- [14] Vodoff W. Un pamphlet anti-latin à Novgorod au XVe siècle ?. // Revue des études slaves. Vol. 70. 1998. P. 299-307.
- [15] Vodoff W. Paléographie et diplomatique russes médiévales. // École pratique des hautes études. 4e section, Sciences historiques et philologiques. Annuaire 1970–1971. 1971. P. 497-505.
- [16] Vodoff W. Histoire et philologie russes. // École pratique des hautes études. 4e section, Sciences historiques et philologiques. Annuaire 1975–1976. 1976. P. 515-530.

Никитина А.В.

*Исследователь, преподаватель–исследователь, сотрудник
ООО «Информационно–консалтинговая компания
«Религия сегодня», г. Тверь.*

**Феномен «наследств» в русской политической мысли XIV–XVI вв.:
краткий обзор зарубежной историографии**

Аннотация. Политическая мысль Средневековья демонстрирует взаимодействие культур Византии и Руси и интересуется довольно широкий круг западных исследователей. Автор настоящей статьи убежден, что зарубежная историография является полезным дополнением для исследований, посвященных истории Руси XIV–XVI вв. В данной статье в виде компендиума охарактеризована зарубежная историография феномена «наследств» в русской политической мысли XIV–XVI вв.

Ключевые слова: история Руси, историография, зарубежная историография, Византийское наследство, Киевское наследство, Флорентийская уния.

Nikitina A.V.

*Researcher, lecturer–researcher, employee
of LLC «Information and consulting company «Religion Today», Tver.*

**The phenomenon of «legacies» in the Russian political thought
of the XIV–XVI centuries: a brief review of foreign historiography**

Abstract. The political thought of the Middle Ages demonstrates the interaction of Byzantine and Rus' cultures. The author of the present article is convinced that foreign historiography is a useful supplement for studies devoted to the history of Rus XIV–XVI centuries. In this article the foreign historiography of the phenomenon of «legacies» in Russian political thought of the XIV–XVI centuries is characterised in the form of a compendium.

Key words: history of Russia, historiography, foreign historiography, Byzantine Succession, Kievan Succession, Florentine Union.

История геополитики, международных отношений и всеобщая история

History of geopolitics, international relations and world history

Ванграуа В. Ванесса Эстель

Аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

История отношений Буркина-Фасо и Ганы 1980-2022*

Спектр проблем, которые требуют тщательного анализа и разрешения, велик в Буркина-Фасо. Сегодня состояние государства в сравнении с другими странами Западной Африки характеризуется крайне низкими показателями, связанными с постоянным ростом терроризма, голодом и нищетой и нестабильной экономикой. Действующая внешняя политика Буркина-Фасо направлена на выстраивание выгодных международных отношений, поскольку это позволяет решить указанные проблемы на государственном уровне. Вопрос смены внешнеполитических взглядов является приоритетным в 2022 году, так как ранний ориентир на Францию пересматривается в связи с последними событиями в Буркина-Фасо, в частности, из-за военного переворота.

Буркина-Фасо располагается на территории Западной Африки и не имеет выхода к морю, в связи с чем государство стремится выстраивать отношения со странами, имеющими более выгодное географическое положение. Одним из таких государств является Республика Гана, которая омывается водами Гвинейского Залива, а также имеет более высокие показатели экономики и т.д. [1]. В связи с тем, что Буркина-Фасо не обладает быстрыми темпами технологического и экономического развития, она нуждается в выстраивании благоприятных отношений с Ганой. Кроме того, для последней международная взаимосвязь также представляется выгодной.

В данной работе нами будет рассмотрена история международных отношений Буркина-Фасо и Республики Ганы в период с 1980 по 2022 годы.

* © Ванграуа В. Ванесса Эстель, 2023.

Необходимо раскрыть вопросы, касающиеся развития данных отношений, влияния Томаса Санкары на выстраивание благоприятных связей между государствами, проблемные аспекты терроризма, которые решаются на государственном уровне Буркина-Фасо и Ганы. Кроме того, рассмотрим совместные международные проекты, реализуемые в государствах и перспективы дальнейшего развития отношений. В связи с тем, что показатели Буркина-Фасо практически по всем аспектам низкие, выстраивание отношений с Ганой на сегодняшний день является несколько затруднительным процессом. Особое внимание обращается на индекс терроризма, который возрастает с каждым годом и потоки вынужденной миграции из Буркина-Фасо в Гану.

Актуальность темы отношений между Буркина-Фасо и Республикой Ганой безусловна, так как большинство вопросов разрешаются благодаря усилиям двух государств. В частности, создаются проекты, направленные на решение проблем голода и терроризма, железных дорог.

На территории Буркина-Фасо проживает этногруппа, имеющая название – Мосси. Однако среди мнений о том, кем являются граждане государства, нередко встречается такое название как Буркинабе. Сегодня Мосси включает в себе несколько народов, в том числе и Гумра и Ярсе. В Буркина-Фасо государственным языком признан французский, но, проанализировав местное население, можно заметить, что данный язык не получил широкой распространенности среди людей, которые в большей мере разговаривают на муре и дюле – языках Мосси.

Касательно Республики Ганы, можно сказать следующее: в колониальный период она была более известна под названием «Золотой Берег». Нынешнее название было получено после обретения автономии. Отметим, что среди африканских государств, находящихся под управлением метрополии, Гана является первой страной, получившей независимость от колонизации в 1957 году [2].

На территории государства проживает несколько народов, в частности, Моси, которые также населяют и Буркина-Фасо. Ганцы представляют собой преобладающую культурную группу и составляют более 85% от общей численности Республики.

Этническая связь государств прослеживается со времени европейской колонизации Буркина-Фасо и Ганы. Поскольку между колониями были выстроены невидимые границы, запрещающие любые связи, в том числе, торговые, возможность налаживания отношений была довольно низкая. Однако после получения независимости, Временным советом национальной обороны Ганы были приложены все усилия для того, чтобы воссоединить народы стран, наладить торговые пути и улучшить материальное положение и благополучие людей.

Сегодня для Буркина-Фасо политика и соответствующие стратегии вы-

страиваются таким образом, чтобы стабилизировать ситуацию в государстве и соседних странах, а также привлечь как можно больше партнеров для того, чтобы разрешить государственные конфликты [3]. Поскольку Республика Гана граничит с Буркина-Фасо, она представляет наибольший интерес для выстраивания крепкого сотрудничества.

Новый этап в истории международного сотрудничества между государствами возник относительно недавно – с 1980 года. Когда к власти в Буркина-Фасо пришел Томас Санкара (1983 год), между государствами стали налаживаться международные связи, так как Санкара стремился создать союз стран для решения насущных проблем. Подчеркнем, что Томас Санкара был достаточно молодым реформатором и революционером, благодаря деятельности которого Буркина-Фасо смогла несколько повысить ключевые показатели государства. В то время у власти Ганы стоял Джерри Ролингс, который также был заинтересован в создании единого союза [4]. Оба государственных деятеля сходились в позиции в отношении будущего Африки – истинно демократически организованное и свободное от влияния западного капитала.

В данном случае, под демократией необходимо понимать народовластие, которое заключается в участии народа в осуществлении управления государственными процессами, а также влияние на социальную и экономическую сферы.

Начиная с 1983 года, как было указано нами ранее, дипломатические отношения между двумя странами – Буркина-Фасо и Ганой, стали только укрепляться. Здесь целесообразно отметить некоторое влияние Франции на принятие решения о создании союза, поскольку Томас Санкара был заинтересован в том, чтобы выстроить прочные экономические и политические связи с соседним государством, ориентируясь на бывшую метрополию. Однако влияние Франции негативно сказалось на ранних отношениях между Буркина-Фасо и Ганой – в период колонизации между государствами были проведены границы, в том числе, между народами, которые были настроены враждебно [5]. В постколониальный период между странами отношения становились более близкими, так как возникала потребность в налаживании путей импорта и экспорта.

В 1987 году произошло убийство революционера Буркина-Фасо – Томаса Санкары, что несколько ухудшило отношения между государствами вследствие того, что некоторые из государственных деятелей были уверены в причастности Ганы в данном деле. Но уже через два года Буркина-Фасо и Гане пришлось объединить силы, поскольку в 1989 году началась гражданская война в Либерии, которая затронула интересы двух государств.

К 1994 году стали заметны признаки сближения Ганы и Буркина-Фасо – стали налаживаться ранее разорванные дипломатические связи, были

выстроены вновь пути экспорта и импорта, поскольку страны нуждались в повышении экономических показателей. До 2015 года международные отношения находились на одном уровне, однако власти государств были заинтересованы в их укреплении. Так, в 2015 году был подписан акт об укреплении отношений между Ганой, Того и Буркина-Фасо [6]. Страны договорились об облегчении передвижения между ними для совместной работы по вопросам образования, здравоохранения и сельского хозяйства. Соглашение также призывает препятствовать принудительным бракам во всех трех странах, а также бороться с контрабандой нефти и другой трансграничной преступной деятельностью, которая наносит ущерб братским странам [7].

Буркина-Фасо и Гана на данный момент не имеют большого количества общих черт, однако они едины в борьбе за высокий уровень благосостояния людей. Так, сегодня одной из главных проблем для стран Сахеля (Буркина-Фасо, Ганы и других) является терроризм, который на протяжении последних 10 лет ухудшает и без того низкие экономические показатели, вызывает вынужденную миграцию [8].

Несмотря на то, что Буркина-Фасо и Гана стремятся к сотрудничеству, у них есть несколько различных черт. Так, в первую очередь, следует сказать о благополучности стран – на сегодняшний день Гана является более благополучной и экономически устойчивой, вследствие чего основное финансирование совместных проектов и строительство инфраструктуры в Буркина-Фасо происходит за счет средств Республики Гана.

Подчеркнем, что современная Гана является крупнейшим производителем какао и богата полезными ископаемыми, такими как топливо, мало-сернистая нефть, золото и другими природными и минеральными ресурсами. Более того, экономика государства обладает тенденциями к быстрому росту, поскольку ежегодно разрабатывает и принимает проекты, направленные на увеличение государственной казны и снижение уровня проблем среди населения [9].

Также отличие представлено в военных переворотах, которые наиболее характерны для Буркина-Фасо – за последние несколько лет, в частности, в начале 2022 года, в государстве произошло несколько революций, которые стали детерминантом повышения индекса терроризма, голода, снижения уровня жизни и, как следствие, вынужденной миграции в Гану [10].

Современное состояние отношений между Буркина-Фасо и Ганой характеризуется положительно, потому что реализуются совместные программы, направленные на разрешение проблем, затрагивающих интересы двух государств. Кроме того, на сегодняшний день приоритетным вопросом является снижение индекса терроризма, который повышается последние несколько лет. В течение 10 лет в странах ведется активная борьба с терроризмом, однако она не приносит положительных результатов, заклю-

чающихся в снижении индекса. Так, рассмотрим статистику терроризма в Гане и Буркина-Фасо (рис. 1).

Из представленной статистики мы видим, что проблема терроризма в Буркина-Фасо существует уже давно, и с каждым годом показатели лишь увеличиваются. В 2019 году показатель индекса достиг отметки 6.76, что свидетельствует о том, что в государстве произошел кризис, повлиявший на рост преступности и терроризма. Кроме того, проведя анализ детерминантов возрастания показателей, нами было обнаружено, что за последние несколько лет произошло обострение ситуаций, связанных с насилием и формированием преступных вооруженных группировок. В частности, с 2015 года на территории Буркина-Фасо было совершено несколько актов терроризмов группами «Аль-Каида» и «Исламское государство» (запрещенные на территории Российской Федерации) [11].

Теперь же перейдем к индексу терроризма, наблюдаемого в Республике Гана. Проанализировав статистику, предоставляемую информацию о глобальном индексе терроризма, отметим, что в 2019 году Гана занимала 82 из 163 место, и находилась в районе показателя 1.74, что указывает на относительно высокий риск совершения актов терроризма. Кроме этого, терроризм является показателем роста преступности в стране. На рисунке 2 представлены статистические данные о преступности за период с 2014 по 2021 год, а также рассмотрен 2022 год с января по май.

В связи с такими показателями, в 2019 году была организована так называемая группа «Дружбы» (Франция – Западная Африка), которая совершила поездки в Гану и Буркина-Фасо. Цель данных поездок была заключена в том, чтобы принять соответствующие меры по снижению деятельности та-

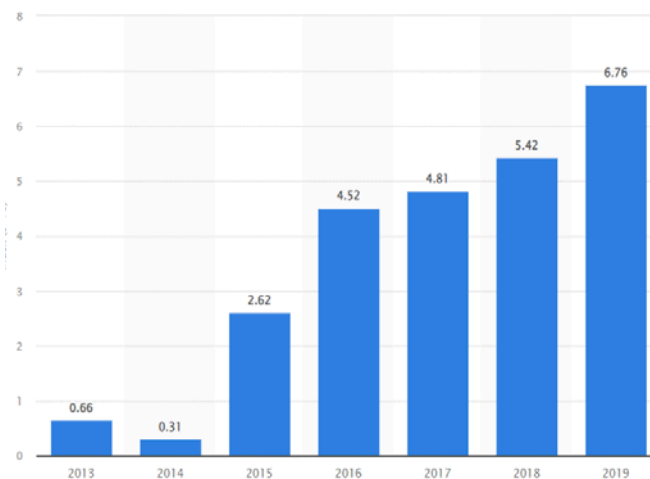

Рисунок 1.
Индекс терроризма в Буркина-Фасо за период с 2013 по 2019 года.

ких группировок как «Аль-Каида» и «Исламское государство» (запрещенные на территории Российской Федерации), поскольку Буркина-Фасо практически является центром терроризма. Группа «Дружбы» сформировала позицию того, что террористические группировки, нацеленные на Буркина-Фасо сегодня, могут угрожать Гане завтра [12]. С данной позицией трудно не согласиться, так как у государств имеется общая граница, через которую могут переходить террористы.

Несмотря на то, что поездки были совершены в 2019 год – пик индекса терроризма в государствах, в условиях, вызывающих озабоченность политической ситуацией, а также учитывая активный рост террористической угрозы, дестабилизирующей не только Гану и Буркина-Фасо, но и другие страны Сахеля – они стали толчком к разрешению данной проблемы: были проведены плодотворные переговоры с государственными деятелями государств, намечены стратегии и программы, посредством которых индекс терроризма планируется снизить [13].

По состоянию на 2022 год нельзя говорить о том, что удалось достичь положительных результатов, поскольку в Гане и Буркина-Фасо продолжает расти уровень нищеты, которая, на наш взгляд, является одной из основных сред, в которой развивается терроризм. Кроме того, в Буркина-Фасо был совершен военный переворот, который в значительной степени смог повлиять на реализацию государственных программ по борьбе с терроризмом – народ не удовлетворен политикой страны и требует изменения внешнеполитических ориентиров, в частности, требует налаживания сотрудничества с Россией.

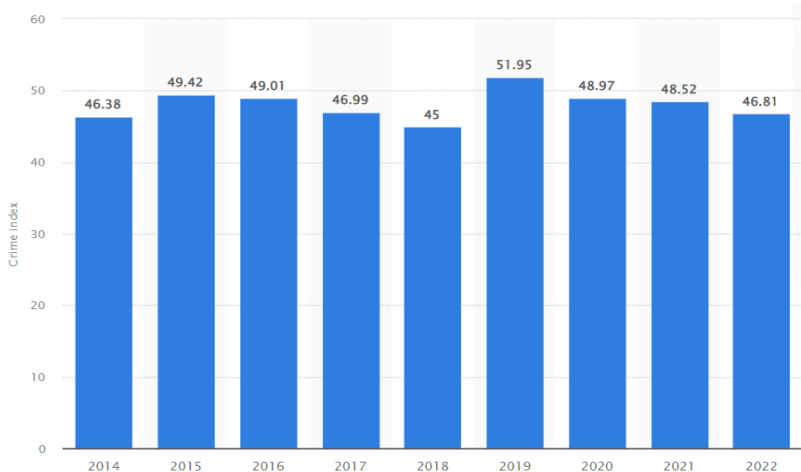

Рисунок 2. Индекс преступности в Гане за период с 2014 по 2022 года.

Контртеррористические усилия в Буркина-Фасо двойки. Во-первых, внутренние усилия предполагают мобилизацию военных для предотвращения террористических атак. Во-вторых, международные усилия включают повышение безопасности, предотвращение террористической экономической деятельности и партнерство с западными странами.

Буркина-Фасо также сотрудничает с региональными организациями в целях предотвращения экономической деятельности, связанной с терроризмом. В частности, это часть Межправительственная группа действий по борьбе с отмыванием денег в Западной Африке (ГИАБА). GIABA — это группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, уполномоченная Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), региональная кооперативная организация, в которой Буркина-Фасо играет активную роль [14].

Частью миссии GIABA в Буркина-Фасо является предотвращение финансирования терроризма. В ответ Буркина-Фасо приняла меры для устранения пробелов в экономическом регулировании и проведения дискуссий с общественностью, чтобы лучше понять, какую пользу для экономики приносит терроризм и другая незаконная деятельность [15].

Сегодня миграция на территории африканских стран является значимым (ключевым) элементом в системе международных отношений по вопросам экономики, поскольку рабочая сила в условиях бедности и нищеты является ценным фактором.

На территории Буркина-Фасо можем выделить вынужденную и трудовую миграции из страны в Гану. Причинами вынужденной миграции, на наш взгляд, являются военные перевороты и деятельность террористических группировок на территории Буркина-Фасо. Несмотря на то, что власти государства стремятся к улучшению экономики и соответствию ростам глобализации, трудовой потенциал, как и уровень экономического состояния является низким.

Голод — один из наиболее распространенных факторов, который приводит к перемещению людей. Африка является регионом, где доля недоедающего населения является самой высокой. В 2017 г. на долю Африки пришлось наибольшая доля прироста недоедающих (прирост на 15 млн человек), что закономерно привело к массовому перемещению населения в поисках лучших условий жизни. Ссылаясь на данные, представленные Агентством продовольственной безопасности ООН, по состоянию на апрель 2022 года более 3,5 миллионов жителей Буркина-Фасо не имеют достаточного количества еды и в скором времени могут оказаться на грани голодной смерти [16]. Причиной такой ситуации вновь можно назвать военные конфликты и деятельность террористических вооруженных группировок.

Таким образом, уровень миграции из Буркина-Фасо крайне высок. Большинство людей остаются без работы, поскольку в государстве с низ-

ким уровнем экономики не имеется необходимой инфраструктуры. Сегодня некоторые проекты, разработанные совместно с Ганой, в значительной степени решают проблему увеличения рабочих мест в стране.

Другим проектом, над которым совместно работают власти Буркина-Фасо и Республики Ганы является программа по борьбе с голодом, реализуемая с 2018 года. Несмотря на то, что сроки проекта определялись всего 6-ю месяцами, он продолжает действовать и по сей день. Интересным представляется слоган проекта «Голод» - «в мире нет никого, кто был бы слишком беден для того, чтобы развиваться». Программа реализуется за счет финансирования ЭКОВАС – Экономического сообщества западноафриканских государств и оценивается в 144 миллионов франков.

Основные цели проекта заключены в следующем: разработанный проект поддерживает людей, страдающих от онхоцеркоза, которые находятся в затруднительном материальном положении, посредством сельскохозяйственной программы, предусматривающей бурение восьми скважин на солнечной энергии для круглогодичного орошения, чтобы они могли прокормить себя.

Кроме этого, независимо от физического состояния человека, ему будут предоставлены все возможности для того, чтобы развиваться в каком-либо направлении. Также запланировано строительство многофункциональных центров для обеспечения возможности реализации людей в различных сферах, в которых будет оказываться необходимая поддержка тем, кто не может самостоятельно решить трудовой вопрос.

Сегодня в общинах Буркина-Фасо нет необходимой инфраструктуры, как социальной, так и экономической, вследствие чего у местного населения нет возможности устроиться на работу для прокормления себя и своей семьи. Проект стремится к решению данной проблемы путем строительства центров, зданий и иной инфраструктуры. Более того, Буркина-Фасо стремится к 2030 году достичь статуса среднего дохода, чему может поспособствовать развитие инфраструктуры [17].

Другой проблемой является низкий уровень образования людей, за счет чего обеспечивается соответствующее благосостояние людей, характеризующееся крайне низкими показателями. Цели проекта заключаются в образовании местного населения в сферах, наиболее приоритетных в нынешних условиях для африканских стран – здравоохранение, сельское хозяйство и, непосредственно, образование. На наш взгляд, данная цель должна быть реализована в первую очередь, поскольку она позволит повысить компетенцию специалистов в разных областях, снизит рост заболеваемости – одной из насущных проблем Буркина-Фасо.

Также в 2018 году был поднят вопрос о необходимости объединения железных дорог между Ганой и Буркина-Фасо [18]. Главами государств были подписаны Меморандумы и соглашения, в числе которых Меморандум о

взаимопонимании, направленный на укрепление и более тесное сотрудничество между странами по вопросам обеспечения безопасности в связи с повышением индекса терроризма, о сотрудничестве в сфере спорта, образование и отдыха – в значительной степени данное соглашение способствовало реализации проекта «Голод» о котором нами ранее говорилось, поскольку получение образования в Гане и Буркина-Фасо представляется затруднительным. И наконец, было подписано соглашение об объединении железных дорог для налаживания экспорта и импорта, а также свободного передвижения по территориям государств.

В 2021 году был заключен контракт между Ганой и Буркина-Фасо об объединении железнодорожных сетей, общая протяженность которых составит 1100 километров. Были представлены технические карты для реализации проекта. Однако по состоянию на 2022 год строительство начато не было в связи с экономическим кризисом в Западной Африке.

На наш взгляд, реализация данного проекта крайне необходима, поскольку строительство железной дороги между Буркина-Фасо и Республикой Гана, среди прочего, улучшит торговый баланс двух стран за счет облегчения транспортных перевозок и оптимизации эксплуатационных расходов автомобилей за счет переключения перегрузок на железную дорогу, стабилизирует транспортные расходы, ведущие к снижению цен на товары и созданию более 30 000 прямых и косвенных рабочих мест на этапе строительства, улучшению экономических условий в пересекаемых районах и создание приносящих доход видов деятельности на железнодорожных станциях.

К этому следует добавить улучшение потока продуктов из района Багре-Поль на рынок, улучшение экспорта полезных ископаемых в порты, безопасность наземного транспорта, сокращение местной бедности и сохранение дорожной сети, подверженных преждевременному износу в результате перегрузок [19].

В начале октября 2022 года был реализован совместный проект Ганы и Буркина-Фасо по вводу в эксплуатацию станцию электричества. Сегодня в Буркина-Фасо существует проблема постоянных перебоев в электрических сетях, в связи с чем работа станции станет решением данной проблемы.

Кроме того, введение в эксплуатацию новой станции также позволило снизить перегрузки в сети. Ответственная компания обновила линию электропередач во всем регионе, что увеличило пропускную способность ЛЭП.

На наш взгляд, реализация данного проекта стала еще одним фактором сближения народов Ганы и Буркина-Фасо. Сегодня в странах существует проблема с нелегальной добычей золота, которым богаты оба государства. Сближение и установление более плотного сотрудничества способствует объединению граждан для решения проблем, связанных с угрозой окружающей среде. Подчеркнем, что ухудшение экологической обстановки – проблемный вопрос для каждого государства, однако для стран африканского

континента он стоит наиболее остро.

Министерство иностранных дел в Буркина-Фасо на сегодняшний день подчеркивает важность укрепления дипломатических отношений с соседней Республикой Ганой, а также о взаимовыгоде данного сотрудничества для народов обоих государств. На наш взгляд, Буркина-Фасо и Гана могут достичь высоких результатов и решить насущные проблемы для обоих государств. Кроме того, реализуемые проекты направлены на гармонизацию инвестиционного законодательства в Западной Африке и предлагают «энергично» продолжить создание регионального агентства по поощрению инвестиций. Странам настоятельно рекомендуется развивать эффективные, жизнеспособные малые и средние предприятия и знакомить традиционное сельское хозяйство с современными технологиями, предпринимательством и инновациями в целях повышения производительности [20].

В заключение хотелось бы отметить, что несмотря на относительно недолгую историю отношений между Буркина-Фасо и Ганой, государствам удалось достичь понимания и реализовать совместные проекты, направленные на решение проблем в разных областях. На сегодняшний день страны характеризуются низкими показателями экономики и, соответственно, бедностью, голодом и не развитой инфраструктурой. Однако современные государственные программы и политические стратегии отличаются эффективностью в реализации.

Безусловно, пандемия, поразившая каждое государство и мировую экономику, нанесла существенный удар по Буркина-Фасо и Гане. Но несмотря на это страны стремятся к развитию социальной и экономической инфраструктуры. Дальнейшие перспективы международного сотрудничества довольно высоки, поскольку власти государств подписывают соглашения о взаимовыгодных отношениях.

Библиографический список:

- [1] Нотченко В.Е. Изменение роли Ганы в международной торговле // Минск: Амалфея. 2014. 149 с.
- [2] Боасиако Р.А. Внешняя торговля Ганы и пути ее совершенствования // Мировая экономика. 2017. 69 с.
- [3] Бола Д.С. О государственной финансовой поддержке ганских экспортеров промышленной продукции // Финансы. 2015. № 8. С. 78-79.
- [4] Ойиве З.А. Политическое лидерство в разделенном обществе: случай Ганы (по материалам экспертного опроса) // Политика и общество. 2018. № 10. С. 26-35.
- [5] Айуб Ш.Н. Проблемы и перспективы развития внешней политики стран зоны Сахеля в контексте современных международных отношений / Ш.Н. Айуб, Якуба А.Я. и др. // Конфликтология. 2021. № 3. С. 87-89.
- [6] Вику К. Теоретические основы измерения инфляции в странах ЭКОВАС // Вестник РУК. 2022. № 1 (47). С. 22-27.
- [7] Золотодобыча в Буркина-Фасо. // URL: <https://zolotodb.ru/article/11853> (Дата обращения: 19.10.2022)
- [8] Исаев Л.М. Глобальная террористическая угроза в Сахеле и истоки терроризма в Буркина-Фасо / Л.М. Исаев, А.В. Коротгаев, Д.А. Бобарыкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 411-421.
- [9] Лариса О.Б. Состояние внешнеторговой деятельности Ганы // Центр развития торговли: учебное пособие / Г.А. Эмануел. – Лагос, 2015. Раздел 1. 84 с.
- [10] Костелянец С.В. Терроризм в Африке: особенности, тенденции и перспективы / С.В. Костелянец // ИМЭМО РАН. 2016. № 2 (51). С. 101-113.
- [11] Sakande M. 105 Attaques Terroristes Contre Le Burkina Faso: Le G5 Sahel, La Solution à Petite Vitesse //

- Evénement. Mars 29, 2018.
- [12] Burkina Faso et Ghana : deux pays face au défi du terrorisme. 2019. // URL: https://www.senat.fr/fileadmin/Fichiers/Images/relations_internationales/Groupes_d_amitie/2019/CR_Burkina_Faso_Ghana_25_juillet_2019.pdf (Дата обращения: 19.10.2022)
- [13] Thurston A. Escalating Conflicts in Burkina Faso // RLS Research Papers on Peace and Conflict Studies in West and Central Africa. June 30, 2021.
- [14] Burkina Faso and the EU // Delegation of the European Union to Burkina Faso // URL: https://eeas.europa.eu/delegations/burkina-faso_en/4352/Burkina%20Faso%20and%20the%20EU (Дата обращения: 19.10.2022)
- [15] Воробьев А.Е. Вклад горной отрасли в социально экономическом развитии Буркина-Фасо // Вестник евразийской науки. 2016. № 3 (34). 113 с.
- [16] Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО). // URL: <https://www.fao.org/news/story/ru/item/1140224/icode/> (Дата обращения: 19.10.2022)
- [17] UNESCO science report: towards 2030 / UNESCO Published // UNESDOC. 2015. 794 с. // URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235406> (Дата обращения: 19.10.2022).
- [18] Федеральное агентство новостей (ФАН). Официальный сайт // URL: https://riafan.ru/23703264-novaya_elektrostantsiya_gani_snabdit_burkina_faso_dopolnitel_noi_energiei (Дата обращения: 19.10.2022)
- [19] Моисев А. Запрет импорт некоторых товаров в Гану: его последствия // Общество и экономика. 2015. № 6. С. 47–51.
- [20] Ministry of railways development. 2021. // URL: <https://www.mrd.gov.gh/4/16/119/ghana-and-burkina-faso-to-select-a-private-sector-investor-for-the-development-of-the-ghana-%E2%80%93-burkina-railway-interconnectivity-project> (Дата обращения: 19.10.2022)

Reference

- [1] Notchenko V.E. Changing the role of Ghana in international trade // Minsk: Amalthea. 2014. 149 p.
- [2] Boasiako R.A. Foreign trade of Ghana and ways to improve it // World Economy. 2017. 69 p.
- [3] Bola D.S. On state financial support for Ghanaian exporters of industrial products // Finance. 2015. № 8. P. 78-79.
- [4] Oyiwe Z.A. Political leadership in a divided society: the case of Ghana (based on an expert survey) // Politics and Society. 2018. № 10. P. 26-35.
- [5] Ayub Sh.N. Problems and prospects for the development of foreign policy of the countries of the Sahel zone in the context of modern international relations / Sh.N. Ayub, Yakuba A.Ya. and others // Conflictology. 2021. № 3. P. 87-89.
- [6] Viku K. Theoretical basis for measuring inflation in ECOWAS countries // Bulletin of RUK. 2022. № 1 (47). P. 22-27.
- [7] Gold mining in Burkina Faso. // URL: <https://zolotodb.ru/article/11853> (10.19.2022)
- [8] Isaev L.M. Global terrorist threat in the Sahel and the origins of terrorism in Burkina Faso / L.M. Isaev, A.V. Korotaev, D.A. Bobarykina // Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: International relations. 2022. Vol. 22. № 2. P. 411–421.
- [9] Larisa O.B. The state of Ghana's foreign trade activity // Trade Development Center: textbook / G.A. Emanuel. – Lagos, 2015. Section 1. 84 p.
- [10] Kostelyanets S.V. Terrorism in Africa: features, trends and prospects / S.V. Kostelyanets // IMEMO RAS. 2016. № 2 (51). P. 101-113.
- [11] Sakande M. 105 Attaques Terroristes Contre Le Burkina Faso: Le G5 Sahel, La Solution à Petite Vitesse // Evénement. Mars 29, 2018.
- [12] Burkina Faso et Ghana : deux pays face au défi du terrorisme. 2019. // URL: https://www.senat.fr/fileadmin/Fichiers/Images/relations_internationales/Groupes_d_amitie/2019/CR_Burkina_Faso_Ghana_25_juillet_2019.pdf (10.19.2022)
- [13] Thurston A. Escalating Conflicts in Burkina Faso // RLS Research Papers on Peace and Conflict Studies in West and Central Africa. June 30, 2021.
- [14] Burkina Faso and the EU // Delegation of the European Union to Burkina Faso // URL: https://eeas.europa.eu/delegations/burkina-faso_en/4352/Burkina%20Faso%20and%20the%20EU (10.19.2022)
- [15] Vorobyov A.E. Contribution of the mining industry to the socio-economic development of Burkina Faso // Bulletin of Eurasian Science. 2016. № 3 (34). 113 p.
- [16] Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). // URL: <https://www.fao.org/news/story/ru/item/1140224/icode/> (10.19.2022)
- [17] UNESCO science report: towards 2030 / UNESCO Published // UNESDOC. 2015. 794 p. // URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235406> (10.19.2022).
- [18] Federal News Agency (FAN). Official website // URL: https://riafan.ru/23703264-novaya_elektrostantsiya_gani_snabdit_burkina_faso_dopolnitel_noi_energiei (10.19.2022)
- [19] Moiseev A. Ban on the import of certain goods to Ghana: its consequences // Society and Economics. 2015. № 6. P. 47-51.
- [20] Ministry of railways development. 2021. // URL: <https://www.mrd.gov.gh/4/16/119/ghana-and-burkina-faso-to-select-a-private-sector-investor-for-the-development-of-the-ghana-%E2%80%93-burkina-railway-interconnectivity-project> (10.19.2022)

Ванграуа В. Ванесса Эстель

*Аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса
Лумумбы.*

История отношений Буркина-Фасо и Ганы 1980-2022

Аннотация. В статье автором рассматривается международное сотрудничество Республики Гана и Буркина-Фасо в период с 1980 по 2022 годы. Несмотря на относительно недолгую историю отношений, государства смогли выстроить прочное сотрудничество и реализовать несколько совместных проектов, которые поспособствовали эффективному решению главных проблем. На сегодняшний день ключевым фактором, влияющим на повышение индекса терроризма, являются возрастающие показатели нищеты в странах. Особое внимание автором уделяется совместным проектам, направленным на борьбу с терроризмом, поскольку этот вопрос является приоритетным для Буркина-Фасо и Ганы. Вследствие того, что бедность является плодотворной средой для развития терроризма, власти государств стремятся к строительству социальных и экономических инфраструктур, повышению процента образованности в обществе.

Ключевые слова: Буркина-Фасо, Республика Гана, терроризм, бедность, международные отношения, сотрудничество, пандемия, экономический кризис, голод.

Wangraoua W. Vanessa Estelle

Graduate Student, Peoples' Friendship University of Russia.

The history of relations between Burkina Faso and Ghana 1980-2022

Abstract. In the article, the author examines the international cooperation of the Republic of Ghana and Burkina Faso in the period from 1980 to 2022. Despite the relatively short history of relations, the states were able to build strong cooperation and implement several joint projects that contributed to the effective solution of the main problems. To date, the key factor influencing the increase in the terrorism index is the increasing poverty rates in countries. The author pays special attention to joint projects aimed at combating terrorism, since this issue is a priority for Burkina Faso and Ghana. Since poverty is a fruitful environment for the development of terrorism, the State authorities strive to build social and economic infrastructures, increase the percentage of education in society.

Key words: Burkina Faso, Republic of Ghana, terrorism, poverty, international relations, cooperation, pandemic, economic crisis, famine.

Чжао Хуэйцин

Доцент, Хэйхэский университет, КНР.

Дударенок С.М.

Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Отдел социально-политических исследований. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Изучение истории китайской диаспоры российского Дальнего востока в России и КНР*

Данная статья является результатом исследования «Ключевые темы исследований по экономическому и социальному развитию провинции Хэйлуцзян» (Базовый проект) 2021 г. «Формирование и развитие китайских общин на Дальнем Востоке России с 1860 по 1938 год» [номер проекта: 21547].

Тема китайской миграции в Россию занимает прочное место в общественном сознании россиян. Среди трудовых мигрантов, регистрируемых Федеральной миграционной службой Российской Федерации, доля приезжающих из Китая по сравнению с мигрантами из бывших советских республик не так уж велика – порядка 20%, однако в обыденном сознании интерес к китайцам проявляется весьма отчетливо: зачастую речь в таких случаях заходит о китайской «демографической экспансии» [16, с. 76-81].

Китайская диаспора существует в России почти 150 лет. Идея о необходимости увеличения населения на территории Дальнего Востока «охочими пахотными людьми» и торговцами рассматривалась в высших правительственных кругах России еще с конца XVII в. Выдвигая эту стратегическую задачу, власти понимали, что ее решение силами лишь российских подданных крайне затруднительно. Вот почему они задумывались о формах и масштабах экономического присутствия иностранцев, в том числе и китайцев.

Не только местная дальневосточная администрация, но и центральные правительственные органы России, сам император, Государственная Дума занимались решением экономических и политических проблем, вызванных присутствием на отдаленной и слабо освоенной окраине страны многочисленной и сплоченной китайской общины, связанной многими нитями со своей родиной. Со своей стороны, китайские правительства, будь то им-

* © Чжао Хуэйцин, Дударенок С.М., 2023.

ператорский Китай или провозглашенная в 1911 г. Китайская Республика, внимательно следили за положением китайской диаспоры в России/СССР. Возникавшие в этой области вопросы были не просто вопросами внутренней деятельности российского и китайского государств, они составляли один из аспектов российско-китайских отношений, переплетенный с другими их аспектами. То же самое имеет место и в настоящее время.

Интерес российских властей и общественности к китайской диаспоре Дальнего Востока России во многом был обусловлен необходимостью укрепления дальневосточных рубежей страны. Необходимость знать и понимать особенности хозяйственной жизни и культуры не только китайских отходников, но и проживающих на российской территории китайских торговцев и предпринимателей становится одной из приоритетных задач как органов власти (центральных и региональных), так и представителей различных общественных организаций и научных учреждений.

Первые описания жизни китайцев на Дальнем Востоке были сделаны российскими путешественниками М.И. Венюковым, Н.П. Пржевальским, А.В. Елисеевым, Г.Т. Муровым во второй половине XIX века. В 1870-1880-е годы их работу продолжили военные специалисты: В.В. Крестовский, А.Ю. Назаров, И.П. Надаров.

Интерес к жизни китайцев на Дальнем Востоке заметно возрос в период строительства Транссиба (1891–1916) – железной дороги между Челябинском и Владивостоком, соединившей европейскую часть России с крупнейшими восточносибирскими и дальневосточными промышленными городами. В это время существенно разросшаяся дальневосточная китайская диаспора стала объектом интенсивного всестороннего изучения. Значительный материал о жизни китайцев на Дальнем Востоке России содержится в публикациях Н.Л. Гребницкого, Г.Е. Грумм-Гржимайло, И.С. Левитова и др. Подробно описал жизнь китайской диаспоры в своем отчете Императору Приамурский Генерал-Губернатор Н.И. Гродеков. Особое внимание в дореволюционных работах, так или иначе затрагивающих историю китайской диаспоры Дальнего Востока, уделяется освещению вопроса о так называемой «желтой опасности», под которой понималось вытеснение российского труда в России иностранным. При этом исследователями делались совершенно противоположные выводы о значении и характере труда иностранных подданных.

Так, например, В.В. Граве в своей работе говорит о том, что «все те отрасли, на развитие которых возможна колонизация в крае, находятся в руках желтых». Исходя из этого, он с уверенностью заявляет о наличии в Приамурье «желтой опасности» и называет ее «хроническим недугом, на который долго не обращали внимания, залечивали при разных проявлениях и окончательно не вылечили, так как он требует постоянного длительного

лечения» [5, с. 232]. Сравнивая разные национальности, В.В. Граве самым опасным контингентом считал китайцев, корейцев же он называл «желательным для нас элементом».

Противоположную точку зрения на «желтый вопрос» отстаивал А. Комов. Он был убежден в том, что, несмотря на избыток китайцев и корейцев, без них нельзя обойтись, видел выгоду для золотопромышленников не только в дешевизне их труда, но и в том, что китайцы и корейцы идут на самые тяжелые работы. А. Комов был согласен с тем, что иностранцы составляли огромную конкуренцию отечественным рабочим, а всю ответственность за нерешение этой проблемы возлагал на местную власть: «Окончательное решение вопроса передавалось «местным общественным организациям», а кому – точно неизвестно» [9, с. 21]. В своих статьях А. Комов указывал и на то, что притеснение китайцев в России, скорее всего, инициирует негативный ответ по отношению к русским в Маньчжурии. Он предлагал активно использовать дешевый азиатский труд для развития российской промышленности и при этом всесторонне усиливать контроль над этим процессом.

Проблема китайского населения, проживавшего на территории Приморья и Приамурья, привлекала внимание В.К. Арсеньева. В ходе полевых исследований им были собраны уникальные свидетельства о различных сторонах быта, промыслах и социальной организации локальной группы китайцев. По мнению В.К. Арсеньева, Уссурийский край был своеобразным «перекрестком», пограничной территорией, где соприкоснулись культуры различных народов России и мигрантов из сопредельных стран. Опасения Арсеньева вызывал тот факт, что социальная организация зарубежных китайцев на территории Дальнего Востока России напоминала государство в государстве, находящаяся вне российского правового поля [3].

В самом начале *советского периода* проблемы истории китайской эмиграции стали рассматриваться в рамках начавшегося систематического исследования экономики советского Дальнего Востока и проблем национального строительства. Этнографические и культурные аспекты жизни китайцев продолжал исследовать В.К. Арсеньев. Продолжали исследовать все стороны жизни китайской диаспоры представители органов власти. Примером может служить подготовленная сотрудниками ОГПУ и, очевидно, предназначенная для советского партийного руководства справка «Китайцы в Дальне-Восточном Крае» (1929 г.)¹, в которой нашли отражение все стороны жизни китайской диаспоры.

В 1930-х годах в связи с депортацией китайцев и корейцев с Дальнего Востока, тема китайцев в России была закрыта для исследования. Однако

1 Китайцы в Дальне-Восточном Крае // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 593.

в конце 1950-х годов пробудился интерес ученых к участию китайцев в революции и Гражданской войне в СССР. Появилось большое количество научных и публицистических работ, задача которых состояла в том, чтобы способствовать укреплению пошатнувшейся в тот период дружбы двух великих государств [8; 13; 15].

Помимо работ российских исследователей, в СССР были опубликованы ряд воспоминаний китайских участников Октябрьской революции и Гражданской войны [7]. В конце советского периода начинают появляться работы, в которых рассматриваются те или иные проблемы китайского присутствия на Дальнем Востоке [17], но в целом в силу многих идеологических и политических причин история китайской диаспоры не являлась предметом научного анализа.

В *постсоветский период* изучение китайской диаспоры в том числе её истории, возобновилось. Мало того, оно стало весьма актуальным, поскольку в России вновь появились китайские торговцы и рабочие, получили небывалое развитие экономические связи российского Дальнего Востока с китайскими приграничными провинциями. В этот период появилось значительное количество исследований, посвященных китайской диаспоре. Среди них монографии А.Г. Ларина [10; 11], Т.Н. Сорокиной [18], В.Г. Дацышена.

Восприятие мигрантов из Китая российским обществом – политиками, чиновниками, носителями массового сознания и даже творческой интеллигенцией подробно исследовано в монографии А.В. Лукина [12].

В последние годы российские исследователи продолжают активно изучать ряд проблем, связанных с историей китайской диаспоры Дальнего Востока России: участие китайских рабочих в революции и Гражданской войне [1]; проблемы современной миграция китайцев на российский Дальний Восток [15]; хозяйственная деятельность китайцев на Дальнем Востоке России [4]; политика российских властей по отношению к китайской диаспоре на всем протяжении ее существования [11; 12]; образ Китая и китайцев в сознании россиян [2] и др.

Говоря о *региональной историографии* темы, необходимо отметить, что в постсоветский период сформировалось два основных центра исследования истории китайской диаспоры в России: *Владивосток* (Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН и Дальневосточный федеральный университет) и *Благовещенск* (Амурский государственный университет и Благовещенский государственный педагогический университет). Сотрудники этих учреждений плодотворно занимаются историей российско-китайских отношений, миграционными процессами в дальневосточном регионе пр.

Историей китайской диаспоры на Дальнем Востоке России в насто-

ящее время активно занимаются и в Китайской народной республике. Первые записи о китайских купцах в России были сделаны еще в конце XVII века. Интересный материал по данному вопросу приведен в статье А.И. Петрова [14].

В КНР исторические исследования подвергались сильной политизации. В годы напряженных отношений между двумя странами большое количество работ было посвящено конфликтам на Дальнем Востоке между российскими властями и населением, с одной стороны, и китайцами – с другой.

Исследования китайских авторов по истории китайской диаспоры в России/СССР сосредоточены на нескольких основных темах. Во-первых, это работы, в которых рассматривается вклад китайских мигрантов в хозяйственное освоение дальневосточного региона [22; 24]. Во-вторых, участие китайских красноармейцев и красных партизан в Октябрьской революции и Гражданской войне [23]. В-третьих, авторы стремятся развенчать миф о «демографической экспансии», осуществляемой китайскими мигрантами в современной России, обращая внимания на те проблемы, которые постоянно возникают в жизни мигрантов из КНР [20]. В-четвертых, истории китайской диаспоры на Дальнем Востоке России. Данной проблематикой активно занимается профессор Хэйхэского университета, директор Хэйлунцзянского исследовательского центра культуры китайских мигрантов, директор Хэйлунцзянской Ассоциации истории и культуры китайцев в России Нин Яньхун [21].

В КНР в настоящее время сложились несколько научных центров, в которых приоритетным направлением научных исследований является изучение истории России и СССР, в том числе и истории китайской диаспоры российского Дальнего Востока. Были созданы специальные научные центры в рамках институтов Китайской академии общественных наук (КАОН), а также при ведущих университетах в различных провинциях (прежде всего в Пекине, Шанхае и др.). В частности, в провинции Хэйлунцзян (г. Хэйхэ) появился исследовательский центр по изучению культуры китайских мигрантов, а также была создана Ассоциация истории и культуры китайцев в России. Сотрудники этого центра давно и плодотворно занимаются изучением истории китайской диаспоры на Дальнем Востоке России, сосредотачивая свое внимание слабо изученных вопросах.

В центре занимаются созданием базы данных о китайском присутствии в России в прошлом и настоящем, создают свой архив [19], активно сотрудничая в этом вопросе с российскими коллегами.

Подводя итог краткому анализу историографии китайской диаспоры на российском/советском Дальнем Востоке необходимо отметить, что несмотря на постоянно увеличивающееся количество публикаций на данную тему как в России, так и в Китае ряд аспектов жизни китайской диаспоры

пока еще не нашёл достаточного освящения как в российской, так и в китайской историографии. Для более фундаментального исследования всех сторон жизни китайских мигрантов необходимо более тесное сотрудничество российских и китайских исследователей.

Библиографический список:

- [1] Авдашкин А.А. «Китайский рабочий в России берет винтовку»: образ китайца-красноармейца в периодической печати // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45). С. 66-69.
- [2] Авдашкин А.А., Раева Т.В., Сибиряков И.В. Образ Китая и китайцев в позднимперской России (по материалам журнала «Нива» // Былые годы. 2021. № 16 (4). С. 1898-1909.
- [3] Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историческо-этнографический // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. X. Вып. 1. Хабаровск, 1914. С. 1-203.
- [4] Борисов С.Б. Занятия китайцев в России в 1890-е -1950-е гг. // Вопросы истории. 2019. № 4. С. 86-95.
- [5] Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчет уполномоченного Министерства иностранных дел В.В. Граве. Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1912. Вып. XI. С. 232.
- [6] Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири в XVII-XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск: Изд-во Сиб федер. ун-та, 2008. 326 с.
- [7] Дружба, скрепленная кровью (сборник воспоминаний китайских товарищей -участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР): перевод с китайского / под ред. канд. ист. наук Лю Юн-аня. М.: Воениздат, 1959. 223 с.
- [8] Китайские добровольцы в боях за Советскую власть (1918-1922 гг.). Документы и материалы. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 179 с.
- [9] Комов А. О китайцах и корейцах в Приамурском крае // Сибирские вопросы. СПб., 1909. № 27. С 18-27.
- [10] Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
- [11] Ларин А.Г. Мировая китайская диаспора и новая миграционная концепция России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. Т. 18. № 18. С. 193-220.
- [12] Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом: образ Китая в XVII – XXI веках. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. 598 с.
- [13] Мюллер А.А. В пламени революции (1917-1922 гг.). Воспоминания командира интернационального отряда Красной гвардии. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1957. 180 с.
- [14] Петров А.И. Китайская историография истории китайцев в царской России. Краткий очерк // Россия и АТР. 2006. № 1 (51). С. 141-155.
- [15] Попов Н.А. Они с нами сражались за власть Советов. Китайские добровольцы на фронтах гражданской войны в России (1918-1922). Л.: Лениздат, 1959. 195 с.
- [16] Попхадзе Т.Ю., Гармашева Т.М. Современная миграция китайцев в Россию и ее социально-экономические последствия // Наука и инновации – современные концепции. Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума. М.: 2022. С. 76-81.
- [17] Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917 гг.). М.: Наука, 1989. 127 с.
- [18] Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политическая администрация Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.): дисс...канд. истор. наук. Омск, 1999. 293 с.
- [19] Фу С. Построение тематических баз данных в библиотеках китайских университетов (на примере построения тематической базы «Китайцы в России Хейхэского университета») // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 1 (27). С. 31-39.
- [20] Цао Л. Количественные оценки миграционных процессов // Успехи современной науки. 2017. Т. 3. № 4. С. 150-154.
- [21] Нин Яньхун. История китайских эмигрантов в России. Пекин: Издательство Народа, 2015. 364 с.
- [22] Цян Сяюнь. Китайские эмигранты в России в периоде империи: гуманитарские особенности и система управления // Вопросы современного мирового социализма. 2006. № 1. С. 59-67.
- [23] Ли Сяньжун. Китайские рабочие в России и Октябрьская революция // Исторические контакты. 1979. № 11. С. 42-44.
- [24] Ли Юнчан. О китайских рабочих в России в период новой истории Китая // Исследование современной истории. 1987. № 2. С. 212-233.

Reference

- [1] Avdashkin A.A. "A Chinese worker in Russia takes a rifle": the image of a Chinese Red Army soldier in periodicals // *Social and Humanitarian Sciences in the Far East*. 2015. № 1 (45). P. 66-69.
- [2] Avdashkin A.A., Raeva T.V., Sibiryakov I.V. The image of China and the Chinese in late imperial Russia (based on materials from the magazine "Niva" // *Bylye Gody*. 2021. № 16 (4). P. 1898-1909.
- [3] Arsenyev V.K. Chinese in the Ussuri region. Historical and ethnographic essay // *Notes of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. X. Vol. 1. Khabarovsk, 1914. P. 1-203.
- [4] Borisov S.B. Occupations of the Chinese in Russia in the 1890s -1950s. // *Questions of history*. 2019. № 4. P. 86-95.
- [5] Grave V.V. Chinese, Koreans and Japanese in the Amur region. Report of the Commissioner of the Ministry of Foreign Affairs V.V. Grave. Proceedings of the Amur expedition sent by the Highest command. St. Petersburg: Printing house of V. F. Kirshbaum, 1912. Issue. XI. P. 232.
- [6] Datsyshen V.G. Chinese in Siberia in the 17th–20th centuries: problems of migration and adaptation. Krasnoyarsk: Publishing house Sib federation. Univ., 2008. 326 p.
- [7] Friendship sealed by blood (a collection of memoirs of Chinese comrades who took part in the Great October Socialist Revolution and the Civil War in the USSR): translation from Chinese / ed. Ph.D. ist. Sciences Liu Yun-an. M.: Voenizdat, 1959. 223 p.
- [8] Chinese volunteers in the battles for Soviet power (1918–1922). Documents and materials. M.: Publishing House of Eastern Literature, 1961. 179 p.
- [9] Komov A. About the Chinese and Koreans in the Amur region // *Siberian Questions*. St. Petersburg, 1909. № 27. P. 18-27.
- [10] Larin A.G. Chinese migrants in Russia. History and modernity. M.: Eastern Book, 2009. 512 p.
- [11] Larin A.G. Global Chinese diaspora and the new migration concept of Russia // *China in world and regional politics. History and modernity*. 2013. T. 18. № 18. P. 193-220.
- [12] Lukin A.V. The bear watches the dragon: the image of China in the 17th – 21st centuries. M.: East-West: AST, 2007. 598 p.
- [13] Muller A.A. In the flames of the revolution (1917–1922). Memoirs of the commander of the international detachment of the Red Guard. Irkutsk: Irkutsk Book Publishing House, 1957. 180 p.
- [14] Petrov A.I. Chinese historiography of the history of the Chinese in Tsarist Russia. Brief essay // *Russia and the Asia-Pacific region*. 2006. № 1 (51). P. 141-155.
- [15] Popov N.A. They fought with us for Soviet power. Chinese volunteers on the fronts of the Russian Civil War (1918–1922). L.: Lenizdat, 1959. 195 p.
- [16] Popkhadze T.Yu., Garmasheva T.M. Modern migration of Chinese to Russia and its socio-economic consequences // *Science and innovation - modern concepts*. Collection of scientific articles based on the results of the International Scientific Forum. M.: 2022. P. 76-81.
- [17] Soloviev F.V. Chinese otkhodnichestvo in the Russian Far East in the era of capitalism (1861–1917). M.: Nauka, 1989. 127 p.
- [18] Sorokina T.N. Economic activities of Chinese citizens in the Russian Far East and the political administration of the Amur region (late XIX - early XX centuries): diss... cand. history Sci. Omsk, 1999. 293 p.
- [19] Fu S. Construction of thematic databases in the libraries of Chinese universities (using the example of the construction of the thematic database "Chinese in Russia at Heihe University") // *The power of history and the history of power*. 2021. Vol. 7. № 1 (27). P. 31-39.
- [20] Cao L. Quantitative assessments of migration processes // *Advances in modern science*. 2017. Vol. 3. № 4. P. 150-154.
- [21] Ning Yanhong. History of Chinese emigrants in Russia. Beijing: People's Publishing House, 2015. 364 p.
- [22] Qiang Xiaoyun. Chinese emigrants in Russia during the period of empire: humanistic features and management system // *Issues of modern world socialism*. 2006. № 1. P. 59-67.
- [23] Li Xianrong. Chinese workers in Russia and the October Revolution // *Historical contacts*. 1979. № 11. P. 42-44.
- [24] Li Yongchang. About Chinese workers in Russia during the period of the new history of China // *Research of modern history*. 1987. № 2. P. 212-233.

Чжао Хуэйцин

Доцент, Хэйхэский университет, КНР.

Дударенок С.М.

*Доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник,*

Отдел социально-политических исследований.

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН.*

**Изучение истории китайской диаспоры российского
Дальнего востока в России и КНР**

Аннотация. Цель данной статьи – определить степень изученности истории китайской диаспоры российского Дальнего Востока специалистами из России и Китайской Народной Республики. В работе представлены основные труды исследователей, раскрывающие вопросы жизни китайского народа на территории РФ. Периодизация трудов историков и этнографов (дореволюционного времени, советского и постсоветского этапов) позволяет проследить эволюцию взглядов учёных на историю развития китайской диаспоры российского Дальнего Востока. Автором определяется необходимость продолжения и укрепления российско-китайского научного сотрудничества для более глубокого и восторженного анализа закономерностей развития и истории китайской диаспоры, проживающей на территории Дальнего Востока в РФ.

Ключевые слова: китайская диаспора, китайская община, Дальний Восток, миграция, Китай.

Zhao Huiqing

Associate Professor, Heihe University, Heihe (China).

Dudarenok S.M.

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Leading Research Officer at the Institute of history,
Archeology and Ethnography of the peoples
of the Far East FEB RAS, Vladivostok.*

**Studying the history of the Chinese diaspora
of the Russian far east in Russia and PRC**

Abstract. The purpose of this article is to determine the degree of knowledge of the history of the Chinese diaspora of the Russian Far East by specialists from Russia and the People's Republic of China. The paper presents the main works of researchers that reveal the issues of the life of the Chinese people on the territory of the Russian Federation. The periodization of the works of historians and ethnographers (pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet stages) allows us to trace the evolution of scientists' views on the history of the development of the Chinese diaspora in the Russian Far East. The author determines the need to continue and strengthen Russian-Chinese scientific cooperation for a deeper and deeper analysis of the patterns of development and history of the Chinese diaspora living in the Far East in the Russian Federation.

Key words: Chinese diaspora, Chinese community, Far East, migration, China.

Таршилова А.М.

Аспирант Факультета мировой политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Международный контроль за атомной энергией: к истории постановки вопроса*

Автор благодарит главного библиотекаря Центра документов международных организаций Российской государственной библиотеки Галину Витальевну Шандуренко за помощь в работе с источниками.

Международный режим нераспространения ядерного оружия и комплекс договоров по контролю за вооружениями пребывают сейчас в состоянии упадка. Вместе с тем, проблема безопасности гражданских ядерных объектов в международных конфликтах в последнее время едва ли не более значима, чем риск применения ядерного оружия и политика ядерного сдерживания. Мы как бы возвращаемся во времена недостигнутых еще договоренностей, когда атом не был разделен на мирный и военный. Каким образом будет обеспечиваться ядерная безопасность и контроль над атомной энергией в дальнейшем пока не ясно. Поэтому актуально изучение истории «атомного вопроса»¹, уточнение связанных с ним понятий, а также позиции советского руководства и администрации США в этом отношении.

Международный контроль над атомной энергией – это понятие, введенное в общественно-политический дискурс физиками-ядерщиками Л. Сцилардом, Н. Бором, Р. Оппенгеймером и др. Под международным контролем над атомной энергией они понимали некоторый комплекс мер, направленных на исключение использования внутриядерной энергии во вред человечеству [23]. Вопрос о международном контроле над атомной энергией был поставлен президентом США Г. Трумэном, премьер-министром Великобритании К. Эттли и премьер-министром Канады У.Л.М. Кингом в Совместной декларации 15 ноября 1945 г. (Декларация Трумэна-Эттли-Кинга) [20]. Они призвали установить международный контроль над атомной энергией в объеме, необходимом для использования ее только в мирных целях. То есть впервые о международном контроле над атомной энергией заговори-

¹ В советской историографии словосочетаниями «атомным вопрос» или «атомная проблема» обозначались проблемы и задачи, связанные с установлением контроля над атомной энергией и запрещением атомного оружия.

ли создавшие атомную бомбу физики, а установить международный контроль над атомной энергией потребовали впервые применившие ее США.

Советское правительство было заинтересовано в соблюдении Устава ООН, закреплении итогов Второй мировой войны и международном сотрудничестве [2]. А также в развитии мирного применения атомной энергии. Один из авторов плана ГОЭЛРО Г.М. Кржижановский осенью 1945 г. писал: «Успехи зарубежного мира в области внутриатомной энергии свидетельствуют о том, что эта энергия может открыть новые страницы культуры и энергетики. Однако мы уверены, что союз советских физиков и советских энергетиков и в этой области скажет свое особое, свое решающее и несущее новую победную радостную весть всему человечеству, слово» [3].

Советский Союз присоединился к «инициативе трех наций». По итогам Московского совещания министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства 27 декабря 1945 г. было подписано коммюнике, в котором говорилось о создании комиссии ООН по атомной энергии [4].

Резолюция № 1 Генеральной Ассамблеи ООН Об учреждении Комиссии для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии, от 24 января 1946 г. дословно повторяла положения декларации Трумэна-Эттли-Кинга [11]. Комиссии было поручено подготовить предложения о контроле над атомной энергией в объеме, необходимом использования ее только в мирных целях, и исключении атомного оружия из вооруженных сил национальных государств.

Первой сессии Комиссии по атомной энергии ООН, назначенной на июнь 1946 г., предшествовали важные события.

5 марта 1946 г. выступавший с речью в Фултоне бывший военный премьер Великобритании У. Черчилль заявил, что «было бы неблагоприятно верить секретные знания об атомной бомбе, которыми сообща владеют Соединенные Штаты, Великобритания и Канада, незрелой пока еще мировой организации. Никому ни в одной стране мира не пришлось еще плохо спать в связи с тем, что эти знания, а также метод и сырье для их применения, в настоящее время остаются в руках американцев» [17].

15 марта 1946 г. на Первой сессии Верховного совета СССР с докладом о Пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг. выступил председатель Госплана СССР Н.Л. Вознесенский. План включал в себя работы по исследованию в интересах промышленности и транспорта вопросов внутриатомной энергии [10].

16 марта 1946 г. был подготовлен совместный отчет комитета под руководством заместителя госсекретаря США Д. Ачесона и консультативного совета при нем во главе с председателем Комиссии США по атомной энергии Д. Лилиенталем («Отчет Ачесона-Лилиентала»), содержащий план учрежде-

ния агентства по атомному развитию (англ. plan for an atomic development authority, ADA) [14]. Отчет называл опасной любую деятельность, решающую одну из «трех главных проблем производства атомного оружия» – поставок сырья, производства урана-235 и плутония нужного количества и качества, использования этих материалов для изготовления атомного оружия. О ядерных материалах в отчете говорилось не только как о военной угрозе безопасности, но и как о механизме межгосударственной конкуренции.

14 июня 1946 г., выступая на открытии первой сессии Комиссии по атомной энергии ООН, представитель администрации США Б. Барух изложил план создания агентства по атомному развитию [16]. В дополнение к идеям Ачесона-Лилиенталя план Б. Баруха предполагал ликвидацию права вето постоянных членов Совета безопасности ООН в отношении вопросов, связанных с атомной энергией.

19 июня 1946 г. глава советской делегации А.А. Громыко представил проект конвенции о запрещении атомного оружия, отказавшись поддержать предложения делегации США [1]. 5 июля 1945 г. США официально отклонили предложенный СССР проект конвенции о запрещении атомного оружия. Формальным поводом послужило отсутствие в советском проекте эффективных механизмов контроля. Сопоставление американского и советского плана по контролю над атомной энергией см. в *Таблице 1*.

1 августа 1946 г. президент США Г. Трумэн подписал Закон Макмагона (Atomic Energy Act of 1946, вступил в силу 1 января 1947 г.) [15]. Закон объявлял закрытыми все сведения о производстве и использовании расщепляющихся материалов, как в военных, так и в мирных целях. Запрет распространялся и на обмен информацией с союзниками. Запрещалась передача расщепляющихся материалов какому бы то ни было иностранному правительству и любым лицам вне юрисдикции США. Закон Макмагона выражал политику администрации США в отношении международного контроля над атомной энергией. Вступление этого закона в силу делало дальнейшие переговоры по международному контролю над атомной энергией практически бессмысленными.

Как будто в подкрепление своей позиции США провели силовую демонстрацию. 1 июля и 25 июля 1946 г. была произведена серия испытаний атомной бомбы на атолле Бикини (операция «Перекресток») [23].

30 декабря Комиссия по атомной энергии ООН одобрила предложения делегации США (10 голосов «за», СССР и Польша воздержались). «План Баруха» был направлен в Совет Безопасности ООН в форме первого доклада Комиссии по атомной энергии от 31 декабря 1946 г. [6].

10 марта 1947 г. Совет безопасности ООН единогласно принял резолюцию № 296, отправившую предложения по контролю над атомной энергией обратно в Комиссию по атомной энергии ООН на доработку с указани-

ем продолжать изучение всех фаз проблемы международного контроля над атомной энергией и готовить новый проект договора или конвенции [13].

Таблица 1. Предложения СССР и США, внесенные на рассмотрение Комиссии по атомной энергии ООН (1946 г.).

Название проекта	
Агентство по атомному развитию	Конвенция о запрещении и уничтожении атомного оружия
Кто и когда утвердил	
президент США Г.Трумэн в мае 1946 г.	Политбюро ЦК ВКП(б) 13 июня 1946 г.
Кем и когда представлен	
14 июня 1946 г. представителем администрации США Б. Барухом	19 июня 1946 г. главой делегации СССР А.А.Громыко
Суть предложений	
полный контроль над мировыми запасами урана и тория, непрерывное ведение геологоразведочных работ; добыча урана и тория	полное запрещение производства и применения атомного оружия
строительство и эксплуатация атомных реакторов и заводов по разделению изотопов	уничтожение всех запасов готовой и незаконченной продукции атомного оружия
выдача лицензий на использование урановых и ториевых рудников, инспекционная деятельность	признание, что нарушение конвенции является тягчайшим преступлением против человечества
решение об обращении в ООН и СБ ООН; привлечение вооруженного персонала ООН к охране атомных предприятий.	санкции за нарушение конвенции, накладываемые договаривающимися государствами.

Источник: составлено автором на основании: Тимербаев Р.М. Международный контроль над атомной энергией. – М.: 2003. и др. указанных в списке литературы материалов.

В 1947 г. СССР дополнил свой проект конвенции о запрещении атомного оружия. Для осуществления мероприятий по контролю за объектами атомной энергии предлагалось создать в рамках Совета Безопасности международную комиссию по контролю над атомной энергией, именуемую Международной контрольной комиссией. Международная контрольная комиссия должна была проводить инспекции предприятий по добыче атомного сырья и по производству атомных материалов и атомной энергии. Комиссия по атомной энергии ООН в своем втором докладе, принятом 11 сентября 1947 г. 10 голосами против 1 (СССР) при 1 воздержавшемся (Польша), отметила, что обсуждение советских предложений не привело

к примирению взглядов по принципиальным вопросам [5].

В третьем докладе Комиссии по атомной энергии ООН от 17 мая 1948 г., принятом 9 голосами против 2 (Украинская ССР и СССР), прямо сказано, что Комиссия зашла в тупик и не может подготовить проект договора о контроле над атомной энергией. Проблема, говорилось в докладе, состояла в том, что Советский Союз отверг «план Баруха» как противоречащий принципу национального суверенитета [5]. Советский Союз считал, что любому соглашению о контроле должна предшествовать конвенция, запрещающая атомное оружие, и запрещение атомного оружия – единственно возможное основание для установления системы контроля. При этом большинство членов Комиссии, наоборот, утверждали, что такая конвенция без гарантий не обеспечит никакой защиты [19].

Переговоры в комиссии ООН фактически продолжались до 1948 г, но задачи, поставленные Генеральной Ассамблеей ООН, выполнены не были. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 502 от 11 января 1952 г. «Регулирование, ограничение и соразмерное сокращение всех вооруженных сил и всех вооружений; международный контроль над атомной энергией» [12] Комиссия по атомной энергии ООН была ликвидирована.

Исследующие причины провала работы Комиссии по атомной энергии ООН англоязычные авторы в один голос твердили, что во всем виновато нежелание Советского Союза устанавливать какой бы то ни было международный контроль [25; 26 и др.].

Советские юристы-международники писали, что «план Баруха» не соответствовал Резолюции № 1 Генеральной Ассамблеи ООН, противоречил уставу ООН, был заведомо нереализуем в построенной по итогам Второй мировой войны системе отношений национальных государств. Советские историки указывали, что администрация США желала навязать такую систему международного контроля над производством и потреблением атомной энергии, опираясь на которую американский монополистический капитал получил бы неограниченные возможности для экономической, политической и военной экспансии [22]. Но любое обсуждение вопроса о международном контроле над атомной энергией, как он был поставлен американской стороной, в итоге работало на дискредитацию миролюбивой внешней политики СССР.

С роспуском Комиссии по атомной энергии ООН вопрос о международном контроле над атомной энергией был окончательно снят с рассмотрения. В дальнейшем «атомный вопрос» был разделен. США инициировали обсуждение темы мирного применения атомной энергии: в декабре 1953 г. запущена американская программа «Атом для мира» [18].

К 1958 г. американский политолог Дж. Ноги имел все основания заявить, что тема международного контроля над атомной энергией – «закры-

тая книга современной истории» [24].

Впоследствии атомная проблема рассматривалась в рамках переговоров по разоружению, нераспространению ядерного оружия и контролю над вооружениями, которые не предполагали установления международного контроля над атомной энергией, как это было заявлено изначально. В ходе советско-американских переговоров о контроле над ядерными вооружениями стороны всеобъемлющих целей уже не ставили. Может быть поэтому дальнейший переговорный процесс показался относительно успешным [21]. Международный контроль над атомной энергией отчасти был реализован в сочетании договоров частно-правового характера между СССР и США, объединенных под «зонтиком» контроля за вооружениями, и системы гарантий МАГАТЕ в рамках международного режима нераспространения ядерного оружия.

Библиографический список:

- [1] В комиссии по контролю над атомной энергией. Выступление тов. Громыко / «Правда» № 146, 21 июня 1946 г.
- [2] Коровин Е.А. Основные принципы советской внешней политики: стенограмма публ. лекции, прочит. 25-го мая 1947 г. в лекц. зале в Москве. – М.: 1947.
- [3] Кржижановский Г.М. К 25-летию юбилею плана ГОЭЛРО. // Журнал «Электричество», 1945. № 12.
- [4] Московское совещание министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства 16-26-го дек. 1945 г.: Сообщение и состав делегаций. – М.: 1946.
- [5] Объединенные нации. Комиссия по атомной энергии. Официальный отчет. Специальное дополнение. Второй доклад Совету Безопасности. 11 сентября 1947 г. (AEC/25).
- [6] Объединенные нации. Комиссия по атомной энергии. Официальный отчет. Первый год. Специальное дополнение. Первый доклад Совету Безопасности. – Нью-Йорк, 1946.
- [7] Объединенные нации. Комиссия по атомной энергии. Официальный отчет. Специальное дополнение. Третий доклад Совету Безопасности. 17 мая 1948 г. (31/Rev.1).
- [8] Предложения советского правительства, внесенные на рассмотрение комиссии по контролю над атомной энергией. // «Известия», № 145 (9061), 21 июня 1946 г.
- [9] Предложения советского правительства, внесенные на рассмотрение комиссии по контролю над атомной энергией. // «Известия», № 147 (9063), 23 июня 1946 г.
- [10] Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг. Доклад председателя Госплана СССР Н.Л. Вознесенского / «Правда», № 64, 16 марта 1946 г.
- [11] Резолюция ГА ООН № 1 от 24 января 1946 г. Учреждение Комиссии для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии A/RES/1(I).
- [12] Резолюция ГА ООН № 502 от 11 января 1952 г. Регулирование, ограничение и соразмерное сокращение всех вооруженных сил и всех вооружений; международный контроль над атомной энергией A/RES/502 (VI).
- [13] Резолюция СБ ООН от 10 марта 1947 года [S/296].
- [14] Acheson D., et al. A Report on the International Control of Atomic Energy. Washington, D.C.: US Department of State Publication No. 9498, 16 March 1946 URL: Acheson at al. to Byrnes, Mar. 17, 1946, in A Report on the International Control of Atomic Energy (Washington, 1946). // URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/Report_on_the_International_Control_of_Atomic_Energy_16_Mar_1946.PDF.
- [15] Atomic Energy Act of 1946 (McMahon Act).
- [16] Baruch's Speech at Opening Session of U.N. The New York Times. 15 June 1946: 4.
- [17] Churchill W. The Sinews of Peace Speech in Westminster College, Fulton, Missouri, 05.03.1946. // URL: <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-sinews-of-peace>.
- [18] Eisenhower D.D. Address before the General Assembly of the United Nations on Peaceful Uses of Atomic Energy, Public Papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower, 1953.
- [19] United Nations and Disarmament. Chapter 1. The atomic energy commission 1945-1952 – UN, Dec 1970. P. 11-24. – DOI: <https://doi.org/10.18356/8c81b842-en>
- [20] United States – Great Britain – Canada: Declaration on Atomic Energy 15 November 1945 – Department of State Bulletin (United States), Vol. XIII, #334, November 18, 1945. P. 781-782.

- [21] Батюк В.И. План Баруха и СССР. // Холодная война: новые подходы, новые документы. – М.: 1995. С. 85-98.
- [22] Тарасенко В.А. Борьба делегации СССР в атомной комиссии ООН за запрещение атомного оружия и учреждение международного контроля над атомной энергией: 1946-1949 гг.: автореферат диссертации... кандидата исторических наук. – Киев, 1951.
- [23] Тимербаев Р.М. Международный контроль над атомной энергией. – М.: 2003.
- [24] Noguee J.L. Soviet Policy Toward International Control of Atomic Energy. – Notre Dame, Indiana, 1961.
- [25] Oppenheimer J.R. (1948). International Control of Atomic Energy. Foreign Affairs, 26 (2), 239. – DOI:10.2307/20030103
- [26] Shils E.A. (1948) The Failure of the United Nations Atomic Energy Commission: An Interpretation. // University of Chicago Law Review: Vol. 15. Iss. 4. Art. 5.

Reference

- [1] In the Atomic Energy Control Commission. Speech by Comrade Gromyko / Pravda No. 146, June 21, 1946
- [2] Korovin E.A. Basic principles of Soviet foreign policy: transcript of publ. lectures, reading May 25, 1947 in lecture. hall in Moscow. – М.: 1947.
- [3] Krzhizhanovskiy G.M. To the 25th anniversary of the GOELRO plan. // Magazine "Electricity", 1945. No. 12.
- [4] Moscow meeting of the foreign ministers of the Soviet Union, the United States of America and the United Kingdom, December 16-26. 1945: Message and composition of delegations. – М.: 1946.
- [5] United Nations. Atomic Energy Commission. Official report. Special addition. Second report to the Security Council. 11 September 1947 (AEC/25).
- [6] United Nations. Atomic Energy Commission. Official report. First year. Special addition. First report to the Security Council. – New York, 1946
- [7] United Nations. Atomic Energy Commission. Official report. Special addition. Third report to the Security Council. May 17, 1948 (31/Rev.1).
- [8] Proposals of the Soviet government submitted to the Atomic Energy Control Commission. // Izvestia, No. 145 (9061), June 21, 1946
- [9] Proposals of the Soviet government submitted to the Atomic Energy Control Commission. // Izvestia, No. 147 (9063), June 23, 1946
- [10] Five-year plan for the restoration and development of the national economy of the USSR for 1946-1950. Report of the Chairman of the USSR State Planning Committee N.L. Voznesensky / Pravda, No. 64, March 16, 1946
- [11] UNGA Resolution No. 1 of January 24, 1946 Establishment of a Commission to consider the problems arising in connection with the discovery of atomic energy A/RES/1(I).
- [12] UNGA Resolution No. 502 of January 11, 1952. Regulation, limitation and proportionate reduction of all armed forces and all weapons; international control of atomic energy A/RES/502 (VI).
- [13] UN Security Council Resolution of March 10, 1947 [S/296].
- [14] Acheson D., et al. A Report on the International Control of Atomic Energy. Washington, D.C.: US Department of State Publication No. 9498, 16 March 1946 URL: Acheson et al. to Byrnes, Mar. 17, 1946, in A Report on the International Control of Atomic Energy (Washington, 1946). // URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/Report_on_the_International_Control_of_Atomic_Energy_16_Mar_1946.PDF.
- [15] Atomic Energy Act of 1946 (McMahon Act).
- [16] Baruch's Speech at Opening Session of U.N. The New York Times. 15 June 1946: 4.
- [17] Churchill W. The Sinews of Peace Speech in Westminster College, Fulton, Missouri, 05.03.1946. // URL: <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-sinews-of-peace>.
- [18] Eisenhower D.D. Address before the General Assembly of the United Nations on Peaceful Uses of Atomic Energy, Public Papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower, 1953.
- [19] United Nations and Disarmament. Chapter 1. The atomic energy commission 1945-1952 – UN, Dec 1970. P. 11-24. – DOI: <https://doi.org/10.18356/8c81b842-en>
- [20] United States – Great Britain – Canada: Declaration on Atomic Energy 15 November 1945 – Department of State Bulletin (United States), Vol. XIII, #334, November 18, 1945. P. 781-782.
- [21] Batyuk V.I. Plan of Baruch and the USSR. // Cold War: new approaches, new documents. – М.: 1995. P. 85-98.
- [22] Tarasenko V.A. The struggle of the USSR delegation in the UN Atomic Commission for the prohibition of atomic weapons and the establishment of international control over atomic energy: 1946-1949: abstract of the dissertation ... candidate of historical sciences. – Kyiv, 1951.
- [23] Tимербаев R.M. International control of atomic energy. – М.: 2003.
- [24] Noguee J.L. Soviet Policy Toward International Control of Atomic Energy. – Notre Dame, Indiana, 1961.
- [25] Oppenheimer J.R. (1948). International Control of Atomic Energy. Foreign Affairs, 26(2), 239. – DOI:10.2307/20030103
- [26] Shils E.A. (1948) The Failure of the United Nations Atomic Energy Commission: An Interpretation. // University of Chicago Law Review: Vol. 15. Iss. 4. Art. 5.

Таршилова А.М.

Аспирант Факультета мировой политики,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

**Международный контроль за атомной энергией:
к истории постановки вопроса**

Аннотация. Статья посвящена истории проекта международного контроля над атомной энергией, рассматривавшегося Комиссией по атомной энергии ООН в 1946-1952 гг. Уточняется понятие о международном контроле над атомной энергией, соответствующее периоду с 1945 по 1952 гг. Рассматривается позиция США в отношении международного контроля над атомной энергией и политика СССР по этому вопросу. Указаны причины, по которым англо-американский проект международного контроля над атомной энергией заведомо не мог быть реализован. Утверждается, что советское руководство было заинтересовано в международном контроле над атомной энергией, а администрация США нет.

Ключевые слова: международный контроль над атомной энергией, внешняя политика СССР, Комиссия по атомной энергии ООН, План Баруха, Международное право, Конвенция о запрещении атомного оружия, мирный атом, резолюция Генеральной ассамблеи ООН № 1.

Tarshilova A.M.

Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University.

International control of atomic energy: a history of the problem

Abstract. An article is devoted to the international control of atomic energy project the UN Atomic Energy Commission has been worked on in 1946-1952. The concept of international control of atomic energy as it was seen in the period from 1945 to 1952, is clarified. The position of the United States regarding international control over atomic energy and the policy of the USSR on this issue are considered. The reasons the Anglo-American project of international control over atomic energy a priori was impossible are found out. It argues the Soviet leadership was interested in international control of atomic energy and the US Administration was not.

Key words: international control of atomic energy, foreign policy of the USSR, UN Atomic Energy Commission, Baruch Plan, International law, Convention for the Prohibition of Atomic Weapons, Peaceful Atom, UN General Assembly Resolution № 1.

Фомин А.А.

Научный сотрудник, Хабаровский краевой музей имени Гродекова.

Тимошенко В.Н.

Доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет».

Иванов А.Ю.

Кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет».

**Участие Республики Филиппины
в Корейской войне 1950-1953 гг.***

На Ялтинской конференции 1945 г. лидеры трех стран антигитлеровской коалиции (СССР, США и Великобритания) договорились об обязательстве Советского Союза после разгрома Германии объявить войну Японии. В августе 1945 г. советские войска освободили Корейский полуостров от Квантунской армии. По итогам завершения войны территория Корейского полуострова была поделена вдоль 38-й параллели. Северные территории Корейского полуострова заняли советские войска, южные заняли американские.

В сентябре 1945 г. в северной и южной Корее появились свои лидеры двух государств. В Южной Корее лидером стал доктор философии Принстонского университета Ли Сын Ман, в Северной Корее – капитан Ким Ир Сен, формировавший партизанские отряды в селе Вятском для отражения атак японских войск и проходивший службу в РККА – в 88-й стрелковой бригаде Дальневосточного фронта.

В августе 1948 г. правительство Соединенных Штатов Америки создало и официально признало Республику Корея во главе с президентом Ли Сын Маном. На севере была создана Корейская Народно-Демократическая Республика во главе с Ким Ир Сенем, признанная и поддержанная правительством СССР. Началось формирование боевых отрядов со стороны обоих государств.

Корейская война началась 25 июня 1950 г. В тот же день резолюция Совета Безопасности ООН осудила это нападение как нарушение мира и настояла на том, чтобы КНДР «немедленно отошла к северу от 38-й параллели». Однако войска Северной Кореи начали постепенно теснить войска Южной Кореи и к августу 1950 г. заняли почти весь Корейский полуостров [1].

* © Фомин А.А., Тимошенко В.Н., Иванов А.Ю., 2023.

Правительство Г. Трумэна с геополитической точки зрения не готово было терять южную часть Корейского полуострова. Началась мобилизация военных сил Соединенных Штатов Америки и его союзников.

Одной из стран-участниц, принявшей участие в Корейской войне, стали Филиппины. 7 сентября 1950 г. филиппинский Конгресс Республики принял закон № 573 – он предусматривал предоставление филиппинской военной помощи «войскам ООН». Это позволило направить филиппинский экспедиционный корпус в Южную Корею для оказания помощи в «отражении коммунистической агрессии». Тогда президент Э. Кирино заявил, что Филиппины направляют экспедиционный корпус в Корею во исполнение обязательств страны как соавтора Устава Организации Объединенных Наций [3].

Филиппинские экспедиционные силы в Корее (PEFTOK) были филиппинским армейским контингентом в составе сил Организации Объединенных Наций, которые сражались в Корейской войне [4]. Подразделение было готово к отправке в Корею в августе 1950 г. Оно состояло из 1468 военнослужащих и являлось пятой по численности армией под командованием Организации Объединенных Наций. Филиппинские экспедиционные силы принимали участие в битве при Юлтоне и битве на Жуткой равнине. Подразделение действовало вместе с 1-й кавалерийской дивизией США, 3-й пехотной дивизией, 25-й пехотной дивизией и 45-й пехотной дивизией [5].

Первым подразделением, прибывшим с территории Филиппин на Корейский полуостров, была боевая группа десятого батальона. Он находился на боевом посту с сентября 1950 по сентябрь 1951 гг. Единственный моторизованный филиппинский танковый батальон в составе 64 офицеров и 1303 рядовых высадился в Пусане после четырехдневного плавания с Филиппин [3]. Также батальон имел в своем распоряжении разведывательную роту, оснащенную двадцати четырьмя легкими танками «Чаффи» M24 [5]. Данное боевое оснащение было следствием невыполнения обязательств со стороны правительства США по поставкам американских средних танков «Шерман» филиппинскому вооруженному контингенту.

Десятый моторизованный батальон («боевые филиппинцы») получил награду США за храбрость 22-23 апреля 1951 г. в битве при Юлтонг, где он эвакуировал тела 10 убитых в бою, также имел потери – 14 пропавших без вести, 26 раненых, и еще 5 убитых при проведении спасительной операции для войск ООН. Танковая рота десятого батальона находилась на передовой под командованием капитана К. Япа. В битве при Юлтонг (самой крупной битве, которую филиппинские солдаты вели в Корейской войне), подразделению было дано право отступить, потому что оно уступало значительно превосходящим силам противника. Проблема роты капитана Япа заключалась в том, что один из взводов под его командованием был уничтожен, и он не хотел оставлять своих людей. Вместо этого он контр-

атаковал, забрал убитых и спас своих раненых. К сожалению, он погиб в этом боестолкновении. Он был награжден медалью «За отвагу» Филиппин, крестом «За выдающиеся заслуги» США и орденом «За военные заслуги» Южной Кореи, что сделало его единственным филиппинским героем, награжденным тремя странами самыми престижными знаками воинского отличия. Блестящее участие в битве при Юлтонг принесло моторизованному батальону славу «сражающихся филиппинцев» [2].

Общая цифра потерь боевой группы десятого батальона за войну составила 43 убитых, 9 пропавших без вести, 58 пленных [6]. По различным причинам на Филиппины с Корейского полуострова были отозваны также 400 человек из десятого моторизованного батальона. 5 мая 1952 г. тела погибших солдат были торжественно встречены на территории филиппинского государства [2].

Второй прибыла с Филиппин в Корею двадцатая батальонная боевая группа. Она находилась с апреля 1951 по апрель 1952 гг. В течение четырех дней, с 18 по 21 мая 1952 г., эта группа филиппинских войск участвовала в битве на равнине Эри. Шесть офицеров и двадцать два рядовых солдата были награждены за заслуги филиппинским и американским правительствами.

Медали «Золотой крест» были вручены трем офицерам: лейтенанту Б. Сантосу, лейтенанту С. Батило и лейтенанту Р. Маэстро. Последний также получил медаль «Бронзовая звезда» (с буквой «V») от американских военных за руководство первым успешным штурмом 18 мая. Лейтенант Л. Реджис получил звезду отличника и американскую медаль «Серебряная звезда» за лидерство в штурме 19 мая. Лейтенант Ф. Рамос, возглавивший штурм 21 мая, был награжден медалью «За боевые заслуги». Капитан Р. Сармьенто из медицинского отряда также был награжден медалью «За боевые заслуги» за период с 12 сентября 1951 г. по 15 мая 1952 г. [6]

Закаленный в боях, отличившийся в анти-хукской кампании (контрпартизанские действия на Филиппинах) первый контингент девятнадцатого батальона боевой группы «Ищейки» высадился в Корею в конце апреля 1952 г., а последний контингент был направлен в Корею через два месяца. Девятнадцатый батальон боевой группы был первым из формирований Филиппинских экспедиционных сил в Корею, награжденным Почетной грамотой президента Южной Кореи Ли Сын Мана. Он также получил боевые знаки отличия от американского десятого корпуса, вместе с которым филиппинские войска сражались на территории Корейского полуострова [3].

27 июля 1953 г. в южнокорейском городе Пханмынджоне состоялись переговоры между делегациями, представлявшими Северную Корею и Соединенные Штаты Америки, в ходе которых было подписано официальное перемирие между Республикой Корея и КНДР. Оно было подписано главнокомандующим американскими войсками в Корею генералом М. Кларком

и северокаорейским генералом Нам Иром [1]. Оставшиеся на территории полуострова корейские и китайские народные добровольцы не признавали подписанное перемирие, вследствие чего продолжались мелкие локальные стычки на территории Республики Корея [2].

Для восстановления разрушенной в ходе Корейской войны инфраструктуры и наведения порядка на территории Республики Корея, с целью обеспечения условий перемирия и поддержания правопорядка с Филиппин, по поручению министра национальной обороны Р. Магсайса были направлены два боевых батальона. Четырнадцатый батальон боевой группы, названный «Мстителями» из-за его великолепного послужного списка в анти-хукской кампании, прибыл на корейскую землю 26 марта 1953 г. За свои усилия четырнадцатый батальон боевой группы получил почетную грамоту южнокорейской президентской академии в декабре 1953 г. и филиппинской президентской академии по возвращению домой в марте 1954 г. [3]

Еще одним подразделением, прибывшим с Филиппин на Корейский полуостров для наведения порядка, была боевая группа второго батальона. Боевая группа второго батальона была сформирована в июле 1946 г., что сделало его одним из самых опытных боевых подразделений в анти-хукской кампании. Она приобрела большой тактический опыт за восемь лет боев против хуков в Центральном и Южном Лусоне. В 1953-1954 гг. она занималась укреплением безопасности южнокорейских границ на полуострове [3].

Участие войск Республики Филиппины в Корейской войне 1950-1953 гг. проходило в рамках программы мобилизации Соединенными Штатами Америки стран – своих союзников под флагом ООН. Данные мероприятия проводились с целью «недопущения коммунистической агрессии» на южнокорейскую территорию полуострова. За три года войны на Корейском полуострове служили в общей сложности 7420 филиппинских солдат и офицеров. 116 солдат были убиты в боях, 299 получили ранения и 57 попали в плен (41 были репатрированы на родину после обмена военнопленными). Последние подразделения филиппинских войск покинули Республику Корею 13 мая 1955 г., после проведения работ по восстановлению южнокорейской промышленности.

Библиографический список / Reference

- [1] Волынец А.Н. 27 июля 1953 г. закончилась Корейская война, в которой СССР обыграл всех противников и союзников. // URL: <https://koryo-saram.ru/27-iyulya-1953-goda-zavershilas-korejskaya-voyna-v-kotoroj-sssr-obygral-vseh-protivnikov-i-soyuznikov/>
- [2] 10th battalion combat team (MOTORIZED). Philippine Expeditionary Force to Korea (PEFTOK). // URL: <https://www.webcitation.org/query?url=http://www.geocities.com/peftok/10thbct3.html&date=2009-10-26+00:22:02>
- [3] Embassy of the Republic of the Philippines. Defense & Armed Forces Attache. // URL: <http://www.philembassy-seoul.com/dafa.asp>
- [4] Filipino soldiers' Fighting Communist China – Korean War: Valor redux. // URL: <https://www.pesoreserve.com/2012/07/filipino-soldiers-fighting-communist.html>
- [5] Phillipine Forces. // URL: <http://www.korean-war.com/philippines.html>
- [6] The Philippine Expeditionary Force to Korea (PEFTOK): 1950–1955. // URL: <http://www.peftok.blogspot.com.uk/>

Фомин А.А.

Научный сотрудник, Хабаровский краевой музей имени Гродекова.

Тимошенко В.Н.

*Доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Тихоокеанский государственный университет».*

Иванов А.Ю.

*Кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Тихоокеанский государственный университет».*

Участие Республики Филиппины в Корейской войне 1950-1953 гг.

Аннотация. В статье рассматриваются причины и предпосылки участия Республики Филиппины в Корейской войне 1950-1953 гг. Отдельно выделяются филиппинские боевые группы и батальоны, принявшие непосредственное участие в военном конфликте и послевоенном восстановлении инфраструктуры Корейского полуострова. Анализируется значение военного конфликта в контексте американо-филиппинского сотрудничества начала 1950-х гг.

Ключевые слова: Филиппины, США, военное сотрудничество, Корейская война, внешняя политика.

Fomin A.A.

Researcher, Khabarovsk territorial Museum.

Timoshenko V.N.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of Pacific National University.

Ivanov A.Y.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Pacific National University.

Participation of the republic of the Philippines in the Korean war 1950-1953

Abstract. The article discusses the reasons and prerequisites for the participation of the Republic of the Philippines in the Korean war of 1950-1953. Separately, Philippine combat groups and battalions that took a direct part in the military conflict and the post-war reconstruction of the infrastructure of the Korean Peninsula are highlighted. The article analyzes the significance of the military conflict in the context of the U.S.-Philippines cooperation in the early 1950s.

Key words: Philippines, USA, military cooperation, Korean war, foreign policy.

Богданов С.В.

Доктор исторических наук, профессор Губкинского филиала, НИТУ «Московский институт стали и сплавов».

Залюбовская В.В.

Аспирант ФГБОУ НИУ «Белгородский государственный университет».

Полевые и местные комендатуры германских оккупационных властей и их роль в утверждении немецкого «нового порядка»*

Захват германскими вооруженными силами и их союзниками довольно обширной территории СССР в сравнительно короткие сроки выдвинул перед немецкими оккупационными властями необходимость решения целого ряда задач.

Первая – административная. Она заключалась в необходимости создания сети территориальных органов управления, которые должны были реализовывать на практике планы и установки немецкого командования по утверждению немецкого «нового порядка» как переходного этапа к их будущей колонизации.

Вторая – экономическая. Предусматривала необходимость извлечения максимальной выгоды из захваченных территорий в плане сырьевых, продовольственных и людских ресурсов. А также по мере увеличения количества потерь в живой силе среди немецких военнослужащих и восполнения этих потерь за счет отправки на, прежде всего, восточный фронт гражданских лиц, все более актуальной становилась задача отправки в Третий рейх дополнительной рабочей силы из числа местных граждан.

Третья – охранно-полицейская. Заключалась в обеспечении безопасности тылов вермахта, армейских коммуникаций, а также организации противодействия усиливавшемуся партизанскому движению и антифашистскому подполью на оккупированной территории. К этой задаче вплотную примыкало мобилизационное направление, заключавшееся в вербовке лиц из числа гражданского населения для поступления на службу в ряды вооруженных сил и вспомогательных частей фашистской Германии. Об этом более подробно пишет российский историк С.В. Богданов в первой части

* © Богданов С.В., Залюбовская В.В., 2023.

своей монографии «Неотвратимое возмездие: рассекреченные документы» [2, с. 14-25].

Уже в первые недели после вторжения немецких войск в пределы СССР командование отдельных частей стало сталкиваться с серьезными проблемами. Так, в попавших в распоряжение советских разведывательных органов документов отдела «1-Ц» пехотного полка «Великая Германия» от 7 июля 1941 г. отмечалось следующее: «...надо считаться с возможностью организации небольших отрядов в занятой области. Население призывается прятать продовольствие, поджигать магазины, обрывать телефонные провода, разрушать железные дороги, сигнализацию, устанавливать на мало знакомых дорогах ложные указатели пути с целью введения в заблуждение, выводить из строя все машины, нападать на отдельных офицеров и солдат, на небольшие группы и транспортные колонны».

Для решения этих задач немецкими захватчиками на территории Курской области достаточно быстро был создан чрезвычайно разветвленный аппарат. В систему немецких специальных органов, которым было поручено заниматься практической реализацией этих задач, входили: полевые и местные комендатуры; подразделения вермахта, расквартированные в населенном пункте; полевая жандармерия; германская военная разведка («Абвер») и отделы «1-Ц» при штабах немецких войсковых соединений (от дивизий и выше); служба безопасности (СД); тайная полевая полиция (ГФП); восточный экономический штаб.

Остановимся подробнее на роли и функциях немецких полевых и местных комендатур, созданных на временно оккупированной территории Курской области в 1941-1943 гг. Основным органом поддержания немецкого «нового порядка» на оккупированных территориях СССР являлись комендатуры. Они в свою очередь подразделялись на главные полевые, полевые и гарнизонные.

Основными функциями комендатур на оккупированной территории Курской области являлись следующие: организация системы управления на захваченной территории; назначение бургомистров, сельских старост из числа местного населения; набор персонала на работу в гражданские административные учреждения, а также в русскую вспомогательную полицию.

Территориальными военными органами были комендатуры нескольких типов. По состоянию на 18 сентября 1942 г. в немецких военных документах среди перечня комендатур, которые находились на территории оперативного тылового района группы армий «Б» и подчинялись во всех отношениях командующему оперативного тылового района, были названы главные полевые комендатуры №399 в Конотопе и №397 («Донец») в Сталино (Юзовка). Первой подчинялись: полевые комендатуры в Рыльске №194, Нежине №197, Старобельске №198, Чутуеве №503, Обояни №754, а

также 21 гарнизонная комендатура.

В целом, система военной администрации в зоне боевых действий на территории оккупированной Курской области выглядела следующим образом: командующий войсками оперативного тылового района (с конца 1942 г. VII-ой отдел при штабе группы армий); главные полевые комендатуры; полевые комендатуры (фельдкомендатуры), находившиеся в подчинении у главных полевых комендатур; гарнизонные (местные) комендатуры, которые в свою очередь подчинялись фельдкомендатурам.

В среднем каждая полевая комендатура контролировала 15-20 районов оккупированных областей. Такое количество полевых комендатур позже немецким командованием признавалось недостаточным. Им подчинялось несколько местных комендатур, которые руководили 4-5 районами, но их недостатком было отсутствие административных чиновников. Так, например, полевая комендатура №200 действовала в Конотопе на территории Сумской области с 24 ноября 1941 г. до 17 июня 1942 г. Первоначально в ее ведении находились 24 района, в декабре их количество уменьшилось до 15, а затем – до 13 районов Сумской области. С 8 июня 1942 г. в зону ее ответственности было включено еще 7 районов Курской области. Это соотношение считалось далеким от оптимального, но для комплектования необходимого количества полевых комендатур не хватало кадров, которые имели необходимый опыт государственной службы. В связи с развитием событий на восточном фронте решить эту проблему не удалось, поэтому летом 1943 г. местные комендатуры были ликвидированы, а их полномочия были переданы полевым комендатурам. Это позволило избежать проявлений некомпетентности начальников местных комендатур, поскольку их функции гораздо продуктивнее выполняли сотрудники VII-х отделов полевых комендатур.

По мнению немецких чиновников, это мероприятие имело как положительные, так и отрицательные стороны. Недостатком считалось недоучет определенных задач полевыми комендатурами, которые прежде выполнялись местными комендатурами. В больших населенных пунктах в таких комендатурах не хватало квалифицированных кадров. С другой стороны, сильную сторону в проводимых реорганизациях видели в том, что непосредственная управленческая работа перешла от чиновников местных комендатур, которые не имели специального образования, к квалифицированным кадрам VII-х отделов полевых комендатур. Начальники полевых комендатур обязывались обеспечивать насущные потребности частей, которые дислоцировались в районе их деятельности, их адаптацию к нуждам военного руководства.

Характер субординации между немецкими комендатурами в зоне боевых действий и местными вспомогательными администрациями опреде-

ляла также процедура прохождения и исполнения директив. В исключительных военных вопросах распоряжения полевой комендатуры поступали непосредственно к местной комендатуре. Коллаборационистские органы гражданского управления – управы – информировались о них в случае необходимости. Отчетная документация в этом случае исходила от местной комендатуры. Во всех остальных ситуациях (за исключением непредвиденных обстоятельств) местная комендатура ограничивалась контрольными функциями и проверкой входящей и исходящей документации.

В отличие от оккупационного режима в захваченных странах Западной Европы, на оккупированной советской территории немецкое командование отказалось от создания единого административного аппарата. Еще одно объяснение данного положения вещей – отсутствие детальных директив по управлению оккупированными территориями на Востоке. Это объясняется уверенностью немецкого командования в молниеносной победе над СССР. Военные власти должны были руководить захваченными областями в течение относительно короткого промежутка времени, после чего планировалось передать их гражданской администрации.

Перед комендатурами ставились две взаимосвязанные задачи – собственно военная и управленческая. Первая заключалась в обеспечении безопасности в оккупированных районах и охране тыла германских воинских частей и их союзников. Вторая заключалась в организации, руководстве и контроле над местными органами гражданского управления, выявлении и использовании материальных ресурсов для ведения войны.

Первоочередными проблемами считались те, что были связаны с военными интересами: обеспечение квартирами, обнаружение различных запасов и организация их поставок для вермахта, ремонт мостов и дорог, срочная организация медицинской и ветеринарной служб с целью предотвращения эпидемий, среди, прежде всего, немецких военнослужащих.

Однако одним из основных направлений в деятельности комендатур являлось создание местных исполнительных органов для воплощения в жизнь немецкого «нового порядка», раскрывающим профессионализм германского чиновника, т.к. ценными считались те сотрудники, которым удавалось выявить из массы местного населения, готовых к сотрудничеству, наиболее способных и надежных людей и с их помощью организовать эффективное местное управление.

Выполнение этих задач вызвало необходимость регистрации населения, введение паспортной системы и прописки, регулирования распределения рабочей силы и финансовых вопросов, снабжения населения городов. В то же время, такие социальные вопросы, как организация школ, церкви, учреждений культуры и здравоохранения, гражданского судопроизводства, почты и т.д., оказались оттесненными на задний план.

Итак, согласно установленному порядку, гражданские и полицейские органы на оккупированных германской армией территориях подчинялись комендатурам.

Военным комендантами Курска последовательно были следующие представители немецкого командования: майор Фляг (с ноября 1941 г. до июля 1942 г.), генерал-майор Марселл (с июля 1942 г. по январь 1943 г.). Во главе немецкой комендатуры в Белгороде был назначен оберст Бабингер. Власть военных комендатур распространялась на воинские части, расквартированные на данной территории, жандармерию, полевую полицию, органы службы безопасности.

Кроме военных комендатур были созданы еще и гражданские комендатуры. С самых первых дней оккупации немецкими частями г. Курска в городе начала действовать гражданская комендатура, располагавшаяся по улице Ленина, дом 30. Гражданскую комендатуру возглавил этнический немец, проживавший на территории СССР, (фольксдойче) Р.Е. Вегеман, который до войны работал профессором кафедры немецкого языка Курского государственного педагогического института [4, с. 59].

Так, например, во главе данного органа в Белгороде был поставлен также фольксдойче К. Штарк, местный житель. Однако по мере создания местных органов гражданского управления и укомплектования их подходящими для немецких оккупационных властей кадрами большая часть полномочий гражданских комендатур начала передаваться органам местного управления. После того как в начале лета 1942 г. гражданские комендатуры полностью перешли в подчинение военных комендатур, они стали выполнять функцию связи с местными коллаборационистскими органами власти [5, т. 1, с. 232].

Руководство коллаборационистскими органами гражданского управления довольно часто сопровождалось постоянными сложностями и проблемами, поскольку комендатуры, которые осуществляли контроль над деятельностью местных органов власти, часто меняли место своего пребывания, особенно в периоды наступления вермахта. Примером этому может служить путь 756-й полевой комендатуры в июле-августе 1942 г.: 17 июля она оставила прежнее место расположения в Грайвороне (Курская область), с 18 по 20 июля находилась в Купянске (Харьковская область), затем в Старобельске (Ворошиловградская область) и, наконец, с 30 июля по 12 августа – в районе Черткова (Ростовская область).

Одной из важнейших задач, которая ставилась немецким военным руководством перед полевыми комендатурами на оккупированной территории Курской области – борьба с партизанским движением.

В отдельных населенных пунктах Курской области немецкие оккупационные власти вносили свои изменения в структуру органов обеспечения

безопасности немецких тыловых частей и соединений. Так, например, в г. Белгороде в структуре немецкой военной комендатуры был создан жандармский взвод, укомплектованный из служащих русской вспомогательной полиции.

Подытожим сказанное выше. Полевые и местные комендатуры являлись центральными элементами довольно разветвленной системы утверждения и поддержания немецкого «нового порядка» на оккупированной вермахтом территории Советского Союза. Их основными функциями были обеспечение безопасности тылов немецких воинских частей, борьба с антифашистским подпольем, деятельностью советских разведывательных органов.

Одним из важнейших направлений в деятельности полевых и местных комендатур на территории оккупированной Курской области являлся контроль над передвижением населения на вверенной территории. Безусловно, столь большое количество самых разнообразных задач, стоявших перед немецкими комендатурами, могли быть выполнены только при тесном взаимодействии с той частью советских граждан, которые решили добровольно пойти на сотрудничество с немецкими оккупантами.

Библиографический список:

- [1] Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Белгородской области (АУ ФСБ РФ по Белгор. обл.). Ф. 12. Оп. 1. АУД № 13140. Т. 22. Л. 169.
- [2] Богданов С.В. Неотвратимое возмездие: рассекреченные документы. Из истории борьбы органов государственной безопасности с изменниками Родины и активными пособниками немецких оккупантов на территории Белгородской области. - Белгород, 2014. 318 с.
- [3] Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3238. Л. 180-199.
- [4] Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-е, доп. - Курск: Учитель, 1999. 150 с.
- [5] Никифоров С.А. Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. Под пятой фашистов. - Курск: РФЭИ, 2012. 409 с.

Reference

- [1] Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Belgorod Region (AU FSB of the Russian Federation for the Belgorod Region). F. 12. Op. 1. AUD No. 13140. Vol. 22. L. 169.
- [2] Bogdanov S.V. Inevitable retribution: declassified documents. From the history of the struggle of state security agencies against traitors to the Motherland and active accomplices of the German occupiers on the territory of the Belgorod region. - Belgorod, 2014. 318 p.
- [3] State Archive of Socio-Political History of the Kursk Region (GAOPIKO). F. P-1. Op. 1. D. 3238. L. 180-199.
- [4] Grishkov I.G. Kursk region during the Great Patriotic War. Ed. 2nd, add. - Kursk: Teacher, 1999. 150 p.
- [5] Nikiforov S.A. Nazi occupation and collaboration in the regions of the Central Black Earth Region during the Great Patriotic War. Vol. 1. Under the heel of the fascists. - Kursk: RFEI, 2012. 409 p.

Богданов С.В.

*Доктор исторических наук, профессор Губкинского филиала,
НИТУ «Московский институт стали и сплавов».*

Залюбовская В.В.

*Аспирантка ФГБОУ НИУ
«Белгородский государственный университет».*

**Полевые и местные комендатуры германских
оккупационных властей и их роль
в утверждении немецкого «нового порядка»**

Аннотация. Статья посвящена роли германских полевых и местных комендатур в утверждении и поддержании фашистского оккупационного режима на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны. Хронологические рамки исследования охватывают период, когда Курская область находилась под властью немецких оккупационных властей и их союзников (ноябрь 1941-август 1943 гг.). Статья базируется на документах рассекреченных архивных материалов органов государственной безопасности России по Курской и Белгородской областям. Наибольший интерес представляли агентурные донесения советской разведки, материалы уголовных дел лиц, привлеченных к уголовной ответственности за активное сотрудничество с немецкими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Реконструируются цели и задачи германских комендатур в обеспечении безопасности немецких частей, военных коммуникаций, обеспечении вермахта продовольствием и борьбы с антифашистским подпольем на территории Центрального Черноземья.

Ключевые слова: немецкий оккупационный режим, немецкие полевые и местные комендатуры, коллаборационизм, антифашистское подполье.

Bogdanov S. V.

*Doctor of Historical Sciences, Professor of the Gubkin branch,
NUST «Moscow Institute of Steel and Alloys».*

Zalyubovskaya V. V.

*Postgraduate student of FGBOU NRU
«Belgorod State university».*

**Field and local commandage offices
of the German occupation authorities and their role
in establishing the German «new order»**

Abstract. The article is devoted to the role of the German field and local commandant's offices in establishing and maintaining the fascist occupation regime on the territory of the Kursk region during the Great Patriotic War. The chronological framework of the study covers the period when the Kursk region was under the rule of the German occupation authorities and their allies (November 1941-August 1943). The article is based on documents declassified archival materials of the state security bodies of Russia in the Kursk and Belgorod regions. Of greatest interest were intelligence reports of Soviet intelligence, materials of criminal cases of persons prosecuted for active cooperation with the German invaders during the Great Patriotic War. The goals and objectives of the German commandant's offices are reconstructed in ensuring the security of German units, military communications, providing the Wehrmacht with food and combating the anti-fascist underground in the Tsentral'nogo Chernozem'ya Region.

Key words: German occupation regime, German field and local commandant's offices, collaborationism, anti-fascist underground.

Гусейнов Анвархан Асиф оглы

Магистр, соискатель учёной степени кандидата наук. Исторический, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Вклад ученых АЗССР (на примере Юсифа Мамедалиева) в совершенствование добычи нефти и природного газа для укрепления боевой мощи Красной армии*

Рожденный 31.12.1905 года в Ордубаде (современная Нахичеванская Республика), Юсиф вырос в семье, которая занималась образовательной деятельностью. Дом был оборудован под школу со всеми ее атрибутами. Отец Юсифа привлекал преподавателей в свой дом, чтобы обеспечить полноценное образование для своих детей и детей соседей. [10, с. 116]

Юсиф Мамедалиев начал учиться в специальной новой школе Ордубада, а в период 1914-1920 гг. ознакомился с большим количеством трудов восточных философских поэтов.

Детство Юсифа совпало с трудным периодом военных и революции, что оказало значительное негативное влияние на его страну.

После революции, в возрасте 18 лет, Юсиф Мамедалиев принимает решение поступить в институт. Юного Юсифа интересовало химическое направление и он поступил на химический факультет данного учебного заведения.

Уже через год Юсиф выбирается в качестве представителя, чтобы принять участие в азербайджанском съезде интеллигенции, который проводился впервые. Для участия в съезде он подготовил доклад, высоко оцененный участниками съезда. Завершив обучение в возрасте 20 лет, Мамедалиев отправился в город Гянджа, где до 1928 года занимался преподавательской деятельностью и исполнял обязанности члена Оргкомитета азербайджанцев данного города. [8, с. 32]

Также он прикладывал значительные усилия для того, чтобы получить высшее образование в Москве, которая характеризовалась более высоким уровнем развития науки. В итоге, для совершенствования своих навыков и компетенций, в возрасте 23 лет Мамедалиев успешно сдает вступительные экзамены в МГУ. Там он параллельно начинает свою научную деятельность

* © Гусейнов Анвархан Асиф оглы, 2023.

в лаборатории известного химика Н.Д. Зелинского. Зелинский, видя значительный потенциал студента, начинает давать ему полноценные задания и исследования.

В рамках своего первого научного труда, Мамедалиев защищает выпускную работу, посвященную исследовательской деятельности в области гидрогенизации этилена, и заканчивает обучение и получает диплом выпускника МГУ.

После окончания Московского Государственного Университета, Мамедалиев некоторое время работал в качестве инженера на предприятии химического направления, однако он хотел осуществлять научную деятельность у себя на родине. В скором времени он был взят на работу в сельскохозяйственный институт. Там он занял должность завкафедрой «Органической химии», что в целом соответствовало стремлениям молодого ученого. [2, с. 47]

Через два года юный ученый сменил место своей работы на другой институт (АзНИИ нефтяной промышленности). На данном месте работы он полноценно состоялся как профессионал своего дела, пройдя путь от обычного научного работника до академика по карьерной лестнице.

Как ученого, Юсифа Мамедалиева постоянно занимала проблема сырьевого применения природных газов его страны в областях экономики и производства. В итоге, его первые научные труды были посвящены именно данной теме. С начала своей научной деятельности он активно проводил обширное и результативное научное исследование природных газов, сосредотачиваясь на определении эффективных областей их использования. Итогом работы стала публикация научной статьи об азербайджанских природных газах, которую он написал в возрасте 29 лет. [5, с. 146]

Юсиф Мамедалиев в своей научной деятельности стоял у истоков теоретических концепций советской химии полимеров. Как ученый он уделял много внимания особенностям получения и применения синтетического каучука. Работу в этой области он начал еще в 29 лет. Результатом ее было написание научной статьи о каучуке, которая отражала проблемные вопросы в области полимеров. Благодаря значительным научным результатам в конце 1950-х годов, началось строительство предприятия по производству синтетического каучука в городе Сумгаите. Это было основано исключительно на достижениях Мамедалиева.

Дальнейшие исследования ученый посвятил вопросу изучения водорода, и сформулировал ряд важных научных концепций, касающихся эффективного применения водорода в двигателях внутреннего сгорания, а также его промышленном использовании. Мамедалиев поделился своими идеями на эту тему в статье, затрагивающей проблемы водорода в его стране. Данная статья была опубликована, когда ученому было 29 лет.

В целом, за достаточно непродолжительный отрезок в четыре года (1933-1937 годы) Мамедалиев провел огромную работу и добился значительных успехов в ключевых направлениях химической отрасли: природные и нефтяные газы, получение этилового спирта, водорода и каучука, а также их применение в промышленных условиях. [4, с. 78]

Кроме того, им были проведены эксперименты для доказательства проверки полученных научных результатов. Данные эксперименты увенчались успехом.

На протяжении этого же периода ученым были разработаны фундаментальные основы технологии хлорирования, а в 1936 году от Совета Народных Комиссаров было получено задание разработать проект по созданию предприятия, которое будет специализироваться на выпуске по четыреххлористого углерода по предложенной ученым технологии.

Кроме того, параллельно ученый регулярно уделяет время вопросам развития технологии галоидирования. Особенно его интересовало применение данной технологии к нефтяным газам и их использованию в промышленности, научных, медицинских и прочих целях. После значительных достижений в изучении данной технологии, он сформулировал ряд важных открытий в области технологии хлорирования, за которые стал всемирно известен.

Мамедалиев отличался от других ученых тем, что начал использовать дополнительные разбавители вместе с катализатором в реакционном сосуде при достаточно высокой температуре в 300-400 градусов по Цельсию. Их применение он объяснял устранением проблемы взрывов.

Мамедалиев установил, что при температуре 370°C и соотношении хлора и метана в пропорции 1:3,8, применение активированного угля дает возможность получить основное вещество (четырёххлористый углерод/тетрахлорметан) с удельным весом более двух третей.

Для минимизации потенциальных взрывов, Мамедалиев использовал инновационный метод применения некоторых видов контактных материалов. Значительные результаты исследований, проведенных азербайджанским ученым, нашли отклик в ряде его статей, посвященных получению некоторых химических соединений из нефтяных газов, а также технологии хлорирования метана. [13, с. 31]

Примечательным является факт публикации данных статей в ряде английских и американских журналов в 1941 году.

Помимо успешного применения данного соединения в качестве алкилирующего агента, Мамедалиев сформулировал концепцию использования метилхлорида как фумиганта, а также о долгосрочной важности его как эффективного растворителя, в ряде отраслей производства, особенно в сфере авиации.

Юсиф Гейдарович Мамедалиев стал первым ученым, исследовавшим не только вопросы хлорирования некоторых газов, но также и проблемы хлорирования некоторых ароматических углеводородов. Ученый также составил руководство относительно наиболее правильного использования в качестве мономеров таких соединений, как галоидстиролы, галоидбензолы и другие полимерные соединения.

В возрасте 33 лет Мамедалиеву получил звание кандидата химических наук. При этом, примечательно, что данное звание было присуждено без необходимости подготовки и защиты кандидатской работы. Это было сделано, учитывая важность его достижений как ученого. Благодаря этому, он получил возможность обеспечить азербайджанское производство необходимыми важными сырьевыми компонентами для выпуска лекарств, которые до этого приходилось приобретать за границей.

Благодаря усилиям Мамедалиева в Азербайджане была открыта Академия наук. Это произошло в 1945 году, когда Советские войска победили в Великой Отечественной Войне. В этой связи примечательно выражение признания председателя АН СССР В. Комарова, который отметил, что республика заслуживает академии, уже за то, что имеет ученого такого масштаба и потенциала, как Юсиф Гейдарович. [7, с. 102]

Следует отметить, что в период функционирования данной Академии, Ю. Мамедалиев два раза занимал должность ее руководителя.

Важно отметить заслуги Ю. Мамедалиева касательно изобретения топлива для ракетных установок, которое было необходимо для осуществления полетов спутников по орбите, а благодаря открытиям азербайджанского ученого, стали возможными исторические прорывы человечества, такие как полет в космос.

Учитывая масштаб проведенной работы и уровень полученных успехов, научное сообщество Москвы, Ленинграда и ряда других крупных городов СССР, считали Юсифа Мамедалиева одним из ключевых кандидатов на Нобелевской премии.

Однако руководство партии в Азербайджане высказало альтернативное мнение. Органы власти посчитали, что талантливый академик занимается деятельностью по реализации особо секретных стратегических заданий, и его выдвижение на данную престижную награду может негативно повлиять на оборонную способность СССР. Это будет связано с необходимостью раскрыть ряд его научных исследований.

Потенциальное назначение азербайджанского ученого кандидатом на получение престижной награды в химической сфере было рассмотрено в ЦК КПСС, однако, к сожалению, в итоге, на церемонии вручения, проходившей 10.12.1958 г. в Стокгольме, награду за научные исследования в химической сфере получил Ф. Сенгер.

Занимая должность руководителя университета, Юсиф Мамедалиев регулярно отправлял денежные средства студентам-азербайджанцам, которые жили и получали образование в Москве, и не имели достаточного количества денежных средств.

В тот период времени азербайджанский ученый считался наиболее влиятельных в такой области нефтехимии, как галоидирование. В 1960 году ему было предложено стать сопредседателем на Международном конгрессе в области катализа, проходившем в Париже, а также возглавить Участок технологии галоидирования на этом же мероприятии.

Участникам данного конгресса Ю. Мамедалиев презентовал научные доклады в области технологий галоидирования; где он отметил, что коллектив азербайджанских ученых раскрыл «секрет» появления взрывов в процессе большинства проводимых на протяжении длительного времени реакций галогенирования. При этом, важно акцентировать то, что известный французский ученый Ж.Б. Дюма не смог этого сделать. [1, с. 9]

В своем докладе он особенно выделил тот факт, что только ученые из Азербайджана, используя инновационные инструменты и разработки, открыли нужные вещества и успешно предотвратили образование взрывов во время реакции галогенирования. Данная работа получила высокую оценку со стороны его коллег, а Французское химическое общество наградило Ю. Мамедалиева почетной медалью.

Юсиф Гейдарович Мамедалиев достиг значительных научных успехов в применении различных методов в процессах разделения и галоидирования, трансформация нефтяных газов, процессах и технологиях бромирования и ряде других областей.

Он смог предоставить четкие установки по использованию химических соединений, содержащих галоген в разных сферах промышленности, включая медицинскую отрасль. Благодаря созданной им методологии, было освоено производство медицинских препаратов на базе хлористых производных, полученных из газа.

Используя данный метод, объем изготовления четыреххлористого углерода стал достаточным для производства лекарственных средств, предназначенных для лечения распространенных в Закавказье инфекционных заболеваний.

Впоследствии Мамедалиев осуществил большую научную работу в сфере изготовления некоторых важных для Азербайджана и Советского Союза лекарств.

Еще одним значительным направлением научной деятельности Мамедалиева, на стыке химии и медицины, стало проведение исследований химического состава нафталанской нефти и ее воздействия на организм человека. Он провел широкие исследования по изучению этой нефти и

сформулировал гипотезу о ее лечебных действиях, которые объясняются наличием специальных углеводов. Впоследствии данная гипотеза была подтверждена экспериментально. [11, с. 30]

Примечателен тот факт, что научные работы, осуществленные в последующем, подтвердили правильность гипотезы, сформулированной Мамедалиевым на базе высокого уровня его предвидения, что открыло перспективы использования данного вида нефти для устранения широкого спектра серьезных недугов.

Наиболее важный этап работы Мамедалиева пришелся на период Второй Мировой Войны (1939-1945 гг.) и первые годы после военных действий, в течение которых осуществлялось реанимирование экономики. Множество изобретений и научных открытий, осуществленных в эти непростые времена благодаря научному гению Юсифа Мамедалиева, стали реальностью за счет его интуиции и большого объема работы.

Показательными примерами являются разработку различных типов высокооктанового и высокоцетанового топлива, что нашло применение в авиационной и ракетной промышленности, а также соединение некоторых химических веществ и смесей, имеющих важное военное значение и способных создавать мощные взрывы. Кроме того, можно отметить создание эффективных методов организации производства соединений, вызывающих слезотечение и дым, специальных веществ с модифицированной структурой.

Весной 1944 года столицу Азербайджана посетили лучшие научные деятели Советского Союза. Они приехали для ознакомления с текущим состоянием и работой научной отрасли Азербайджана. Завершив плановый осмотр, московская ученая комиссия провела специальное собеседование с азербайджанскими учеными.

Приехав в г.Баку, персонал комиссии принял решение о личной встрече с Юсифом Мамедалиевым, чье имя они знали еще со времен получения им высшего образования в Москве. Он уже тогда был замечен за счет высокого таланта, неординарного интеллекта и большого трудолюбия во имя победы советского народа. Встреча была организована в здании Исмаилие и сыграла большую роль в азербайджанской истории. Примечательно присутствие М.Д. Багирова на данной встрече. В целом, данной событие являлось ключевым моментом для открытия Академии наук в Азербайджане. [6, с. 115]

Беседуя на различные важные и актуальные научные темы с В. Комаровым, Ю. Мамедалиев рассказывал о текущих научных тенденциях в своей области, о ходе своей научной деятельности, показывал последние достижения и нефтехимии. Его ответы поразили персонал комиссии полнотой информации и качеством ее изложения.

Завершая собеседование В. Комаров отметил, что республика заслуживает своей академии, имея такого ученого, как Юсиф Гейдарович Мамедалиев.

Важнейшим историческим моментом в научной жизни Азербайджана стало основание азербайджанской Академии наук. Датой основания Академии – 27.03.1945 г. Важно отметить тот факт, что Мамедалиев был заслуженно включен в первый коллектив ее активных участников.

В 1948 г. после успешной защиты своей диссертации, Ю.Г. Мамедалиев, получив звание профессора, был единогласно выбран в качестве активного члена данной Академии.

Весной 1946 года азербайджанский ученый-химик был избран в качестве председателя специального научного совета при Министерстве нефтепрома. Мамедалиев лично поехал в столицу СССР, чтобы успешно реализовать порученный ему проект по организации создания буровых вышек в морских условиях.

Как результат, через три года в Каспийском море, было осуществлено затопление 7 устаревших морских кораблей, а на них положено большое количество грунта, что привело к созданию острова в Каспийском море. Этот остров был искусственно создан, а опыт такого проекта был первым в мире. На этом острове были начаты работы по добычанию нефти в морских условиях – также первый опыт в мире такого рода. [9, с. 389]

В конце осени 1949 года данный остров ежедневно приносил в среднем около 100 тонн добываемого сырья.

В итоге, в Азербайджане впервые в мировой истории была осуществлена добыча нефти в морских условиях, что принесло большой положительный опыт в дальнейшем при организации бурения под водой.

Ю. Мамедалиев, находясь в качестве академика, был выбран в 1947 году президентом азербайджанской Академии наук на три года. Он тщательно изучал сферу работы Академии и отвергал незначительные темы, которые не имели перспектив развития. Вместо этого он активно поддерживал и настаивал на развитии базовых исследовательских работ, которые были особенно актуальными на тот период. Следует отметить, что ученый занимал должность президента Академии наук дважды – в 1947-1950 гг. и в 1958-1961 гг. Благодаря грамотным стратегическим действиям в период его президентства большому количеству ученых были вручены Советские государственные премии, а также ордена Ленина. [3, с. 61]

Также примечательно создание в период президентства Юсифа Мамедалиева и по его инициативе, общества, позже названного «Знание», которое занималось распространением образовательной деятельности в Советском Союзе.

Во время своего президентства, Юсиф Гейдарович, который уже был

достаточно широко известным ученым, был выбран членом специальной Комиссии, которая занималась развитием нефтепрома СССР.

Юсиф Мамедалиев стал признанным во всем мире создателем инновационных направлений и движений в нефтехимии и в науке о полимерах благодаря невероятному объему проделанной работы, проведенным исследованиям и открытиям в технологии нефтепереработки. Его научные достижения исключительно важны и актуальны для потомков.

Он являлся выдающимся химиком, превосходным преподавателем, популярным деятелем различных направлений в Азербайджане. Он осуществлял деятельность в качестве активного члена Советской и Азербайджанской Академий Наук СССР. [12, с. 43]

Юсиф Гейдарович Мамедалиев умер в 1961 году, будучи доктором химических наук и профессором.

В целях сохранения памяти об Ю.Г. Мамедалиеве, Гейдар Алиев в 1998 году принял Указ о возведении памятника в его честь.

В заключение хочется отметить, что с течением времени значение и роль Ю. Мамедалиева в истории Азербайджана станет все более существенной и важным, и потомки по праву будут испытывать гордость за таких выдающихся людей.

Библиографический список:

- [1] Агакишиев И.А. Бакинская нефть в годы Великой Отечественной войны: формирование нефтяного фонда // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 7. С. 7-10.
- [2] Амрахов М.И. Азербайджан в годы войны (1941-1945 гг.) // Наука и современность. 2011. № 11. С. 41-50.
- [3] Ахмадова Х.Х., Сыркин А.М., Штепа Д.В., Мовсум-Заде Н.Ч. Становление и развитие термических процессов на бакинских нефтеперерабатывающих заводах и создание на их основе базы для развития нефтехимии // История и педагогика естествознания. 2017. № 3. С. 57-64.
- [4] Баградян К.С. Газета «Бакинский рабочий» в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 годы): специальность 07.00.01: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Баградян Каро Суменович. – Баку, 1984. 204 с.
- [5] Гезалова С.Ш. Влияние Бакинского завода глубоководных оснований на экосистему моря // Гидрометеорология и экология. 2018. № 2 (89). С. 139-149.
- [6] Гусейн Г.П. Деятельность Бакинского морского порта как международного порта в годы Второй мировой войны // Гилея: научный вестник. 2016. № 108 (5). С. 113-116.
- [7] Дегальцева Е.А. Вклад Азербайджана в победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 г. // Бийск: ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова» (АлтГТУ), 2015. С. 97-104.
- [8] Джиловдарлы А.Е. о. Роль русских ученых в развитии физических наук в Азербайджане // Наука, техника и образование. 2016. № 1 (19). С. 28-34.
- [9] Ибрагимов А.Г. о. Роль Азербайджана в победе над фашизмом в Великой Отечественной войне // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 5. С. 386-392.
- [10] Мурадова З.Б. Роль российских ученых в развитии методики преподавания химии в Азербайджане // Современные гуманитарные исследования. 2009. № 1 (26). С. 115-117.
- [11] Основные этапы реконструкции установок термического крекинга на бакинских нефтеперерабатывающих заводах / Х.Х. Ахмадова, А.М. Сыркин, Д.В. Штепа, Н.Ч. Мовсумзаде // История и педагогика естествознания. 2017. № 4. С. 27-32.
- [12] Становление и развитие процесса пиролиза на бакинских нефтеперерабатывающих заводах / Х.Х. Ахмадова, А.М. Сыркин, Д.В. Штепа, Н.Ч. Мовсумзаде // Нефтегазохимия. 2017. № 2. С. 40-45.
- [13] Становление и развитие процесса термокрекинга на бакинских нефтеперерабатывающих заводах /

X.X. Ахмадова, А.М. Сыркин, Д.В. Штепа, Н.Ч. Мовсумзаде // Нефтегазохимия. 2017. № 3. С. 28-34.

Reference

- [1] Agakishiev I.A. Baku oil during the Great Patriotic War: formation of the oil fund // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. 2016. № 7. P. 7-10.
- [2] Amrakhov M.I. Azerbaijan during the war years (1941-1945) // Science and modernity. 2011. № 11. P. 41-50.
- [3] Akhmadova Kh.Kh., Syrkin A.M., Shtepa D.V., Movsum-Zade N.Ch. Formation and development of thermal processes at Baku oil refineries and the creation on their basis of a base for the development of petrochemistry // History and pedagogy of natural science. 2017. № 3. P. 57-64.
- [4] Bagradyan K.S. Newspaper "Baku Worker" during the Great Patriotic War (1941-1945): specialty 07.00.01: dissertation for the degree of candidate of historical sciences / Bagradyan Karo Surenovich. – Baku, 1984. 204 p.
- [5] Gezalova S.Sh. The influence of the Baku deep-sea foundation plant on the sea ecosystem // Hydrometeorology and ecology. 2018. № 2 (89). P. 139-149.
- [6] Gusein G.P. Activities of the Baku seaport as an international port during the Second World War // Gileya: scientific bulletin. 2016. № 108 (5). P. 113-116.
- [7] Degaltseva E.A. Azerbaijan's contribution to the victory in the Great Patriotic War of 1941-1945 // Biysk: Altai State Technical University named after. I.I. Polzunov" (AltSTU), 2015. P. 97-104.
- [8] Dzhioldarly A.E. O. The role of Russian scientists in the development of physical sciences in Azerbaijan // Science, technology and education. 2016. № 1 (19). P. 28-34.
- [9] Ibragimov A.G. O. The role of Azerbaijan in the victory over fascism in the Great Patriotic War // Post-Soviet studies. 2020. T. 3. № 5. P. 386-392.
- [10] Muradova Z.B. The role of Russian scientists in the development of methods of teaching chemistry in Azerbaijan // Modern humanitarian research. 2009. № 1(26). P. 115-117.
- [11] Main stages of reconstruction of thermal cracking units at Baku oil refineries / Kh.Kh. Akhmadova, A.M. Syrkin, D.V. Shtepa, N.Ch. Movsumzade // History and pedagogy of natural science. 2017. № 4. P. 27-32.
- [12] Formation and development of the pyrolysis process at Baku oil refineries / Kh.Kh. Akhmadova, A.M. Syrkin, D.V. Shtepa, N.Ch. Movsumzade // Petroleum and Gas Chemistry. 2017. № 2. P. 40-45.
- [13] Formation and development of the thermal cracking process at Baku oil refineries / Kh.Kh. Akhmadova, A.M. Syrkin, D.V. Shtepa, N.Ch. Movsumzade // Petroleum and Gas Chemistry. 2017. № 3. P. 28-34.

Гусейнов Анвархан Асиф оглы

Магистр, соискатель учёной степени кандидата наук.

Исторический факультет,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

**Вклад ученых АЗССР (на примере Юсифа Мамедалиева)
в совершенствование добычи нефти и природного газа
для укрепления боевой мощи Красной армии**

Аннотация. Победа над врагом в годы Великой Отечественной Войны, была достигнута путем слаженной работы всех союзных республик. Каждая республика вносила свой собственный неоценимый вклад в коллективную победу над врагом. Не оставался в стороне и советский Азербайджан. Азербайджанская ССР дала фронту самое главное – нефть, а так же производные от нефти горюче-смазочные материалы. Именно на Бакинской нефти ковалась победа над врагом. При изучении данного вопроса, нельзя обойти вниманием так же вклад ученых АЗССР в разработку нефтяных месторождений Азербайджана, а так же в разработку методов добычи и переработки сырья. Самым известным ученым того времени, являлся Юсиф Мамедалиев. В первой половине 20 века азербайджанские ученые оказали значительно влияние на совершенствование технологии добычи и переработки природного газа и нефти. Особенно революционными стали научные работы Юсифа Мамедалиева, касающиеся получения вещества под названием толуол - ключевого компонента тротила, который используется в военных целях. В дальнейшем Юсиф Мамедалиев сделал другие важные открытия союзного и международного значения, что принесло ему всемирное признание и известность. В связи с вышеизложенным, автором настоящей статьи, была предпринята попытка научного анализа и критического осмысления вклада ученых АЗССР (на примере Юсифа Мамедалиева) в совершенствование добычи нефти и природного газа для укрепления боевой мощи красной армии.

Ключевые слова: победа над Германией, вклад АЗССР в победу над фашизмом, вклад Азербайджанских ученых, совершенствование добычи нефти, совершенствование добычи газа, разработка технологий переработки углеводородов.

Huseynov Anvarkhan Asif ogly

*Master, candidate for the degree of candidate of science.
Historical, Moscow State University.*

**The contribution of scientists of the AZSSR
(by the example of Yusif Mamedaliev)
to the improvement of oil and natural gas production
to strengthen the Red Army's battle power**

Abstract. Victory over the enemy during the Great Patriotic War was achieved through the coordinated work of all the Union republics. Each republic made its own invaluable contribution to the collective victory over the enemy. Soviet Azerbaijan did not stand aside either. The Azerbaijan SSR gave the front the most important thing - oil, as well as fuels and lubricants derived from oil. It was on Baku oil that victory over the enemy was forged. When studying this issue, one cannot ignore the contribution of the scientists of the Azerbaijan SSR to the development of oil fields in Azerbaijan, as well as to the development of methods for the extraction and processing of raw materials. The most famous scientist of that time was Yusif Mammadaliyev. In the first half of the 20th century, Azerbaijani scientists had a significant impact on improving the technology of extraction and processing of natural gas and oil. Particularly revolutionary were the scientific work of Yusif Mammadaliyev concerning the production of a substance called toluene, a key component of TNT, which is used for military purposes. Later, Yusif Mammadaliyev made other important discoveries of union and international significance, which brought him worldwide recognition and fame. In connection with the foregoing, the author of this article made an attempt to scientific analysis and critical reflection on the contribution of scientists of the Azerbaijan SSR (on the example of Yusif Mammadaliyev) to improving oil and natural gas production to strengthen the combat power of the Red Army.

Key words: victory over Germany, contribution of the Azerbaijan SSR to the victory over fascism, contribution of Azerbaijani scientists, improvement of oil production, improvement of gas production, development of hydrocarbon processing technologies.

Аннотации

Меньшова А.В.

Самокрутова Т.А.

Панкова И.А.

Гроховская Т.В.

К вопросу об арготической лексике современного французского языка со значением «одежда», «обувь»

Статья рассматривает проблему языковой картины мира. Понимание языковой картины мира носителей иностранного языка имеет колоссальное значение из-за необходимости изучения межкультурной коммуникации в целях изучения культурных различий народов и специфики менталитета. Цель настоящей статьи заключается в изучении конкретного фрагмента языковой картины мира француза XXI века на примере арготических лексических единиц с общим значением «одежда», «обувь». Поставленная цель конкретизируется в следующих задачах: исследовать специфические особенности языковой картины мира во Франции XXI века; исследовать происхождение арготических лексем с общим значением «одежда», «обувь» современного француза.

Ключевые слова: языковая картина мира, словообразование, лексическая единица, арго, лексема, арготическая лексема, арготическая лексика, лексическая система французского языка, этимология, этимон, суффиксация, префиксация, заимствования, метафора, апокопа, метонимия, субстантивация, эвфемизм.

Лю Син

Отрицательный перенос родного языка в практике преподавания грамматики русского языка и меры по его преодолению

Русский и китайский языки, различающиеся по происхождению, имеют принадлежность к разным языковым семьям. Русский язык принято относить к индоевропейской семье, а китайский язык, в свою очередь, признается как представитель сино-тибетской языковой семьи. Между двумя языковыми системами существуют различия почти на всех уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом, стилистическом и т. д. Это неизбежно оказывает большое влияние на обучение китайских студентов русскому языку как иностранному. По этой причине немало ученых удели и уделяют внимание исследованию роли родного китайского или русского языка в процессе овладения вторым новым языком. В настоящей статье с точки зрения теории отрицательного переноса родного языка анализируются и обобщаются распространенные грамматические ошибки у китайских студентов-русистов, связанные с их этноязыковым сознанием и недостаточным усвоением грамматических норм современного русского языка. Выдвигаются методы и стратегии обучения, способствующие преодолению отмеченных отрицательных переносов. Автором отмечается, что отрицательный перенос представляет собой объективно существующее явление, имеющее свои закономерности. При подготовке к занятиям по русской грамматике преподаватели должны обратить особое внимание на формирование у обучающихся навыков самостоятельного анализа, сопоставления и обобщения, а также развитие их способности мыслить на русском языке.

Ключевые слова: отрицательный перенос родного языка, преподавание грамматики русского языка, формы выражения, методика преодоления.

Карпушкина И.Н.**Репрезентация образа России в немецкоязычной медиасфере (2000-2010)**

Для приобретения чёткого представления о характере информационных действий геополитических оппонентов России сейчас как никогда актуален анализ материалов 2000-х годов в европейских медиа. В указанный период информационные манипуляции западных СМИ были более скрытыми, а русофобская политика изданий – менее очевидной, однако именно в это десятилетие закладывался фундамент антироссийской информационной кампании и зарождались тезисы, господствующие в медиaprостранстве сейчас, в 2020-х годах. Объектом данного исследования мы выбрали образ России в немецкоязычной медиасфере в период с 2000 по 2010 год, а предметом являются материалы немецкоязычных СМИ, опубликованные в это десятилетие. Цель исследования – выявить, участвовала ли Германия в информационной войне Запада против России в конкретный период, а при положительном результате сделать вывод о том, каким образом это повлияло на современное состояние российско-германских отношений. В ходе исследования мы выяснили, что, несмотря на продуктивное энергетическое сотрудничество с Россией, Германия включилась в антироссийскую информационную кампанию и тем самым навредила собственным интересам. В частности, результатом этого стала в 2022-2023 годах невыгодная проамериканская позиция ФРГ по поводу диверсии на «Северных потоках».

Ключевые слова: Россия, Германия, Запад, геополитика, СМИ, информационная война, манипулирование информацией, русофобия, энергетическое сотрудничество, газ, Северный поток-1.

Гаранина А.А.**Портретирование через дискурс СМИ**

В статье рассматривается теоретическая сторона дискурса в целом и подходы его описания. За основу исследования берется медиа дискурс так как он описывает релевантные аспекты жизни, последние тенденции и явления социальной действительности. Рассматривается специфика дискурса СМИ и интердискурса, их связь с многими смежными с лингвистикой наук. Исследуется термин «портретирование» и его место в медийном дискурсе.

Ключевые слова: дискурс, медийный дискурс, интердискурс, портретирование, речевой портрет.

Лешкова Я.Н.**Новый подход к жестовым языкам в рамках евразийской парадигмы**

Что есть русский жестовый язык? Отдельный национальный язык или часть государственного языка? В статье проведен подробный аналитический разбор о том, что жестовые языки так или иначе являются частью государственных языков, только находятся в другой модальности языка — визуальной. Жестовые языки используют одни и те же термины и понятия, присущие государственным языкам, только имеют свои правила и грамматику в силу того, что жестовые языки основываются на другой модальности. Предложенная гипотеза обосновывается тем, что у глухих жителей определенной страны тот же самый менталитет, что и у большинства обычных жителей данного государства, у них одна и та же картина мира, которая отличается только модальностью восприятия: у глухих она визуальная, у слышащих — аудиальная, при этом письменность и средства массовой коммуникации у обеих категорий одни и те же. В свете проведенного анализа появ-

вилось понимание, что жестовые языки не могут быть отдельными национальными языками, как языки этнических меньшинств. Поэтому при изучении жестовых языков предлагается сменить научную парадигму, в которой жестовый язык изучается, как отдельный иностранный язык, не зависящий от звучащего, на новую научную парадигму, в которой жестовый язык изучается, как визуальная часть государственного языка. В статье дан полный разбор всех категорий неслышащих и предложен перечень форм визуальной модальности русского языка: русский жестовый язык, калькирующая жестовая речь, дактиль, мимика, артикуляция, кинесика, среди которых особо выделен маусинг на рассмотрение необходимости применения данного термина в свете того, что уже существует термин «артикуляция», и предложена подробная структура восприятия информации человеком в целом, каждый элемент которой создает мыслительно-речевое собирательное понятие – логос. Автор этим самым хотела показать, что нельзя принижать значение какой-либо одной модальности восприятия, что каждая модальность восприятия вносит большой вклад в развитие человечества.

Ключевые слова: русский жестовый язык, калькирующая жестовая речь, дактиль, мимика лица, артикуляция, кинесика, дейкис, маусинг, визуальная модальность языка, аудиальная модальность языка, кинестетическая модальность языка, фактуры речи, концептуальная и языковая картины мира, логос.

Исаев М.Г.

Визуальная модальность в массовых коммуникациях

В настоящей научной статье поднимаются вопросы коммуникации в социальном взаимодействии. Массовая коммуникация является неотъемлемой частью современного общества с его экономикой, политикой и культурой. Реалии жизни общества таковы, что без владения языком нельзя стать его полноправным членом, при этом в обществе могут существовать знаковые системы, которые известны сравнительно небольшим группам людей. Например, правила сигнализации флажками на флоте известны морякам, знаки азбуки Морзе — телефонистам, научная символика — учёным, жестовый язык — неслышащим.

Изучение жестового языка находится в самом начале своего пути, при этом потенциал языка, использующего визуальную модальность, развивается вместе с новыми видами массовых коммуникаций. Рассматривая форматы представления информации в визуальной модальности, автор вводит идею сигнот. Фундаментальная идея сигноты заключается в выражении идей в визуальной модальности, иными словами, передаче информации посредством знаков жестового языка.

Будущее сигнот и визуального модуса находится в руках тех, кто верит, что инструментальной системы знаков в массовых коммуникациях рождает новый коммуникационный уровень, вносящий огромный вклад в языковую систему в целом.

Ключевые слова: визуальная модальность языка, фактуры речи, средства массовых коммуникаций, русский жестовый язык, калькирующая жестовая речь, сигнота, Visual Vernacular (VV).

Асланова К.М.

Станчуляк Т.Г.

Кожевникова Е.В.

Лингвостилистические средства выражения комического в английской детской литературе

Статья отражает результаты исследования, целью которого являлось изучение

и описание способов языкового воплощения комического в английской детской литературе. Лингвостилистические средства выражения смешного анализируются с точки зрения фонетики, лексики и синтаксиса. В исследовании также учитывается влияние возраста целевой аудитории при выборе тех или иных языковых средств. Так, отдельно рассматриваются используемые приёмы в литературе для дошкольников, для детей младшей школы и для детей средней и старшей школы.

Ключевые слова: лингвостилистические средства, детская литература, комическое, средства выражения комического.

Ван Юйсюань

Формирование лингвокультурной компетенции средствами русской фразеологии в процессе изучения русского языка как иностранного

В данной статье поднимается вопрос формирования лингвокультурной компетенции у иностранных учащихся, изучающих в России русский язык. Определив предпосылки, способствующие изучению русского языка с позиций лингвокультурного подхода, автор статьи предлагает технологию формирования лингвокультурной компетенции на примере фразеологических единиц. Проанализировав специфику восприятия национально маркированных устойчивых выражений русского языка, автор статьи приходит к выводу, что предлагаемые преподавателем РКИ упражнения должны носить межкультурный характер. Автор статьи доказывает, что сравнительный анализ фразеологизмов русского и родного языков поможет лучше осознать специфику национального мышления русского народа, что скажется на более эффективном изучении самого языка как средства коммуникации.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингвокультурная компетенция, межкультурная коммуникация, диалог культур, фразеологическая единица.

Мороз Ю.А.

Гакало А.А.

Шувалова А.А.

О (не)переводимости метафоры с точки зрения некоторых испанских, французских и каталонских выражений и фразеологизмов

В связи с тем, что метафора отражает концепцию мира, цель статьи – показать, что метафора не мешает ей переводить, но другая концептуализация, лежащая в основе метафоры. Как следствие, в рамках когнитивной семантики мы будем изучать трехязычный корпус (испанский, французский и каталонский) метафорических идиом, связанных с человеческим телом (носом и ухом).

Ключевые слова: метафора, перевод, концептуализация, когнитивная семантика, фразеологизмы, метафорические фразеологизмы.

Орлова Т.А.

Резепова Н.В.

Лингвокультурологические особенности топонимов Великобритании

В статье представлен комплексный анализ лингвокультурологических особенностей названий улиц Великобритании. Целью исследования является выявление закономерностей в образовании топонимов и составление классификации, иллюстрирующей культуроспецифичность этой разновидности топонимов. В предлагаемой публикации представлено экстралингвистическое описание происхождения названий улиц, формирующих лингвистический портрет некоторых британских городов.

Ключевые слова: географическая номенклатура, топонимика, топоним, урбаноним, годоним, культуроспецифичность, лингвокультурный ареал, топонимическая конверсия, аффиксация, словосложение.

Сон Ён Иль

Семантически-синтаксическая специфика слова – что и его словосочетания

Рассматривается характеристика преимущественных модальностей. Цель исследования: использования функционально-модальной особенности описания слова. Установка синтаксической роли в специфике вопросительного местоимения, союза, частицы способствующей актуальным практическим примерам, текущее направление понятия.

Ключевые слова: союз, вопросительное местоимение, частица, преувеличенность, уступительная характеристика, противность.

Чжао Цзюнчэнь

Новостная журналистика: специфика организации контента в эпоху «новых медиа»

Данная статья посвящена актуальным вопросам развития новостной журналистики в эпоху новых медиа. Целью исследования является изучения подхода к созданию новостного контента в условиях трансформации масс медиа. На основании проведенного анализа новостных медиа автор статьи делает вывод, что в XXI веке только традиционные медиа сохраняют профессиональный уровень новостной журналистики. Определив проблемы в области создания и представления новостей, автор статьи пытается решить вопрос искоренения недостатков в новостной Интернет-журналистики, но приходит к выводу, что именно Всемирная сеть с ее глобальными масштабами и участием аудитории в создании новостного контента губит новостную журналистику.

Ключевые слова: новость, новостная журналистика, традиционные СМИ, новые медиа, Интернет.

Иванова М.Е.

Резепова Н.В.

Патриотизм и служение отечеству как национальная идея: общественно-исторический обзор

В основе общероссийской гражданской идентичности лежат традиционные российские духовно-нравственные ценности, совокупность которых следует рассматривать как самостоятельную мировоззренческую основу современной идеологии Российской цивилизации. В связи с этим существует необходимость теоретического осмысления каждой из этих ценностей. В связи с осмыслением ценности «служение Отечеству» в статье анализируется развитие представлений об Отечестве, Отчизне, Родине в российской национальной культуре. Выявлено соотносительное содержание этих понятий, показаны основные этапы развития представлений о патриотизме в русском национальном сознании. Показаны основные подходы современных исследователей к структуре и основным типам патриотизма. Показаны антиподы патриотизма и основные разновидности лжепатриотизма.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, Отечество, Родина, Отчизна, патриотизм, лжепатриотизм, служение Отечеству.

Дьяков С.И.
Горохов В.В.
Ванягин В.Е.

Образовательный процесс (порядок набора, переподготовка, результаты боевых артиллерийских стрельб, тактические учения и совершенствование учебно-материальной базы) в Рязанском Артиллерийском Училище с 1946-1958 гг.

Цель исследования. Провести анализ порядка набора, переподготовки, результатов боевых артиллерийских стрельб, тактических учений и совершенствование учебно-материальной базы. Актуальность темы определена проведением анализа порядка поступления, категории поступающих, динамики результатов боевых артиллерийских стрельб переменного и постоянного состава училища и совершенствованием учебно-материальной базы РАУ. Методы исследования: научный, системный, аналитический и сравнения. Ключевые выводы: на совершенствование образовательного процесса в училище и на повышение качества подготовки выпускников – офицеров-артиллеристов, всех специальностей влияли разные обстоятельства: порядок набора, развитие и совершенствование учебно-материальной базы, вооружения военной и специальной техники (ВВСТ) стоящих на вооружении артиллерийских подразделений.

Ключевые слова: артиллерия, Рязанское Артиллерийское Училище (РАУ), подготовительные артиллерийские училища, переподготовка, боевые артиллерийские стрельбы, тактические учения с боевой стрельбой, учебно-материальная база.

Никитина А.В.

Феномен «наследств» в русской политической мысли XIV–XVI вв.: краткий обзор зарубежной историографии

Политическая мысль Средневековья демонстрирует взаимодействие культур Византии и Руси и интересует довольно широкий круг западных исследователей. Автор настоящей статьи убежден, что зарубежная историография является полезным дополнением для исследований, посвященных истории Руси XIV–XVI вв. В данной статье в виде компендиума охарактеризована зарубежная историография феномена «наследств» в русской политической мысли XIV–XVI вв.

Ключевые слова: история Руси, историография, зарубежная историография, Византийское наследство, Киевское наследство, Флорентийская уния.

Ванграу В. Ванесса Эстель

История отношений Буркина-Фасо и Ганы 1980-2022

В статье автором рассматривается международное сотрудничество Республики Гана и Буркина-Фасо в период с 1980 по 2022 годы. Несмотря на относительно недолгую историю отношений, государства смогли выстроить прочное сотрудничество и реализовать несколько совместных проектов, которые поспособствовали эффективному решению главных проблем. На сегодняшний день ключевым фактором, влияющим на повышение индекса терроризма, являются возрастающие показатели нищеты в странах. Особое внимание автором уделяется совместным проектам, направленным на борьбу с терроризмом, поскольку этот вопрос является приоритетным для Буркина-Фасо и Ганы. Вследствие того, что бедность является плодотворной средой для развития терроризма, власти государств стремятся к строительству социальных и экономических инфраструктур, повышению процента образованности в обществе.

Ключевые слова: Буркина-Фасо, Республика Гана, терроризм, бедность, международные отношения, сотрудничество, пандемия, экономический кризис, голод.

Чжао Хуэйцин

Дударенок С.М.

Изучение истории китайской диаспоры российского Дальнего Востока в России и КНР

Цель данной статьи – определить степень изученности истории китайской диаспоры российского Дальнего Востока специалистами из России и Китайской Народной Республики. В работе представлены основные труды исследователей, раскрывающие вопросы жизни китайского народа на территории РФ. Периодизация трудов историков и этнографов (дореволюционного времени, советского и постсоветского этапов) позволяет проследить эволюцию взглядов учёных на историю развития китайской диаспоры российского Дальнего Востока. Автором определяется необходимость продолжения и укрепления российско-китайского научного сотрудничества для более глубокого и встроенного анализа закономерностей развития и истории китайской диаспоры, проживающей на территории Дальнего Востока в РФ.

Ключевые слова: китайская диаспора, китайская община, Дальний Восток, миграция, Китай.

Таршилова А.М.

Международный контроль за атомной энергией: к истории постановки вопроса

Статья посвящена истории проекта международного контроля над атомной энергией, рассматривавшегося Комиссией по атомной энергии ООН в 1946-1952 гг. Уточняется понятие о международном контроле над атомной энергией, соответствующее периоду с 1945 по 1952 гг. Рассматривается позиция США в отношении международного контроля над атомной энергией и политика СССР по этому вопросу. Указаны причины, по которым англо-американский проект международного контроля над атомной энергией заведомо не мог быть реализован. Утверждается, что советское руководство было заинтересовано в международном контроле над атомной энергией, а администрация США нет.

Ключевые слова: международный контроль над атомной энергией, внешняя политика СССР, Комиссия по атомной энергии ООН, План Баруха, Международное право, Конвенция о запрещении атомного оружия, мирный атом, резолюция Генеральной ассамблеи ООН № 1.

Фомин А.А.

Тимошенко В.Н.

Иванов А.Ю.

Участие Республики Филиппины в Корейской войне 1950-1953 гг.

В статье рассматриваются причины и предпосылки участия Республики Филиппины в Корейской войне 1950-1953 гг. Отдельно выделяются филиппинские боевые группы и батальоны, принявшие непосредственное участие в военном конфликте и послевоенном восстановлении инфраструктуры Корейского полуострова. Анализируется значение военного конфликта в контексте американо-филиппинского сотрудничества начала 1950-х гг.

Ключевые слова: Филиппины, США, военное сотрудничество, Корейская война, внешняя политика.

Богданов С.В.

Залюбовская В.В.

Полевые и местные комендатуры германских оккупационных властей и их роль в утверждении немецкого «нового порядка»

Статья посвящена роли германских полевых и местных комендатур в утверждении и поддержании фашистского оккупационного режима на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны. Хронологические рамки исследования охватывают период, когда Курская область находилась под властью немецких оккупационных властей и их союзников (ноябрь 1941-август 1943 гг.). Статья базируется на документах рассекреченных архивных материалов органов государственной безопасности России по Курской и Белгородской областям. Наибольший интерес представляли агентурные донесения советской разведки, материалы уголовных дел лиц, привлеченных к уголовной ответственности за активное сотрудничество с немецкими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Реконструируются цели и задачи германских комендатур в обеспечении безопасности немецких частей, военных коммуникаций, обеспечении вермахта продовольствием и борьбы с антифашистским подпольем на территории Центрального Черноземья.

Ключевые слова: немецкий оккупационный режим, немецкие полевые и местные комендатуры, коллаборационизм, антифашистское подполье.

Гусейнов Анвархан Асиф оглы

Вклад ученых АЗССР (на примере Юсифа Мамедалиева) в совершенствование добычи нефти и природного газа для укрепления боевой мощи Красной армии

Победа над врагом в годы Великой Отечественной Войны, была достигнута путем слаженной работы всех союзных республик. Каждая республика вносила свой собственный неоценимый вклад в коллективную победу над врагом. Не оставался в стороне и советский Азербайджан. Азербайджанская ССР дала фронту самое главное – нефть, а так же производные от нефти горюче-смазочные материалы. Именно на Бакинской нефти ковалась победа над врагом. При изучении данного вопроса, нельзя обойти вниманием так же вклад ученых АЗССР в разработку нефтяных месторождений Азербайджана, а так же в разработку методов добычи и переработки сырья. Самым известным ученым того времени, являлся Юсиф Мамедалиев. В первой половине 20 века азербайджанские ученые оказали значительно влияние на совершенствование технологии добычи и переработки природного газа и нефти. Особенно революционными стали научные работы Юсифа Мамедалиева, касающиеся получения вещества под названием толуол - ключевого компонента тротила, который используется в военных целях. В дальнейшем Юсиф Мамедалиев сделал другие важные открытия союзного и международного значения, что принесло ему всемирное признание и известность. В связи с вышеизложенным, автором настоящей статьи, была предпринята попытка научного анализа и критического осмысления вклада ученых АЗССР (на примере Юсифа Мамедалиева) в совершенствование добычи нефти и природного газа для укрепления боевой мощи красной армии.

Ключевые слова: победа над Германией, вклад АЗССР в победу над фашизмом, вклад Азербайджанских ученых, совершенствование добычи нефти, совершенствование добычи газа, разработка технологий переработки углеводородов.

Abstracts

Menshova A.V.

Samokrutova T.A.

Pankova I.A.

Grokhovskaya T.V.

Revisiting the argotic vocabulary of the modern French language with the meaning «clothes», «shoes»

The article considers the problem of the linguistic picture of the world. Understanding the linguistic picture of the world of native speakers of a foreign language is of great importance because of the need to study intercultural communication in order to study the cultural differences of peoples and the specifics of mentality. The purpose of this article is to study a specific fragment of the linguistic picture of the world of the Frenchman of the XXI century on the example of argotic lexical units with a common meaning «clothes», «shoes». The goal is specified in the following tasks: to study the specific features of the linguistic picture of the world in France of the XXI century; to study the origin of argotic lexemes with the general meaning «clothes», «shoes» of the modern Frenchman.

Key words: linguistic picture of the world, word formation, lexical unit, argot, lexeme, argotic lexeme, argotic vocabulary, lexical system of the French language, etymology, etymon, suffixation, prefix, borrowings, metaphor, apocope, metonymy, substantiation, euphemism.

Liu Xing

Negative transfer of the native language in the practice of teaching grammar of the Russian language and measures to overcome it

Russian and Chinese, which differ in origin, belong to different language families. The Russian language is usually attributed to the Indo-European family, and the Chinese language, in turn, is recognized as a representative of the Sino-Tibetan language family. There are differences between the two language systems at almost all levels: phonetic, lexical, grammatical, stylistic, etc. This inevitably has a great impact on teaching Chinese students Russian as a foreign language. For this reason, many scientists have paid and are paying attention to the study of the role of the native Chinese or Russian language in the process of mastering a second new language. In this article, from the point of view of the theory of negative transfer of the native language, the common grammatical errors among Chinese Russian students associated with their ethno-linguistic consciousness and insufficient assimilation of grammatical norms of the modern Russian language are analyzed and generalized. Methods and learning strategies are put forward to help overcome the noted negative shifts. The author notes that negative transference is an objectively existing phenomenon that has its own patterns. When preparing for classes in Russian grammar, Russian grammar teachers should pay special attention to the formation of students' skills of independent analysis, comparison and generalization, as well as the development of their ability to think in Russian.

Key words: negative transfer of the native language, teaching grammar of the Russian language, forms of expression, methods of overcoming.

Karpushkina I.N.

Representation of Russia in German media sphere (2000-2010)

To gain a clear understanding of actions in the media sphere of Russia's geopolitical opponents, the analysis of materials from the 2000s in the European media is now more

relevant than ever. During this period, the information manipulations of the Western media were more hidden, and the Russophobic policy of publications was less obvious, but it was in this decade that the foundation of the anti-Russian information campaign was laid and the theses that dominate the media space now, in the 2020s, were born. The object of this study is the image of Russia in the German-language media sphere in the period from 2000 to 2010, and the subject is the materials of the German-language media published in this decade. The purpose of the study is to identify whether Germany participated in the information war of the West against Russia in the mentioned period, and in case of a positive result, to conclude how this affected the current state of Russian-German relations. In the course of the study, we found out that, despite the productive energy cooperation with Russia, Germany joined the anti-Russian information campaign and thereby harmed its own interests. In particular, the result of this was in 2022-2023 the disadvantageous pro-American position of Germany regarding the Nord Stream pipeline sabotage.

Key words: Russia, Germany, West, geopolitics, media, information war, information manipulation, Russophobia, energy cooperation, gas, Nord Stream-1.

Garanina A.A.

Portrayal through Media Discourse

The article deals with the theoretical side of the discourse as a whole and approaches to its description. The study is based on media discourse as it describes the relevant aspects of life, the latest trends and phenomena of social reality. The specifics of media discourse and interdiscourse, their connection with many sciences related to linguistics are considered. The term “portrayal” and its place in the media discourse are investigated.

Key words: discourse, media discourse, interdiscourse, portrayal, speech portrait.

Leshkova Ya.N.

A new approach to sign languages within the Eurasian paradigm

What is the nature of Russian sign language? Is it considered a distinct national language or a part of the official language? This article presents a comprehensive analysis which argues that sign languages are indeed part of official languages. However, sign languages operate within a different modality - the visual realm. While sign languages share the same terms and concepts as spoken languages, they possess unique rules and grammar due to their reliance on visual communication. The hypothesis presented can be supported by the observation that deaf individuals in a specific country share similar attitudes and perspectives as the general population. Their understanding of the world is essentially the same, with the only difference being the method of perception. However, their modes of written communication and mass communication are identical. Based on this analysis, it is evident that sign languages should not be considered as distinct national languages, like those of ethnic minorities. Instead, the suggested approach is to view sign language as a visual component of the country's language, rather than as a separate foreign language without sound. The article provides a thorough examination of various groups within the deaf community and presents a list of visual means used in the Russian language, such as Russian sign language, sign-supported speech (calquing sign speech), fingerspelling, facial expressions, articulation, and kinesics. The article specifically focuses on the use of mouthing. It questions the necessity of the term “mouthing” alongside the term “articulation”. The article also proposes a detailed structure for the perception of information. According to this structure each element creates a cognitive concept. The author aims to demonstrate that it is crucial to acknowledge the significance of each modality of perception, as they all contribute to human progress and development.

Key words: Russian sign language, sign-supported speech (calquing sign speech), fingerspelling, mimics, articulation, kinesics, deixis, mouthing, visual modality, audial modality, kinesthetic modality, linguistic worldview (linguistic world-image), conceptual worldview, logos.

Isaev M.G.

Visual modality as a part of mass communication

This article explores communication in social interaction and the importance of mass communication in modern society. Language proficiency is crucial for full membership in society, but there are also sign systems known to smaller groups, such as flag signaling for sailors, Morse code for telephonists, symbolism for scientists, and sign language for the deaf. The study of sign language is in its early stages, evolving alongside new forms of mass communication. The author introduces the concept of signota, which involves expressing ideas visually through sign language. The future of signota and the visual mode depends on those who recognize its potential in enhancing communication and contributing to the language system as a whole.

Key words: visual modality, speech textures, mass communication, Russian Sign Language, calquing sign speech, signota, Visual Vernacular (VV).

Aslanova K.M.

Stanchuliak T.G.

Kozhevnikova E.V.

Linguistic and stylistic means of expressing the comic in English children's literature

The article reflects the results of the research aimed at studying and describing the ways of linguistic expression of the comic in English children's literature. The linguistic and stylistic means of expressing the comic are analyzed from the point of view of phonetics, vocabulary and syntax. The study also takes into account the age of the target audience as it can determine the choice of language means. Thus, we separately consider the comic and means of its expression in literature for preschoolers, for elementary school children and for middle and high school children.

Key words: linguistic and stylistic means, children's literature, the comic, means of expressing the comic.

Wang Yuxuan

Formation of linguocultural competence by means of Russian phraseology in the process of learning Russian as a foreign language

This article raises the problem of forming linguocultural competence in the process of studying Russian by the foreign students. Having defined the prerequisites that promote the study of the Russian language from the point of view of linguocultural approach, the author of the article offers the technology of formation of linguocultural competence on the example of phraseological units. Having analyzed the specifics of perception of nationally marked stable expressions of the Russian language, the author of the article comes to the conclusion that the exercises offered by the teacher of the Russian language should have intercultural character. The author of the article proves that the comparative analysis of phraseological units of the Russian and native languages of students will help to understand the specifics of national thinking of the Russian people better. It will cause to more effective study of the Russian language as a means of communication.

Key words: Russian as a foreign language, linguocultural competence, intercultural communication, dialog of cultures, phraseological unit.

Moroz Yu.A.

Gakalo A.A.

Shuvalova A.A.

About the (un)translatability of metaphor in the perspective of some Spanish, French and Catalan locutions and Phraseological units

Due to the fact that metaphor reflects a conception of the world, the aim of the article is to demonstrate that metaphor does not prevent it from translating, but the different conceptualization underlying on metaphor. As a consequence, in the framework of cognitive semantics, we will study a trilingual corpus (Spanish, French and Catalan) of metaphorical idioms related to human body (nose and ear).

Key words: metaphor, translation, conceptualization, cognitive semantics, phraseological units, metaphorical idiom.

Orlova T.A.

Rezepova N.V.

Linguoculturological features of godonyms of Great Britain

The article presents a comprehensive analysis of the linguocultural features of UK street names. The purpose of the study is to identify patterns in the formation of godonyms and compile a classification that illustrates the cultural specificity of this type of toponym. This paper presents an extra-linguistic description of the origin of street names that form the linguistic portrait of some British cities.

Key words: geographical nomenclature, toponymy, toponym, urbanonym, godonym, cultural specificity, linguocultural area, toponymic conversion, affixation, compounding.

Song Young Il

Semantic-syntactic specificity of the word - the same as its phrases

The characterization of inferential modalities is considered. The purpose of the study: the use of functional-modal feature of the description of the word. Setting the syntactic role in the specificity of the question pronoun, union, particle contributing to the actual practical examples, the current direction of the concept.

Key words: conjunction, interrogative pronoun, particle, exaggeration, concessional characteristic, obnoxiousness.

Zhao JiongChen

News journalism: Specific features of content organization in the epoch of “new media”

This article is devoted to the actual problems of news journalism development in the new media times. The aim of the research is to study the approach to the creation of news content in the conditions of mass media transformation. Based on the analysis of news media, the author of the article concludes that in the twenty-first century only traditional media retain the professional level of news journalism. Having identified the problems in the field of news creation and presentation, the author of the article tries to solve the issue of eradicating the shortcomings in Internet news journalism, but comes to the conclusion that it is the World Wide Web with its global scale and audience participation in the creation of news content that ruins news journalism.

Key words: news, news journalism, traditional media, new media, Internet.

Ivanova M.E.

Rezerova N.V.

Patriotism and service to the fatherland as a national idea: a socio-historical review

The all-Russian civil identity is based on the traditional Russian spiritual and moral values, the impact of which should be considered as an independent worldview basis of the modern ideology of Russian civilization. In this regard, there is a need for a theoretical understanding of each of these values. In connection with the understanding of the value of “serving the Fatherland,” the article analyzes the development of ideas about the Fatherland, the Fatherland, and the Motherland in the national Russian culture. The correlative content of these concepts was revealed, along with the main stages of the development of ideas about patriotism in the national Russian consciousness. The main approaches to the structure and main types of patriotism on the part of modern researchers are identified. Antipodes of patriotism and the main varieties of false patriotism are revealed.

Key words: spiritual and moral values, Fatherland, Motherland, Homeland, patriotism, false patriotism, service to the Fatherland.

Dyakov S.I.

Gorokhov V.V.

Vanyagin V.E.

Educational process (recruitment procedure, retraining, results of combat artillery firing, tactical exercises and improvement of educational material base) in the Ryazan Artillery School since 1946-1958

Purpose of the study. Conduct an analysis of the recruitment procedure, retraining, results of combat artillery firing, tactical exercises and improvement of the training and material base. The relevance of the topic was determined by analyzing the admission procedure, the category of applicants, the dynamics of the results of combat artillery firing of the variable and permanent composition of the school and the improvement of the educational and material base of the RAU. Research methods: scientific, systemic, analytical and comparison. Key conclusions: the improvement of the educational process at the school and the improvement of the quality of training of graduates - artillery officers, of all specialties, was influenced by various circumstances: the recruitment procedure, the development and improvement of the educational and material base, the armament of military and special equipment (VVST) in service with artillery units.

Key words: artillery, Ryazan Artillery School (RAU), preparatory artillery schools, retraining, combat artillery firing, tactical live-fire exercises, educational and material base.

Nikitina A.V.

The phenomenon of “legacies” in the Russian political thought of the XIV–XVI centuries: a brief review of foreign historiography

The political thought of the Middle Ages demonstrates the interaction of Byzantine and Rus’ cultures. The author of the present article is convinced that foreign historiography is a useful supplement for studies devoted to the history of Rus XIV–XVI centuries. In this article the foreign historiography of the phenomenon of “legacies” in Russian political thought of the XIV–XVI centuries is characterised in the form of a compendium.

Key words: history of Russia, historiography, foreign historiography, Byzantine Succession, Kievan Succession, Florentine Union.

Wangraoua W. Vanessa Estelle

The history of relations between Burkina Faso and Ghana 1980-2022

In the article, the author examines the international cooperation of the Republic of Ghana and Burkina Faso in the period from 1980 to 2022. Despite the relatively short history of relations, the states were able to build strong cooperation and implement several joint projects that contributed to the effective solution of the main problems. To date, the key factor influencing the increase in the terrorism index is the increasing poverty rates in countries. The author pays special attention to joint projects aimed at combating terrorism, since this issue is a priority for Burkina Faso and Ghana. Since poverty is a fruitful environment for the development of terrorism, the State authorities strive to build social and economic infrastructures, increase the percentage of education in society.

Key words: Burkina Faso, Republic of Ghana, terrorism, poverty, international relations, cooperation, pandemic, economic crisis, famine.

Zhao Huiqing

Dudarenok S.M.

Studying the history of the Chinese diaspora of the Russian far east in Russia and PRC

The purpose of this article is to determine the degree of knowledge of the history of the Chinese diaspora of the Russian Far East by specialists from Russia and the People's Republic of China. The paper presents the main works of researchers that reveal the issues of the life of the Chinese people on the territory of the Russian Federation. The periodization of the works of historians and ethnographers (pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet stages) allows us to trace the evolution of scientists' views on the history of the development of the Chinese diaspora in the Russian Far East. The author determines the need to continue and strengthen Russian-Chinese scientific cooperation for a deeper and deeper analysis of the patterns of development and history of the Chinese diaspora living in the Far East in the Russian Federation.

Key words: Chinese diaspora, Chinese community, Far East, migration, China.

Tarshilova A.M.

International control of atomic energy: a history of the problem

An article is devoted to the international control of atomic energy project the UN Atomic Energy Commission has been worked on in 1946-1952. The concept of international control of atomic energy as it was seen in the period from 1945 to 1952, is clarified. The position of the United States regarding international control over atomic energy and the policy of the USSR on this issue are considered. The reasons the Anglo-American project of international control over atomic energy a priori was impossible are found out. It argues the Soviet leadership was interested in international control of atomic energy and the US Administration was not.

Key words: international control of atomic energy, foreign policy of the USSR, UN Atomic Energy Commission, Baruch Plan, International law, Convention for the Prohibition of Atomic Weapons, Peaceful Atom, UN General Assembly Resolution № 1.

Fomin A.A.

Timoshenko V.N.

Ivanov A.Y.

Participation of the republic of the Philippines in the Korean war 1950-1953

The article discusses the reasons and prerequisites for the participation of the Republic of the Philippines in the Korean war of 1950-1953. Separately, Philippine combat groups and battalions that took a direct part in the military conflict and the post-war

reconstruction of the infrastructure of the Korean Peninsula are highlighted. The article analyzes the significance of the military conflict in the context of the U.S.-Philippines cooperation in the early 1950s.

Key words: Philippines, USA, military cooperation, Korean war, foreign policy.

Bogdanov S.V.

Zalyubovskaya V.V.

Field and local commandage offices of the German occupation authorities and their role in establishing the German “new order”

The article is devoted to the role of the German field and local commandant's offices in establishing and maintaining the fascist occupation regime on the territory of the Kursk region during the Great Patriotic War. The chronological framework of the study covers the period when the Kursk region was under the rule of the German occupation authorities and their allies (November 1941-August 1943). The article is based on documents declassified archival materials of the state security bodies of Russia in the Kursk and Belgorod regions. Of greatest interest were intelligence reports of Soviet intelligence, materials of criminal cases of persons prosecuted for active cooperation with the German invaders during the Great Patriotic War. The goals and objectives of the German commandant's offices are reconstructed in ensuring the security of German units, military communications, providing the Wehrmacht with food and combating the anti-fascist underground in the Tsentral'noy Chernozem'ya Region.

Key words: German occupation regime, German field and local commandant's offices, collaborationism, anti-fascist underground.

Huseynov Anvarkhan Asifogly

The contribution of scientists of the AZSSR (by the example of Yusif Mamedaliev) to the improvement of oil and natural gas production to strengthen the Red Army's battle power

Victory over the enemy during the Great Patriotic War was achieved through the coordinated work of all the Union republics. Each republic made its own invaluable contribution to the collective victory over the enemy. Soviet Azerbaijan did not stand aside either. The Azerbaijan SSR gave the front the most important thing - oil, as well as fuels and lubricants derived from oil. It was on Baku oil that victory over the enemy was forged. When studying this issue, one cannot ignore the contribution of the scientists of the Azerbaijan SSR to the development of oil fields in Azerbaijan, as well as to the development of methods for the extraction and processing of raw materials. The most famous scientist of that time was Yusif Mammadaliyev. In the first half of the 20th century, Azerbaijani scientists had a significant impact on improving the technology of extraction and processing of natural gas and oil. Particularly revolutionary were the scientific work of Yusif Mammadaliyev concerning the production of a substance called toluene, a key component of TNT, which is used for military purposes. Later, Yusif Mammadaliyev made other important discoveries of union and international significance, which brought him worldwide recognition and fame. In connection with the foregoing, the author of this article made an attempt to scientific analysis and critical reflection on the contribution of scientists of the Azerbaijan SSR (on the example of Yusif Mammadaliyev) to improving oil and natural gas production to strengthen the combat power of the Red Army.

Key words: victory over Germany, contribution of the Azerbaijan SSR to the victory over fascism, contribution of Azerbaijani scientists, improvement of oil production, improvement of gas production, development of hydrocarbon processing technologies.

Авторы

Асланова К.М. - магистр лингвистики, Студент. Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Богданов С.В. - доктор исторических наук, профессор Губкинского филиала, НИТУ «Московский институт стали и сплавов».

Ванграуа В. Ванесса Эстель - аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Ванягин В.Е. - кандидат военных наук. Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург.

Ван Юйсюань - аспирант. Факультет иностранных языков и регионоведения - Теория и методика обучения и воспитания (иностраннй язык). Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Гакало А.А. - преподаватель. Севастопольский государственный университет.

Гаранина А.А. - преподаватель кафедры языкознания и иностранных языков РГУП (Российский государственный университет правосудия) РФ (Ростовский филиал).

Горохов В.В. - кандидат исторических наук, доцент. Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург.

Гроховская Т.В. - старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Тамбовский Государственный Университет имени Г.Р. Державина».

Гусейнов Анвархан Асиф оглы - магистр, соискатель учёной степени кандидата наук. Исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Дьяков С.И. - кандидат педагогических наук, доцент. Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург.

Дударенок С.М. - доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Отдел социально-политических исследований. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Залюбовская В.В. - аспирант ФГБОУ НИУ «Белгородский государственный университет».

Иванов А.Ю. - кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет».

Иванова М.Е. - старший преподаватель кафедры иностранных язы-

ков № 2, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва.

Исаев М.Г. - аспирант по научной специальности 5.12.3 Междисциплинарные исследования языка в ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», Генеральный директор ООО «МАЯС».

Карпушкина И.Н. - бакалавр факультета международной журналистики МГИМО МИД России, стажёр Департамента информации и печати МИД РФ, «Российской газеты» и немецкой редакции телеканала “Russia Today”.

Кожевникова Е.В. - кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ (Институт иностранных языков), РУДН (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы).

Лешкова Я.Н. - аспирант по научной специальности 5.12.3 Междисциплинарные исследования языка в ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», Директор АНО «ИПГИС «НА ЖЕСТАХ».

Лю Син - доктор филологических наук, Хуайиньский Технологический Институт, Хуайань, Китай.

Меньшова А.В. - старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Тамбовский Государственный Университет имени Г.Р. Державина».

Мороз Ю.А. - кандидат философских наук, доцент. Севастопольский государственный университет.

Никитина А.В. - исследователь, преподаватель-исследователь, сотрудник ООО «Информационно-консалтинговая компания «Религия сегодня», г. Тверь.

Орлова Т.А. - старший преподаватель кафедры иностранных языков ИОМ. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва.

Панкова И.А. - доцент, ФГБОУ ВО «Тамбовский Государственный Университет имени Г.Р. Державина».

Резепова Н.В. - доцент кафедры иностранных языков №2 ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Доцент кафедры русского и иностранного языков ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова (ВГИК)».

Самокрутова Т.А. - старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Тамбовский

Государственный Университет имени Г.Р. Державина».

Сон Ён Иль - соискатель. Тихоокеанский государственный университет, Инчхон, Республика Корея.

Станчуляк Т.Г. - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ (Институт иностранных языков) РУДН (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы).

Таршилова А.М. - аспирант Факультета мировой политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Тимошенко В.Н. - доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет».

Фомин А.А. - Научный сотрудник, Хабаровский краевой музей имени Гродекова.

Чжао Хуэйцин - доцент, Хэйхэский университет, КНР.

Чжао Цзюньчэнь - магистр, факультет журналистики. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Шувалова А.А. - студент. Севастопольский государственный университет.

Authors

Aslanova K.M., Bachelor of Linguistics, Master degree student, the Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Bogdanov S.V., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Gubkin branch, NUST "Moscow Institute of Steel and Alloys".

Dudarenok S.M., Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Research Officer at the Institute of history, Archeology and Ethnography of the peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok.

Dyakov S.I., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Mikhailovskaya Military Artillery Academy.

Fomin A.A., Researcher, Khabarovsk territorial Museum.

Gakalo A.A., Teacher. Sevastopol State University.

Garanina A.A., Lecturer at the Department of Linguistics and Foreign Languages, Russian State University of Justice (Rostov Branch).

Gorokhov V.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Mikhailovskaya Military Artillery Academy.

Grokhovskaya T.V., Senior Lecturer, Derzhavin Tambov State University.

Huseynov Anvar Khan Asif ogly, Master, candidate for the degree of candidate of science. Historical, Moscow State University.

Isaev M.G., Graduate student in the scientific specialty 5.12.3 Interdisciplinary Language Studies at the Federal State Educational Institution of Higher Education "Moscow State Linguistic University", General Director of LLC "MAYAS".

Ivanov A.Y., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Pacific National University.

Ivanova M.E., Senior teacher of Chair of Foreign Languages № 2. The Plekhanov Russian University of Economics.

Karpushkina I.N., Bachelor of the Faculty of International Journalism of the Moscow State Institute of International Relations, intern at the Department of Information and Press of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Rossiyskaya Gazeta and the German editorial office of the Russia Today TV channel.

Kozhevnikova E.V., Candidate of social sciences (PhD in Social sciences) Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages in Theory and Practice, the Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Leshkova Ya.N., Graduate student in the scientific specialty 5.12.3 Interdisciplinary Language Studies at the Federal State Educational Institution of Higher Education "Moscow State Linguistic University", Director of the Autonomous Non-Profit Organization "IPGIS "WITH SIGNS".

Liu Xing, Doctor of Philology, Huayin Institute of Technology, Huai'an, China.

Menshova A. V., Senior Lecturer, Derzhavin Tambov State University.

Moroz Yu. A., Associate Professor. Sevastopol State University.

Nikitina A. V., Researcher, lecturer–researcher, employee of LLC “Information and consulting company “Religion Today”, Tver.

Orlova T. A., Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, IOM. Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow.

Pankova I. A., Assistant Professor, Derzhavin Tambov State University.

Rezepova N. V., Associate Professor of Chair of Foreign Languages № 2. The Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor of Chair of Russian and Foreign Languages, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov.

Samokrutova T. A., Senior Lecturer, Derzhavin Tambov State University.

Shuvalova A. A., Student. Sevastopol State University.

Song Young Il, Applicant. Pacific State University, Incheon, Republic of Korea.

Stanchuliak T. G., Candidate of philological sciences (PhD in Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages in Theory and Practice, the Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Tarshilova A. M., Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University.

Timoshenko V. N., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of Pacific National University.

Vanyagin V. E., Candidate of Military Sciences, St. Petersburg Military Institute of the Order of Zhukov of the National Guard of the Russian Federation.

Wangraoua W. Vanessa Estelle, Graduate Student, Peoples' Friendship University of Russia.

Wang Yuxuan, Graduate student. Faculty of Foreign Languages and Regional Studies - Theory and methodology of teaching and education (foreign language) Lomonosov Moscow State University.

Zalyubovskaya V. V., Postgraduate student of FGBOU NRU “Belgorod State university”.

Zhao Huiqing, Associate Professor, Heihe University, Heihe (China).

Zhao JiongChen, Master, Faculty of Journalism. Lomonosov Moscow State University.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»**
Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в Перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:
создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.
Редакционная подготовка
(литературное и техническое редактирование), дизайн.
Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.
Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

- * допечатная доработка (по желанию автора);
- * редактирование;
- * корректура;
- * подготовка электронного макета;
- * присвоение ISBN;
- * присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
- * разработка дизайна обложки;
- * печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
- * передача 16 экземпляров в Книжную палату;
- * рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 772-19-99
e-mail: etnosocium@mail.ru